

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 1 (60) 2017

Донецк

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

**Сетевой журнал Донецкого национального университета
Исторический факультет**

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Ответственный секретарь – Бобровский А. С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий институт железнодорожного транспорта)

Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)

Леонова Н.Б. – д-р ист. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)

Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)

Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)

Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)

Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Краснонос Ю.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Кухтин М.М. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Удалова Т.М. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

Рецензенты: д.и.н. Беловолов Ю. Г., д.и.н. Бредихин А. В., д.и.н. Ерхов Г. П.,

д.филос.н. Муза Д.М., к.и.н. Краснонос Ю. Н., к.и.н. Разумный В. В., д.и.н. Шепко Л. Г.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 6, от 30 июня 2017 г.

Журнал зарегистрирован Комитетом по лицензированию и мониторингу СМИ Министерства информации ДНР 22 марта 2015 г., регистрационный №195.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. – Приказ МОН ДНР №1134 от 1. XI. 2016 г.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), наукометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24, Донецк, 83001. Тел. (062)302-92-72 e-mail: nvn2015@rambler.ru

Сайт <http://donnu.ru/mhpno>

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Второй Международной научной конференции
«История и политика в количественных измерениях» 14.04.2017 г.

Количественный анализ исторических событий: достижения и проблемы

Никольский В. Н. Шахтеры Донбасса в статистических обследованиях 1923 года.....	7
Разумная Н. Н. Основные показатели развития угольной промышленности Донбасса в годы Первой мировой войны.	18
Бобровский А. С. Компаративный анализ социально-экономического положения инженерно-технической интеллигенции и рабочих Донбасса в начале 30-х гг. XX ст.....	26
Судацков Н. Д. Восстановление Донбасса в годы Великой Отечественной войны.	33
Карачевская В. И. Развитие санитарно-эпидемиологической службы Ворошиловградской и Донецкой областей в середине 1960 х – начале 1990-х годов.	41

Наука и культура сквозь призму статистики

Шепко Л. Г. Структура амфорного комплекса святилища у пос. Заветное.	50
Санжаров В. А., Петрова И. Н. Историческая личность в восприятии современников: на примере анализа образов Людовика XI и Карла Смелого у Филиппа де Коммина.....	56

Шендрикова С. П. Социокультурная жизнь крымского общества в свете перемен после присоединения к Российской империи. 63

Политическая и демографическая история на фоне статистики

Стрионова И. В. Трансформация политического режима в Украине. 69

Посредников Д. В. Социология религии как политика в Украине. 77

Анастасов А. И., Дергунова Е. С. Компаративный анализ законов РФ «Об иностранных агентах» и США «О регистрации иностранных агентов» (FARA). 85

Мармазова Т. Р. Формирование политической системы Словакии (на основании результатов выборов). 93

Багликова М. С. Индексы демократии в сравнительной политологии. 101

Муза Д. Е., Скворцов Ю. А. Количественные методы в изучении миграции населения. 111

Статистические источники в исторической науке

Баранов А. В. Статистические источники об этнической и сословной идентичности казачества на Юге России в 1920-х гг. 118

Бикметов Р. С. «Книга памяти погибших шахтеров Кузбасса» как источник по истории развития угольной промышленности Кемеровской области. 125

Продолжая дискуссию

Муза Д. Е. «Революция... есть естественный плод, последнее слово, высшее выражение того, что... принято называть цивилизацией Запада» (к логике и аксиологии русской революции). 131

Папаяни Ф. А. Анализ версий социализма периода XIX – XXI вв. 140

Кальной И. И. Отзыв на статью Ф.А. Папаяни «О формуле согласия для «красных и «белых». 163

К 80-летию Донецкого национального университета и исторического факультета

Никольский В. Н. Историография истории Донбасса: начало взросления. ... 165

CONTENT

Materials of the Second International scientific conference "History and politics in quantitative dimensions"

Quantitative analysis of historical events: achievements and problems

- Nikolskyj V. N.** The miners of Donbass in statistical studies of 1923s. 7
- Razumnaya N. N.** The main characteristic values of the development of the Donbass' coal industry during the First World War. 18
- Bobrovskij A. S.** A comparative analysis of the socioeconomic condition of the engineers and technicians, workers of Donbass in the beginning of the 1930s. 26
- Sudavcov N. D.** The restoration of Donbass during the Great Patriotic War. 33
- Karachevskaya V. I.** The development of the health and disease control of the Voroshilovgrad and Donetsk regions in the middle of the 1960s – the beginning of the 1990s. 41

Science and culture through the prism of statistics

- Shepko L. G.** The structure of the amphora complex of the sanctuary in Zavetnoe. ..50
- Sanzharov V. A., Petrova I. N.** A historical personality as perceived by contemporaries: exemplified by an analysis of the images of Louis XI and Charles the Bold according to Philippe de Commynes. 56
- Shendrikova S. P.** The sociocultural life of crimean society in the light of changes after joining the Russian Empire. 63

Political and demographic history on the background of statistics

Strionova I. V Transformation of political regime in Ukraine.	69
Posrednikov D. V. Social studies of religion as politics in Ukraine.	77
Anastasov A. I., Dergunova E. S. A comparative analysis of the laws of the Russian Federation “On foreign agents” and of the USA “Foreign Agents Registration Act” (FARA).	85
Marmazova T. R. The formation of the political system of Slovakia (on the basis of the results of elections).	93
Baglikova M. S. Indices of democracy in comparative political science.	101
Muza D. E., Skvorcov Yu. A. Quantitative methods in studying the migration of population.	111

Statistical sources in historical science

Baranov A. V. Statistical sources on the ethnic and class identity of the Cossacks in the southern Russia in the 1920s.	118
Bikmetov R. S. “The memorial book of the deceased miners of the Kuzbass” as a source for the history of the development of the coal industry of the Kemerovo region.	125

Continuing the discussion

Muza D. E. “The revolution ... is a natural fruit, the last word, the highest expression of ... what is usually called the civilization of the west” (on the logic and axiology of the russian revolution).	131
Papayani F. A. An analysis of the versions of socialism in the period of the 19th – 21st centuries.	140
Kalnoy I. I. Review of the article by F. A. Papayani “On the concord formula for the “Reds” and the “Whites”.	163

Devoted to the 80th anniversary of Donetsk National University and the Faculty of History

Nikolskyj V. N. Historiography of the history of Donbass: the beginning of growing uh.	165
--	-----

**Материалы Второй Международной научной конференции
«История и политика в количественных измерениях».**

**Количественный анализ исторических событий:
достижения и проблемы**

УДК94(477.6):303.71:622.012.2-051 "1923"

В. Н. Никольский

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nicols46@mail.ru

**ШАХТЕРЫ ДОНБАССА
В СТАТИСТИЧЕСКИХ ОБСЛЕДОВАНИЯХ 1923 года**

Аннотация

В статье, на основе статистических материалов 1923 г., рассматриваются основные характеристики работников ведущей производственной отрасли Донбасса. Источниками исследования являются «Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии. Том первый. Промышленность Донбасса» и однодневная перепись рабочего состава Донугля. Основная масса информации вводится в научный оборот впервые.

***Ключевые слова:** Донбасс, статистика, угольная промышленность, 1923 г., кадры шахтеров*

Summary

The main characteristics of the workers of the region's leading branch of production are examined in the article on the basis of statistical materials of 1923. "Results of the all-round household census of the Donetsk province. Volume one. Industry of Donbass" and the one-day census of the personnel of the Donugol are the sources of the study. The bulk of the data is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *Donbass, statistics, coal industry, 1923, miners' cadres.*

В истории развития угольной промышленности Донбасса много «белых пятен», вызванных в еще недавнее время доминировавшим методологическим принципом партийности, который был основой всех аспектов изучения. Развитие рабочего класса в регионе, рассматривалось с точки зрения его вклада в революционные события или построение «светлого будущего». А затем история рабочего класса оказалась не «особенно интересной» исследователям, но уже исходя из совершенно других подходов. Так кем же были рабочие ведущей отрасли Донбасса в прошлом, на различных его этапах, если изучать их в количественных оценках?

Историография по теме, сформулированной в названии статьи, включает, прежде всего, фундаментальную коллективную монографию «История рабочих Донбасса», изданную в 1981 г., и до сих пор во многих моментах не утратившую своего научного значения [1]. По исследуемому нами периоду, приводятся данные о численности рабочих по отраслям промышленности региона. В частности, указано, что к началу 1922 г. на угольных предприятиях региона работали 116,7 тыс. чел., в январе – феврале 1922 г. среднемесечное количество шахтеров уменьшилось до 90,4 тыс., в сентябре общее число промышленных рабочих всех отраслей составило 98 тыс., в конце года – 160 тыс. человек, а к началу 1923 г. в угольной отрасли на государственных рудниках числились 121,7 тыс. чел. [2]. Как видим, за небольшой период времени количественные показатели рабочих значительно изменялись.

В указанной монографии социологические характеристики работников специально не рассматриваются. А многие аспекты, касающиеся рабочих, изложены исключительно с точки зрения «классового подхода».

В 1975 г. была издана монография В.С. Лельчука «Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии» [3]. В этой книге, в частности, рассматриваются некоторые данные, характеризующие рабочих в период новой экономической политики

В 1995 г. в специализированном совете в Донецком национальном университете Ю.Н. Красноносным была защищена кандидатская диссертация «Формирование кадров рабочих угольной промышленности Украины (1926 – 1939 гг.)» [4]. Период, рассматриваемый автором, выходит за рамки нашей темы, но это была единственная кандидатская диссертация по проблематике истории

рабочего класса периода нэпа. В исследовании используются количественные характеристики рабочих, в том числе и за предшествовавшие годы.

Определенные данные количественных характеристик горняков в Донбассе приводятся в монографии И.А. Дмитрик и В.Н. Никольского [5].

Комплексный анализ публикаций предшественников, дает возможность автору данной статьи сделать общий вывод о том, что избранная тема имеет хорошую научную перспективу.

Источниковедческую основу нашего исследования составляют архивные материалы и опубликованные данные региональных обследований, относящихся к 1923 г.

19ноября 1922 г. Донецким губисполкомом было принято, одобренное губернским съездом советов, решение об организации и проведении сплошной подворной сельскохозяйственной переписи с учетом промышленных заведений, школьных и просветительных учреждений губернии. Однако Центральное статистическое управление Украины не только не помогало в ее проведении, но всячески старалось запретить. Как сообщается в предисловии издания, «...усилия Ц.С.У. не увенчались и не могли увенчаться успехом, но повредить планомерности в проведении переписи они все же смогли» [6]. Вот что писал на страницах этого издания уполномоченный Донецкгубисполкома по проведению переписи в Донбассе Сергей Мазлах: «Успеху переписи, сильно содействовало то обстоятельство, что наши парторганы уделили ей достаточно внимания. При таких условиях и заведующие Округными Статбюро могли и действительно проявили значительную энергию в деле быстрой организации проведения переписи на местах» [7]. Материалы первого тома указанной переписи являются одной из основных составляющих источниковедческой основы нашей статьи.

В декабре-январе 1923 г. Донецкий губернский совет профсоюзов провел обследование, которое получило название «Анализ состава горнорабочих». Неполные материалы этой работы сохранились в фонде 1п Государственного Архива Донецкой Народной Республики [8]. Эти данные являются важнейшей документальной составляющей нашей работы.

Несколько слов об организации сбора материала для последующего анализа. Было решено совместить обследование горняков с выдачей, как тогда называли, «единых членских книжек» рабочим-шахтерам, состоявшим в ВСГ (Всероссийском союзе горнорабочих). В декабре 1922 г. отпечатали опросные листы и необходимые инструкции. В процессе раздачи этих листов, как это указано в итоговом документе, «отбирали сведения у шахтеров и заносили их в список» [9]. К началу января 1923 г. данные были собраны и стали поступать в губернский отдел профсоюза горняков. Организаторы опроса отмечали, что «места к предложению Губотдела отнеслись с полным пониманием, что задуманная Губотделом работа облегчит их деятельность, сблизит с массой и осветит им целый ряд явлений, относительно которых до сих пор можно было только догадываться и строить те или иные предположения» [10].

Третьей документальной частью нашей статьи является докладная записка «Характеристика рабочего состава Донугля», составленная на основании данных однодневной переписи проведенной статистическим отделом Управления государственной каменноугольной промышленности Донбасса [11].

Названные материалы являются, на наш взгляд, полной и достаточной документальной базой для проведения этого исследования.

Цель нашего исследования - комплексное изучение основных количественных показателей, характеризующих рабочих угольной промышленности региона. Исходя из характера публикации, отдельные аспекты проблемы, связанные с производственной деятельностью горняков, включая оплату труда, производственные и бытовые конфликты с руководящими структурами региона (безработица, забастовочное движение и т.п.) нами не рассматриваются и запланированы для перспективной разработки.

Кроме этого, отметим, что отдельные данные, характеризующие горняков Донбасса периода новой экономической политики, были изложены автором в более ранних публикациях [12].

Вначале рассмотрим общие данные о количестве рабочих-горняков, приведенные в разных документальных источниках.

По данным сплошной подворной переписи Донецкой губернии по состоянию на февраль 1923 г. на промышленном производстве трудились 206.902 чел., из них в горной и горнозаводской промышленности - 156.370 чел., то есть - 75% от всех занятых в промышленности региона [13].

Наши подсчеты по таблицам «Списка промышленных заведений Донбасса» [14] дали следующие результаты по угольной отрасли. По данным на февраль 1923 г., уголь и антрацит добывали на 288 государственных и 66 арендных шахтах (рудниках). Были законсервированы или разрушены, соответственно, 74 и 24 предприятий. На государственных шахтах и рудниках трудились 104.085 рабочих, а на арендных – 3734. Кроме того, действующей брикетной фабрике в Алчевске работали 184 чел. То есть, всего в угольной промышленности по данным переписи 1923 г. трудились 108.003 рабочих. Кроме того, в штате 160 предприятий отрасли состояли инженерно-технических работников и служащих; суммарно их было 6477 чел.

В целом, по подсчитанным нами данным переписи 1923 г., в горной промышленности Донбасса работали 114.480 чел.

Сложность в установлении действительной численности работников угольной промышленности заключается в том, что эти данные ежемесячно менялись из-за текучести кадров. Так, списочный состав трудящихся по тресту Донуголь в апреле 1923 г. составлял 122.300 чел., а среднее число трудящихся – 115.865 чел., в мае, соответственно, 127.493 чел. и 121.503 чел., в июне – 125.423 чел. и 115.304 чел., в июле– 118.967 чел. и 112.170 чел., в августе – 121.307 чел. и 113.609 чел. [15].

В результатах профсоюзного опроса указаны такие сведения: всего трудящихся горняков по состоянию на 1 января 1923 г. – 120.350 чел., из них

членов профсоюза – 93.096 чел. (77%), обследовано 83.787 чел. (70%). В среднем по Донбассу учету подверглись 90% членов профсоюза ВСГ. [16].

Распределение трудящихся угольной отрасли по производственным единицам (по состоянию на 1 января 1923 г.) было таким:

Районы: Алмазно-Марьевский – 26.498 чел., Юзовский – 23.324 чел., Шахтинский – 13.279 чел., Соляной – 1781 чел. Всего по районам – 75.928 чел.

Рудоуправления: Боково-Хрустальское – 5.734 чел., Щербиновское – 5.439 чел., Гришинское – 4.889 чел., Брянское – 4.253 чел., Должанское – 3.596 чел., Чистяковское – 3.365 чел., Снежнянское – 3.112 чел., Упенское – 2.930 чел., Ровенецкое – 2.305 чел., Боково-Хрустальское – 2.036 чел., Краснодонское – 1.970 чел., Давыдовское – 1.836 чел., Карловское – 1.827 чел., Сорокинское – 1.697 чел., Горняцко-Богураевское – опрос не проводился. Всего по рудоуправлениям – 44.989 чел.

В общем, по нашим подсчетам, профсоюзный опрос горняков указывал на наличие по состоянию на 1 января 1923 г. трудящихся угольной промышленности в количестве **121.917 чел.** Отметим, что в таблицах по опросу указано общее число работавших в отрасли – 120.230 чел., то есть на 1.567 чел. меньше, чем по нашим подсчетам (на основании таблиц опроса) [17].

Следует заметить, что в материалах «Сплошной подворной переписи...» также есть несовпадающие данные (разночтения). Так, порядковый номер последнего в списке предприятия – 8155 [18], а в таблице на странице 9 указано общее количество предприятий в губернии 8289. Эта же цифра получается от суммирования количества предприятий по округам. То есть, разница – 134 предприятия.

В докладной записке «Характеристика рабочего состава Донугля», составленной на основе данных однодневной переписи, проведенной статистическим отделом управления горной каменноугольной промышленности Донбасса (УГКП) в феврале 1923 г., говорится: «Основной массой рабочих кадров Донецкого бассейна является пришлый элемент разных губерний России, составляющий 56,3% всех рабочих и 43,7% состоят из крестьян местных сел и деревень, при этом пришлый элемент во всей своей массе состоит из чистых рабочих-пролетариев, местные состоят и из пролетариев и из крестьян, главным занятием которых является хлебопашество, и, как подсобное, - работа на рудниках Донбасса. Местожительством последних (крестьян) являются близ расположенные села и деревни. Разграничение рабочих на пришлый элемент и на элемент местный, так или иначе, связанные с Донбассом еще не дает возможность выявить ту часть рабочих, которые являются более или менее устойчивой, то есть прочно связанной с рудниками, работающих временно и уходящих с рудников при удобном к тому случае» [19].

Ответ на этот вопрос приводится в таких данных распределения рабочих по продолжительности их работы на рудниках и шахтах:

трудившихся в Донбассе до 1 года - 14,7%,
 - * - от 1 до 2 лет - 6,3%,

- * - от 2 до 5 лет - 10%,
- * - более 5 лет - 59%» [20].

Таким образом, почти две трети рабочих трудились на шахтах Донбасса более 5 лет.

Упомянутый выше профсоюзный опрос, проводившийся в декабре 1922 г. – январе 1923 г., дает иные, более детализированные сведения:

Рабочий стаж горняков: до 3 лет - 20%, до 5 лет - 11%, до 10 лет - 21%, более 10 лет - 45%, неизвестно - 3%». То есть, каждый третий шахтер имел производственный стаж до 5 лет, а две трети – до 10 и более лет [21].

Сопоставить данные двух, приведенных опросов, трудно, поскольку они проводились с использованием разных временных диапазонов.

В результатах профсоюзного опроса приведены еще две группы данных.

Рабочий стаж в Донбассе: до 1 года - 12%, до 3 лет - 15%, до 5 лет - 12%, до 10 лет - 20%, до 15 лет - 13%, более 15 лет - 20%, не известно - 8%. Следовательно, до 5 лет в Донбассе трудились около одной трети горняков, а половина их работала до 10 и более лет [22].

Стаж на данном предприятии: до 1 года - 29%, до 3 лет - 23%, до 5 лет - 13%, до 10 лет - 17%, до 15 лет - 7%, более 15 лет - 4%, не известно - 7% [23].

Из приведенных данных видно, что две трети рабочих трудились на конкретных шахтах и рудниках региона до 5 лет, а менее одной трети - от 10 до 15 лет и свыше. Но все же почти третья часть работала там до 1 года. То есть, значительная часть горняков довольно часто меняла место работы.

Однодневная перепись горняков, проведенная статистическим отделом УГКП, дала такие результаты по их производственному стажу:

до полугода – 26,5%, от полугода до 1 года - 7,4%, один – два года - 10,6%, то есть суммарно – около половины всех шахтеров (44,5%). Со стажем от двух до пяти лет - 22,1%, от пяти до десяти лет - 14,4% (36,5%), то есть - около трети. Свыше десяти лет - 19% (почти каждый пятый).

Отметим, что в то время было принято считать, что для практической подготовки горняка конкретной профессии требовалось до 2 лет.

Немаловажным был вопрос о квалификационном уровне донецких горняков.

Данные показали, что из 83.787 опрошенных со стажем 10 и более лет в Донбассе трудились 27.948 горняков (33,4%) и имели определенную квалификацию, то есть конкретную профессию (забойщик, электрик, монтер, машинист подъема и т.п.) 12.509 чел. (более 45% из них). А процент квалифицированных горняков со стажем работы в Донбассе более 10 лет составлял почти половину (45%) [24].

В материалах проведенной в феврале 1923 г. статистическим отделом УГКП однодневной переписи горняков приводятся данные об уровне их квалификации: из всего количества рабочих со стажем более 5 лет, забойщиков (то есть основной категории рабочих, непосредственно добывавших уголь) было 76,2% (три четверти), крепыльщиков – 83,2%, подрывников и бурильщиков – 76,7%, а среди административно-технического персонала – 88,4%. Иначе говоря, основная масса

по указанным профессиям, работавших более 5 лет, имела конкретную профессию [25].

Перепись, проведенная статистическим отделом УГКП дала такие данные о половом и возрастном составе донбасских рабочих-горняков: 79,7% были взрослыми мужчинами, 11,3% - женщинами, 7,1% - подростками обоего пола в возрасте 16 - 18 лет, 1,9% - детьми до 16 лет [26].

Основные квалификации шахтеров детально распределялись так по возрастным категориям:

забойщики: 17-18 лет - 0,2%, 19-25 лет - 15,4%, 26-35 лет - 42%, 36-45 лет - 29,4%, более 45 лет - 13%;

крепильщики: 16-18 лет - 0,5%, 19-25 лет - 15,4%, 26-35 лет - 35,1%, 36-45 лет - 30,5%, более 45 лет - 18,5%;

остальные угольные рабочие: 14-16 лет - 0,1%, 17 - 18 лет - 7%, 19-25 лет - 54,2%, 26 - 35 лет - 28,1%, 36 - 45 лет - 8,5%, более 45 лет - 2,1% [27].

По возрастным характеристикам квалифицированных рабочих в переписи статотдела УГКП был сделан такой вывод: «Основное ядро квалифицированных рабочих – забойщики и крепильщики -преимущественно люди среднего возраста (26 – 35 лет). За счет всех остальных трудящихся возраст несколько снижается» [28].

Состояние здоровья горняков характеризовалось такими данными профсоюзного опроса: из обследованных 83.787 горняков, признавали себя вполне здоровыми 70.336 чел. (84%), признавали себя больными различными болезнями 13.451 чел. (16%) [29].

Как указывается в материалах обследования, «подвергались несчастным случаям за время работы в Донбассе» всего 11.373 горняков (13,6% обследованных); из них: один раз – 7.566 чел. (66,5% от потерпевших от несчастного случая), два раза – 2.243 чел. (19,8%), более 2 раз – 1564 чел. (13,7%) [30].

В докладной записке статотдела УГКП отмечается, что «проработавшие более 10 лет забойщики и крепильщики нуждаются в замене»; среди квалифицированных («вполне подготовленных») горнорабочих Донбасса физически здоровыми являлись только 36,5% (третья часть), а группа «идуших на смену «старикам» незначительна – 10,6% [31].

Отдельный раздел профсоюзного обследования назывался «Коммунизм среди горнорабочих Донбасса». Из обследованных 83.787 чел. членами партии (указано - РКП) были 2412 чел. (2,9%), членами комсомола (РКСМ) – 1493 чел. (1,8%), а всего – 3905 чел. (4,7%). То есть, в партийно-комсомольскую «прослойку» (по терминологии тех лет) входил один шахтер из 22-х.

Партийный и комсомольский стаж у горняков был таким: до 1917 г. – 235 чел. (9,7%), 1918 г. – 150 чел. (6,2%), 1919 г. – 219 чел. (9,1%), 1920 г. – 744 чел. (30,8%), 1921 г. – 306 чел. (12,7%), 1922 г. – 510 чел. (21,1%), не известно – 248 чел. (10,4%). То есть, с дореволюционным стажем был каждый десятый член партии, в

период гражданской войны и иностранной интервенции в партию вступили почти половина членов РКП - горняков, а в первые два года нэпа – третья часть.

Из членов партии и комсомольцев на производстве трудились 3060 чел. (78,4%, более трех четвертей с «партийной принадлежностью»), а в учреждениях и организациях – 845 чел. (21,6%).

На первом месте среди вопросов профсоюзного обследования (и это указывается в документах) был культурный уровень шахтеров. Вот как был обоснован такой подход: «Шахтер Донбасса нас интересует не только, как источник рабочей силы, но и как общественный индивидуум, реагирующий на все явления общественной жизни. Степень общественного развития той или иной социальной группы легче всего определить по среднему уровню грамотности этой группы, по интересу, проявленному ей к книге и газете, и таким организациям как театр, клуб и общественные собрания» [32].

Естественно, что уровень общей культуры определяется, прежде всего, образовательными показателями. В период, исследуемый нами, учет рабочих шел по линии: безграмотный – малограмотный – хорошо грамотный. Именно в этом диапазоне и выяснялась в 1923 г. образовательная ситуация у рабочих-горняков. В ходе профсоюзного опроса были установлены такие данные: безграмотными были 20.896 чел. из 83.787 опрошенных. То есть, не умели читать и писать каждый четвертый из шахтеров (24,9%). Примерно столько же относили себя к категории малограмотных – 20.253 чел. (24,2%). А примерно половина горняков считались «хорошо грамотными» - 42.638 чел. (50,9%)[33].

В комментарии к приведенным данным по грамотности горняков, указывалось, что «только половина членов нашего союза в Донбассе грамотна и в состоянии разбираться в явлениях жизни, а другая половина блуждает в потемках и не в состоянии, даже при наличии досуга и желания, читать книги и газеты... Есть места, например, Должанский район, где% безграмотных доходит до 33% общего числа членов союза. Эти цифры говорят за то, что на нас лежит большая обязанность по ликвидации неграмотности» [34].

Отдельный раздел опроса назывался «Интерес шахтеров к книге, газете, театру, клубу и собраниям».

Две трети горняков (56.216 чел.) книг не читали вовсе, 14,7% (12.314 чел.) отметили, что прочитывали в месяц 1 – 2 книги; 15,3% (12.783 чел.) заявили, что читали более двух книг в месяц, а 2.474 чел. (2,9%) на этот вопрос не ответили. При этом, нужно учесть, что речь шла о книге вообще, без выделения художественной, политической, технической, научной, научно-популярной и т.п. литературы [35].

Более двух третей опрошенных (55.914 чел.) газеты не читали; 14,8% (12.396 чел.) читали 1 – 5 газет; 4,9% (4.141 чел.) заявили, что читали 6 – 10 газет, а 10,6% (8.862 чел.) – более 10 газет в месяц, 2474 чел. (2,9%) затруднились дать какой-либо ответ. То есть, ситуация с чтением газеты была аналогичной отношению к книге. [36].

Посещение клубов характеризовалось такими данными: более половины (59%) в клуб не ходили, примерно одна треть опрошенных посещали клуб 1 – 5 раз в месяц, лишь каждый двадцатый бывал в клубе 6 – 10 раз в месяц, а один из четырнадцати – более 10 раз [37].

Данные по посещению шахтерами театра были аналогичными показателям по клубам: не посещали вообще – 55%, 1 -2 раза в месяц – каждый пятый, 3 - 4 раза – один из шести, более 5 раз – каждый тринадцатый. Нужно отметить, что проводившие опрос не указали, чем клуб, в их представлении, отличался от театра. Ведь основная масса шахтеров проживали на рудничных поселках, где, как правило, театров не было. Если же речь шла об организации коллективных выездов на театральные представления в больших городах, то речь шла, вероятно, не столько об интересе горняков к театру вообще, а о недоработках в проведении массовых культурных мероприятий, которыми занимались профсоюзы [38].

Посещение горняками собраний – это выявление совершенно других интересов, не связанных с проведением досуга. В какой-то мере, это – один из аспектов установления социальной активности рабочих. Ситуация была такой: третья часть опрошенных собраний вообще не посещали, примерно столько же посещали 1 - 2 раза в месяц. То есть два из трех горняков были безразличны к проявлению этого рода активности. Правда, речь шла, вероятно, о профсоюзных собраниях, где администрация с помощью организованного рабочего актива, как правило, пыталась решить текущие производственные, и, возможно, бытовые проблемы. Посещали собрания 3 - 4 раза месяц примерно каждый пятый горняк, а каждый восьмой – более четырех раз в месяц [39]. Заметим, что рассматриваемые нами обследования горняков проводились в 1923 г. - периоду наибольшей забастовочной активности шахтеров Донбасса: ущерб, нанесенный массовыми выступлениями горняков суммарно по региону составил 70 миллионов пудов не добытого топлива [40].

Комментируя результаты опроса, проведенного профсоюзом горняков, его авторы отметили: «Ясно, что занятие чтением как нормами времяпровождения и использованием своего досуга составляет удел крайне ограниченного числа трудящихся Донбасса, что такие трудящиеся насчитываются единицами, в то время, как подавляющая масса питается слухами, рассказами и другими суррогатами общественного мнения. Также печально состоит с вопросами посещения рабочими театров, клубов и общих собраний, назначение которых в том, чтобы дать рабочему классовое развитие, чтобы поднять уровень его политического сознания, чтобы сделать его членом революционно-классовой организации и учеником школы коммунизма, каковой является наш союз. Мы видим здесь, что 55 – 60% трудящихся вовсе не заглядывают ни в клуб, ни в театр, и что целая треть состава совершенно не принимает участия в рабочих собраниях, оставаясь равнодушными к тем вопросам рабочей жизни, которые на этих собраниях обсуждаются. В отношении посещений рабочих собраний, мы, правда, имеем налицо известное достижение – 1/3 рабочих этими собраниями интересуется, но этого мало – нужно добиться того, чтобы все рабочие одинаково

интересовались этими собраниями и активно участвовали в разрешении всех вопросов, связанных и жизнью и бытом трудящихся. То же самое и в отношении клуба и театра, как учреждений, способствующих общему интеллектуальному развитию, они должны быть посещаемыми всеми рабочими, должны стать школой массового просвещения» [41].

Можно утверждать, что результаты количественных обследований рабочих-горняков Донбасса в 1923 г., приведенные выше, имеют интересные с точки зрения социологии данные. И понятно, что в одной журнальной статье глубоко и детально их рассмотреть затруднительно. В определенной мере, многие из полученных данных имеют научную ценность лишь как результаты первых социологических обследований, как попыток использовать их результаты в практической деятельности (особенно речь идет об опросе, проведенном губернским отделом Всероссийского профсоюза горняков).

Автор намерен в перспективе рассмотреть эти данные, в сравнении с соответствующими показателями за последующие годы, на дальнейших этапах истории региона. Речь идет о динамике многоплановых показателей, характеризовавших рабочих-шахтеров, то есть, об исследовании сложного процесса становления и развития ведущей части населения региона.

Ссылки и примечания:

1. История рабочих Донбасса. В двух томах. / Главная ред. коллегия: Ю.Ю. Кондуфор и др. / Том первый. Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму / Редколлегия первого тома С.В. Кульчицкий и др./ К.: «Наукова думка», 1981. 326 с.
2. См: Там же. С.205 – 207.
3. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР и ее освещение в советской историографии / В.С. Лельчук. М.: Изд-во «Наука», 1975. 312 с.
4. Краснонос Ю.Н. Формирование кадров рабочих угольной промышленности Украины (1926 – 1939 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Донецк, 1995. 23 с.
5. Дмитрик І.О., Нікольський В.М. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі періоду непу (1921 – 1928 рр.). Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2011. 171 с.
6. См.: Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (январь-февраль 1923 г.). Том первый. Промышленность Донбасса. – Харьков: Книгоиздательство «Донбасс». 1923. 392 с. Предисловие (стр. б/н).
7. Там же.
8. См.: Государственный Архив Донецкой Народной Республики (далее – ГА ДНР). Ф.1п. Оп.1. Д.1467. Л.109-121об.
9. Там же. Л.109.
10. Там же.
11. См.: ГА ДНР. Ф.1п. Оп.1. Д.1611. Л.13-15.

12. См.: Никольский В.Н. Повторение пройденного. НЭп во втором прочтении // Донбасс Литературно-художественный и общественно-политический журнал. 1991. №2. С. 133 – 145; Никольский В.Н. Забастовки в Донбассе периода нэпа // Россия нэповская: политика, экономика, культура // Тезисы Всесоюзной научной конференции (25-27 июня 1991. Новосибирск, 1991. С.180-183; Никольский В.Н., Изюмов В.И. НЭП в Донбассе. Историческое исследование. Донецк, 1992. 126 с.; Нікольський В.Н. Безробіття в Донбасі часів непу // Український історичний журнал. 1992. №3 (372). С.52-54; В.Н. Никольский. Сезонные рабочие Донбасса в годы нэпа // В кн.: Донбасс: прошлое, настоящее, будущее. Краматорск, 1993. С.37-40; Никольский В.Н. Материальное положение рабочих Донбасса в 1920-е годы // Летопись Донбасса. Выпуск второй. Донецк: Изд-во «Донбасс», 1994. С.150-155 и др.
13. Итоги сплошной подворной... С.15; Там же. С.43-60.
14. ГА ДНР. Ф.1п. Оп.1. Д.1467. Л.122.
15. Там же. Л.109.
16. Там же. Л.109об.
17. Итоги сплошной подворной... С.392.
18. ГА ДНР. Ф.1п. Оп.1. Д.1611. Л.13.
19. Там же. Л.13.
20. Там же. Д.1467. Оп.1. Л.115.
21. Там же. Л.118.
22. Там же.
23. Там же. Л.119.
24. Там же. Д.1611. Л.14.
25. Там же. Л. 15.
26. Там же.
27. Там же.
28. Там же.
29. Подсчитано автором. ГА ДНР. Ф.1п. Оп.1. Д.1467. Л.120.
30. Подсчитано автором. Там же.
31. Там же. Ф.1п. Оп.1. Д. 1611. Л. 14 – 15.
32. Итоги сплошной подворной ... Л. 110.
33. ГА ДНР. Ф.1п. Оп.1. Д.1467. Л.110 – 110об.
34. Там же. Л.111.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же. Л.112.
38. Там же.
39. Там же.
40. См.: Никольский В.Н., Изюмов В.И. НЭп в Донбассе. Историческое исследование.- Донецк, 1992.- С.96/
41. Там же. Л.116.

УДК 94:622(477.6)"1914/1918"

Н. Н. Разумная

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nnrazumnaya@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация

В статье рассматривается развитие угольной промышленности Донбасса в период 1914–1918 гг. На основании данных статистики охарактеризована производительность шахтеров, проанализирована добыча и реализация донецкого угля. Определено значение Донбасса в военной экономике России, установлены основные потребители донецкого угля.

Ключевые слова: история Донбасса, Первая мировая война, угольная промышленность Донбасса.

Summary

This article is devoted to the problem of coal industry development in Donbass in the period 1914 – 1918. Based on the statistics, the labor productivity of miners is characterized, the extraction and sale of Donetsk coal. The value of Donbas is certain in the military economy of Russia. Main consumers of Donetsk coal are installed.

Keywords: history of Donbass, First World War, coal industry of Donbass.

В связи с юбилеем Первой мировой войны повышенный интерес вызывает анализ событий, происходивших в Донбассе более сотни лет назад. Изучение экономических аспектов истории развития края в этот период представляет первостепенное значение. Регион приобрел важное промышленное и хозяйственное значение в жизни страны. В соответствии с имеющимися данными, в крае к 1914 г. была построена удобная транспортная инфраструктура, главные промышленные центры были соединены железнодорожной линией, связывающей его с центральной Россией. Донецкий бассейн обладал значительными естественными богатствами, разработка которых осуществлялась с начала XIX столетия, постепенно усиливаясь. Обилие полезных ископаемых края определило его лидирующее положение наряду с другими промышленными районами России.

Впервые, развитие угольной промышленности Донбасса в годы Первой мировой войны, рассматривает в своей работе, изданной в Петрограде в 1919 г., Р.

Арский [1]. Автор пытается доказать фактическую невозможность существования Донбасса вне России. Характеризуя общие условия развития Донецкого бассейна, запасы и добычу угля, говорит о работе шахт и других предприятий в годы войны, условиях жизни шахтеров и рабочих [2].

В середине 1950-х годов, активизируется изучение вопроса развития угольной промышленности Донбасса. Именно в это время выходит монография Г.Д. Бакулева, в которой основное внимание уделяется проблемам создания и функционирования предприятий отрасли на протяжении XIX–XX вв. [3].

В 1969 г. Институтом истории была издана 2-х томная работа, посвященная истории технического развития угольной промышленности [4]. Б.В. Тихонов изучал проблемы каменноугольной промышленности, но ограничивался только второй половиной XIX в. [5]. Появляются работы регионального характера, а именно, истории Лисичанского промышленного района в XVIII–XX вв. посвящено исследование Ю.П. Кострицы [6]. Роли иностранных инвестиции в развитии промышленности Донбасса во второй половине XIX – начале XX вв., с точки зрения истории и статистики, уделяется внимание в коллективной монографии под редакцией Ю. В. Макогона [7].

В работе историка Э.В. Доброва, которая посвящена теме развития угольной промышленности Донбасса в условиях капиталистической модернизации России, материалы исследования ограничиваются только событиями 1914 года [8].

Таким образом, как в советской историографии, так и постсоветском научном пространстве данная проблема не изучалась комплексно, поскольку авторы затрагивали лишь ее отдельные аспекты.

Автор данной публикации использовала финансово-экономический ежегодник России «Народное хозяйство» за 1914 г. и 1915 г., который издавало министерство финансов в Петрограде. Ежегодник составлен на основе годовых обзоров по важнейшим отраслям народного хозяйства России. Несмотря на то, что шли военные действия, которые затрудняли сбор статистических данных, редакция собрала возможный статистический материал за эти годы. В ежегодниках охарактеризовано общее положение русского рынка в этот период, говорится о привозе иностранного угля и его добыче в пределах всей России, особый интерес вызывает материал о географии распределения Донецкого минерального топлива. Проанализированы цены на уголь и приведены данные по другим районам каменноугольной промышленности [9].

Цель данной статьи состоит в характеристике развития угольной промышленности Донбасса на основании статистических данных. Цель работы подразумевает решение следующих задач: определение численности шахтеров в годы войны; рассмотрение роли угольной промышленности Донбасса в военной экономике России; выявление основных потребителей донецкого угля.

Донецкий бассейн, в годы Первой мировой войны, обладал основными элементами, необходимыми для развития любой промышленности. Запасы угля по районам России были представлены следующим образом. В пределах России по подсчетам геологов XIX в., имелось всего 70 миллиардов тонн угля, из которых

55,5 миллиардов тонн было расположено в Донбассе, т. е. он имел свыше 60% всего угля, находящегося в стране.

Донбасс в пределах империи был не просто основной, а по существу единственной каменноугольной базой страны. Перед Первой мировой войной он давал 25,3 млн. тонн угля ежегодно – 87,1% всей добычи России.

Даже угольные бассейны, расположенные в наиболее развитых промышленных районах страны – на Урале и в Подмоскowie, давали – 4% и 1% всей добычи [10].

Война отняла от угольной промышленности значительное количество опытных квалифицированных рабочих. Для того чтобы удержать добычу бассейна на старом уровне или даже увеличить ее, пришлось привлекать большое количество новых кадров рабочих. Определенное число рабочих в Донецком бассейне составили военнопленные, а также непригодные к строевой службе, женщины и подростки. За время войны кадровые показатели на шахтах Донецкого бассейна, значительно возросли, так как правительство требовало увеличения добычи угля [11].

Если в 1914 г. среди шахтеров было всего 1,9% женщин, то уже в январе 1916 г. их удельный вес составил 3,1%, а подростков – 7,6% [12].

В 1914 г., перед началом войны, шахтеров в Донбассе было 203 тыс. чел. В январе 1916 г. этот показатель увеличился до 231 896 чел. (в том числе 24 202 военнопленных), в декабре того же года рабочих было уже 291 397 чел., а военнопленных – 75 164 чел. В первом полугодии 1917 г. на шахтах региона работали 284,5 тыс. рабочих, а к началу 1920 г. их число уменьшилось до 83 тыс. чел.

Из-за уменьшения количества горняков в Донбассе угледобыча не могла удержаться на старом уровне. Средняя производительность рабочего значительно уменьшилась во время войны: в 1913 г. она составляла 764 пуда, в 1914 г. – 755 пудов, в 1915 г. – 751 пуд, а в 1916 – 622 пуда. В 1917 г. этот процесс продолжался, причем, по отдельным месяцам добыча одного рабочего колебалась от 500 до 422 пудов, а в январе 1919 г. составляла около 460 пудов. В целом падение достигло 40% [13].

Данная тенденция, по мнению Р. Арского, была обусловлена плохим питанием, недостатком одежды, примитивностью оборудования и условиями работы. Работы производились в основном вручную, так как шахты были снабжены незначительным количеством машин и оборудования. Сами методы выработки были достаточно примитивны, поэтому не могли конкурировать с работой вестфальских, бельгийских, французских и английских шахт. В таких условиях работал бассейн до февральской революции. В среднем ежемесячная добыча угля с 1913 по 1916 г. колебалась от 108 до 145 млн. пудов [14].

Динамика развития угольной промышленности юга России за период с 1914 по 1917 гг. показана в таблице 1. Как видно, неблагоприятное влияние оказала потеря Домбровского бассейна и металлургии Царства Польского, прекративших поставки с начала войны. Этот регион занимал в экономике России следующее за

Донбассом место; он давал перед войной более 20% всей угледобычи в государстве. Все это усилило значение Донецкого каменноугольного бассейна в этот период.

Таблица 1 [15]

Добыча каменного угля в 1914 – 1917 гг. (в млн.пудов)

Годы	Донбасс	Домбровский бассейн	Урал	Подмосковный район
1914	1, 683	0,231	0,084	0,020
1915	1,626	-	0,078	0,027
1916	1,743	-	0,092	0,042
1 пол. 1917	0,834	-	0,050	0,023

В 1915 г. показатели Донбасса и Урала были меньше, чем в 1914 г., но Донбасс оставался основным регионом добычи каменного угля в империи. При этом, снижение добычи на 57,2 млн. пудов в 1915 г., было связано с недостатком кадровых рабочих, уменьшившейся производительностью труда рабочих, различного рода перебоями в перевозке добытого сырья и недостатком различного рода материалов необходимых для нормальной работы шахт. Появилась новая проблема - накопление на шахтах большого количества нереализованного угля, что сказывалось и на материальном положении предприятий. Если в декабре 1912 г. запасы угля на шахтах Донбасса составляли 14 млн. пудов, в 1913 г. – 14,10 млн. пудов, то уже в 1914 г. они возросли в 4 раза до – 41 млн. пудов, а в 1915 г. достигли рекордных цифр – 74 млн. пудов [16].

Общее положение каменноугольной промышленности России в 1915 г. ухудшилось. Так, 1915 г. был для России периодом недостатка минерального топлива; внутреннему рынку пришлось приспособляться к ситуации, ограничивая потребление угля или переходя на жидкое топливо и дрова. Нужно учесть, что нефтяная промышленность была достаточно развитой, имелись колоссальные запасы леса, поэтому эту проблему можно было решать. Но трудности возникали в несколько иной плоскости, а именно в области распределения топлива в пределах государства. Отечественному каменноугольному рынку пришлось решать новую проблему доставки огромного количества топлива на северо-запад. При огромных расстояниях перевозок это, прежде всего, коснулось железных дорог [17].

Значительную часть угля потреблял железнодорожный транспорт, поскольку в годы войны значительно возросли перевозки грузов. Прежде всего это коснулось Екатеринбургской, Юго-Западной, Южной, Юго-Восточной и Московско-Киево-Воронежской линий.

Количество донецкого топлива, потребленного железными дорогами, интенсивно увеличивалось после начала военных действий. Оно доходило до 40,1% от всего вывозимого угля с Донбасса.

Вторую группу массовых потребителей донецкого угля составляли металлургические заводы. Их спрос на это сырье (в общем объеме) вырос с 23,4% в 1913 г. до 29,7% в 1914 г. [18].

Следует отметить, что значительный рост потребления угля железными дорогами создавал серьезные проблемы для других отраслей [19]. В связи с этим правительство было вынуждено стать на путь широких реквизиций топлива, в первую очередь для железных дорог (назывались эти реквизиции «правом преимущественных заказов» в Донецком бассейне) [20]. Особенно больших размеров реквизиции топлива достигли во второй половине 1916 г. В августе было реквизировано более трети месячного вывоза топлива из Донбасса, причем это коснулось 350 угольных копей. Это способствовало дезорганизации угольного рынка [21].

Процесс создания накопительного запаса угля для железнодорожного транспорта все-таки существовал. Так, в «Народной газете» Бахмутского уездного земства было напечатано объявление о том, что Управление Южных железных дорог, приступив к заготовке твердого минерального топлива для государственных железных дорог на 1916 г., а также при выгодных для казны условиях на 1917 и 1918 гг. просило совет Съезда Горнопромышленников оповестить об этом углепромышленников для подачи ими заявлений на продажу каменного угля. В этих заявлениях должны были быть указаны: 1) предлагаемое для продажи количество угля; 2) технические условия (скорее всего имелась ввиду доставка); 3) цена за один пуд угля [22].

Но были и другие потребители топлива, а именно жилые дома, фабрики и другие промышленные предприятия (кроме металлургических заводов), что указано в следующей таблице 2 [23].

Таблица 2

Основные потребители донецкого угля в пределах России
в период с 1913 по 1915 г. (в млн.пудов)

Годы	Использование донецкого топлива железными дорогами		Использование угля металлургическими заводами России				Потребление донецкого угля фабриками, другими предприятиями и жилыми домами
	в млн. пуд.	% к общ. к-ву	Каменного угля	Кокса	Антрацитов	Всего	
1913	320,2	26,7	128,5	134,8	3,6	266,9	298,1
1914	402,6	31,8	143,7	129,3	3,9	276,9	268,2
1915	480,8	40,1	135,2	115,9	7,8	258,9	95,0

Для нужд военного флота уголь вывозился через порт Мариуполя. Потребление топлива военным флотом составило в 1914 г. – 19,3 млн. пудов, а в 1915 г – 55,6 млн. пудов. Таким образом, оно возросло более чем в 3 раза.

Следовательно, как подтверждают данные таблицы 2, основными потребителями являлся железнодорожный транспорт. В условиях ведения боевых действий успешное функционирование и существование транспортной инфраструктуры государства могло обеспечить быстрое и своевременное перемещение войск, военной техники и беженцев с приграничных территорий.

В дополнение приведем данные, показывающие еще одну категорию потребителей – города, фабрики и заводы, исключая поставки для железных дорог и металлургических заводов.

Таблица 3 [24]

Распределение донецкого топлива в пределах России по городам.

Город	Всего каменноугольного топлива (млн. пудов)			В том числе антрацитов (млн. пудов)		
	1912	1914	1915	1912	1914	1915
Ростов-пристань	11,4	10,9	8,2	10,6	9,8	4,4
Ростов н/Д	8,5	8,9	5,6	7,1	7,3	3,4
Нахичевань	7,3	9,4	3,3	6,8	8,9	2,5
Москва	32	51,1	25,1	22,3	34,7	13,7
Харьков	18,8	18,7	15,4	11,3	11,2	9,5
Константиновка	10,0	8,2	5,1	0,8	0,6	0,6
Сол.зав. и Славянск	10,5	12,5	8,5	0,8	1,7	0,9
Н.Днепровск и пристань	7,8	13,3	14,5	-	0,4	2,0
Екатеринослав	7,5	8,7	7,4	2,0	1,9	3,4
Одесса	6,1	7,0	7,8	1,0	1,2	1,5
Киев	7,2	7,6	8,2	1,8	2,4	3,1
Луганск	5,8	5,9	5,7	0,7	0,6	0,6
Новочеркасск	4,3	4,0	2,4	2,3	2,0	1,4
Александровск	4,3	2,9	9,0	0,5	0,5	3,9
Бахмут	3,7	2,5	0,6	1,5	0,5	0,3
Николаев	4,4	5,9	13,5	2,2	2,9	2,5
Мариуполь	3,7	3,7	2,7	3,1	2,7	1,6
Тула	3,0	4,3	0,3	0,1	0,3	0,1
Елисаветград	2,4	2,1	1,0	0,9	0,8	0,5
Серпухов	3,7	4,4	1,8	1,3	2,0	1,1
Шостка	2,6	1,2	3,8	-	-	-
Севастополь	2,3	2,9	14,4	1,1	1,0	1,4
Аксай	1,2	1,1	0,2	0,7	1,0	0,01
Сумы	2,6	2,9	1,8	0,5	1,1	1,1
Воронеж	2,5	2,3	2,1	2,2	1,8	1,8
Подольск	2,8	2,9	0,7	1,0	1,2	0,3

В категории «прочих потребителей» угля (для домашнего отопления, фабрик, заводов и городов, использовавших топливо для городского хозяйства), лидирующее место занимали Москва, Харьков, Ростов, Славянск и др. Общее количество топлива, потреблявшееся за период с 1912 по 1915 г. было таким: в 1912 г. – 246,5 млн., в 1913 – 298,1 млн., а в 1914 г. – 268,2 млн., в 1915 г. – 95 млн. пудов. Сокращение потребления этой группы вполне объяснимо, и вызвано было первоочередными расходами для обороны.

Громадные изменения произошли в потреблении топлива в районном разрезе, как в объеме потребления, так и в его структуре. Прибалтийский район с Петроградом в центре, лишившись импортного угля, в 16 раз увеличил потребление донецкого угля (к 1916 г.) и стал самым крупным потребляющим районом после Южного. Московский район, наоборот, увеличив в годы войны потребление нефти, дров и подмосковного угля, уже в 1915 г. в 24 раза сократил потребление донецкого угля по сравнению с 1913 г.[25]. Вполне понятно, что условия военного времени не могли не сказаться на снабжении поставок для железных дорог. Однако данные статистики за 1915 г. дают все основания утверждать, что их снабжение не только не пострадало, но и оказалось более успешным, чем в предшествующем году. Общее количество полученного за 1915 г. топлива равнялось 480,9 млн. против 402,6 млн. пудов в 1914 г. [26].

Таким образом, в годы Первой мировой войны значение каменноугольной отрасли особенно возросло. Остальные виды топлива, имевшиеся в государстве, играли второстепенную роль. Все виды промышленности России работали в первую очередь на Донцеком угле. Донбасс являлся центральным районом по добыче угля всех сортов твердого топлива в России. Донбасский каменный уголь и антрацит использовались как топливо для железнодорожного и паровозного транспорта, в промышленности, для фабрик и заводов, по всей стране и для отопления городских помещений и жилых домов. В силу постоянно возрастающего спроса, требования к объему поставок угля добываемому в Донбассе, постоянно возрастали.

Ссылки и примечания:

1. Авт.: Арский Р. – литературный псевдоним Радзишевского Андрея Теофиловича. Политический деятель и писатель. Род. в 1886 г. С 1917 г. сотрудничает в «Правде», «Известиях ВЦИК». «Экономической Жизни», где был одним из редакторов, и др. органах; автор ряда экономических брошюр и книг: Арский Р. Пути русской революции. 28 февраля 1917– 28 февраля 1918. Пг.: Прибой, 1918. 40 с.; Арский Р. От февраля к Октябрю. Л.: Красная Звезда, 1925. 150 с.
2. Арский Р. Донецкий бассейн. Петроград. 1919. 43 с.

3. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна / Г.Д. Бакулев; Акад. наук СССР, Ин-т экономики. М.: Политиздат, 1955. 671 с.
4. История технического развития угольной промышленности Донбасса: в 2 т. Т. 2 / АН УССР; Ин-т истории. К.: Наук. думка, 1969. 608 с.; История технического развития угольной промышленности Донбасса: в 2 т. Т. 1 / АН УССР; Институт истории. Киев: Наук. думка, 1969. 654 с.
5. Тихонов Б. В. Каменноугольная промышленность и черная металлургия России во второй половине XIX в.: (ист.-геогр. / Б. В. Тихонов; отв. ред. М. С. Симонова; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 275 с.
6. Кострица Ю. П. У истоков горнозаводского дела: Очерки истории развития Лисичан. каменно-угольн. р-на. XVIII-XX вв. / Ю. П. Кострица; Обществ. редкол. : С. А. Цыганков и др. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1994. 151 с.
7. Иностранные инвестиции в промышленности Донбасса: история, статистика, проблемы современного развития / Ю. В. Макогон, Г. Д. Чижикив, В. А. Кравченко и др.; Донец. нац. ун-т; Регион. фил. нац. ин-та стратег. исслед. в г. Донецке. Донецк: ДонНУ: ДонФ НІСД, 2007. 152 с.
8. Добров Е. В. Технічне забезпечення вугледобувних підприємств Донбасу напередодні Першої світової війни // Історичні і політологічні дослідження. №1/2 (27/28). 2006. С. 76-83; Добров Е.В. Розвиток вугільної промисловості Донбасу у XVIII-до початку XX ст.: історіографія проблеми // Історичні і політологічні дослідження. 2007. № 5/6. С.13-21; Добров Е.В. Залізничне будівництво як фактор розвитку вугільної промисловості Донбасу в кінці XIX – на початку XX ст. // Історичні і політологічні дослідження. 2007. № 1/2. С. 69-74;
9. Народное хозяйство. 1914. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты» 1915 г. 485 с.; Народное хозяйство. 1915. VII год Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты» 1918 г. 463 с.
10. Народное хозяйство. 1915. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918. С.266.
11. Арский Р. Донецкий бассейн. Петроград. 1919. С.6.
12. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Политиздат, 1955. С.283.
13. Арский Р. Донецкий бассейн. Петроград. 1919. С.7.
14. Там же. С.8.
15. Сост. по: Народное хозяйство. 1914. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918; Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна/ Г. Д. Бакулев; Акад. наук СССР, Ин-т экономики. М.: Политиздат, 1955.
16. Народное хозяйство. 1915. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918. С.266.
17. Там же. С.264-265.

18. Там же. С.268.
19. Государственный архив ДНР (далее ГА ДНР). Ф.72. Оп.1. Д.2. Л.10.
20. Там же. Л.11.
21. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Политиздат, 1955. С. 185.
22. Народная газета Бахмутского земства. 1915. №39. 20 ноября.
23. Народное хозяйство. 1915. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918. С.268.
24. Народное хозяйство. 1914. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1915; Народное хозяйство. 1915. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918.
25. Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М.: Политиздат, 1955. С.184.
26. Народное хозяйство. 1915. VII год. Петроград. Тип. Редакции «Вестника финансов» и «Торгово-Промышленной газеты». 1918. С. 267.

УДК 94: 35.075 (477.6) «1920-1921»

А. С. Бобровский

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: art_bob_box@mail.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И РАБОЧИХ ДОНБАССА В НАЧАЛЕ 30-Х ГГ. XX СТ.

Аннотация

В статье дан сравнительный анализ социально-экономического положения инженерно-технической интеллигенции и рабочих Донбасса в начале 30-х гг. XX ст. Изучено благосостояние данных социальных групп. Показано влияние их диспропорционального положения на формирование социальных конфликтов.

Ключевые слова: *интеллигенция, рабочие, доходы, Донбасс.*

Summary

The article gives a comparative analysis of the socio-economic situation of the engineering and technical intelligentsia and workers of Donbas in the early 30's. XX

century. The well-being of these social groups has been studied. The influence of their disproportionate position on the formation of social conflicts is shown.

Keywords: *intelligentsia, workers, incomes, Donbass.*

Стабильность любого общества основывается на консенсусе социальных групп. В переходные периоды истории обостряются противоречия, что приводит к различным конфликтам. Предполагая подобное развитие событий, обычно создаются механизмы амортизации для уменьшения конфликтного потенциала. В современный период для этого активно используется целый комплекс социально-экономических мер. Однако, в конце 20-х – начале 30-х гг. XX ст. социальные конфликты стали важной политической задачей, а не побочным следствием модернизации. Технической интеллигенции отводилась роль виновника негативных последствий индустриализации. При неизбежных трудовых конфликтах одним из типичных обвинений со стороны рабочих было высокое социально-экономическое положение инженеров и техников. Это противоречило официальной идеологической риторике и требовало скорейшего решения. С другой стороны, потребность в экономии ресурсов способствовала широкому использованию нематериальных методов стимулирования трудовой активности. В Донбассе этот процесс имел свои особенности, поскольку данный промышленный регион занимал важное место в планах руководства страны. Неслучайно именно в Донцком бассейне было положено начало широким преследованиям технической интеллигенции [1]. Компаративный анализ социально-экономического положения инженеров и рабочих в указанный период позволит глубже изучить суть данного явления, а также, в будущем, снизить возможность появления подобных социальных конфликтов.

Историография проблемы очень обширна и включает большое количество работ. Литература по истории интеллигенции и рабочего класса, особенно советского периода, была изучена ранее в ряде обобщающих трудов [2]. Тем не менее, следует сжато рассмотреть основные этапы исследования указанной темы.

Советские ученые не ставили перед собой цели осветить аспекты социально-экономического положения, которые не соответствовали официальной концепции. Для таких монографий характерно отсутствие критического исторического анализа, замалчивание недостатков системы. Однако, многие труды представляют значительный интерес. В одной из первых работ Б. Маркуса нашли отражение определенные проблемы организации труда, присутствует критика уравнительной системы оплаты первой половины 30-х гг. XX ст. [3].

В период 1954 – 1964 гг. согласно тезису о ведущей роли рабочего класса в социалистических преобразованиях, наиболее популярной была рабочая тематика. Работы, посвященные советской интеллигенции, обосновывали большое значение роли коммунистической партии в формировании данной социальной группы. Сравнительные характеристики положения различных социальных категорий не давали четкой картины последствий социально-экономических трансформаций [4].

В 1964 – 1991 гг. было издано большое количество трудов. Энтузиазм и героизм рабочих, повышение их политической активности в процессе индустриализации, были темами многих монографий [5]. В данный период было выпущено несколько обобщающих исследований по истории пролетариата [6]. Работы, в основном, освещали процессы, связанные с формированием рабочего класса. Интеллигенция в тематике исторических исследований занимала второстепенное место. Социально-экономическое положение инженеров и техников, согласно трудам ученых неуклонно улучшалось [7]. Несмотря на обобщающий характер статей и монографий, они характеризуются общими недостатками советской историографии. Акцент делался на высоких достижениях в построении социализма, положительных количественных показателях в рамках устоявшихся методологических подходов и концепций.

В современный период на основе иных методологических подходов произошло расширение тематики исторических исследований. Социально-экономическое положение рабочих [8] и интеллигенции [9] было освещено в ряде работ. Однако комплексного анализа сделано не было.

Подводя итог историографии проблемы, следует отметить, что большинство работ анализируют отдельные аспекты темы. Это делает актуальным анализа социально-экономического положения инженерно-технической интеллигенции и рабочих Донбасса в начале 30-х гг. XX ст. с учетом указанных недостатков и проблем, которые остались вне поля зрения ученых.

Источниками исследования выступают документы коммунистической партии и органов исполнительной власти региона, материалы предприятий различных отраслей промышленности Донбасса, результаты социологических исследований [10].

Цель нашей работы дать компаративный анализ социально-экономического положения инженерно-технической интеллигенции и рабочих Донбасса в начале 30-х гг. XX ст. Для реализации этого автор сопоставил разницу в оплате труда различных категорий сотрудников предприятий. Это был главный источник дохода, поэтому на данном вопросе необходимо сосредоточить основное внимание.

В отношениях общества и власти вопрос о материальном благосостоянии занимал особое место. В годы нэпа политика государства была направлена на привлечение специалистов с помощью высокой платы и различных льгот (предоставление дополнительной жилплощади и др.). Такие действия противоречили начальному курсу руководства по сближению размеров оплаты работников физического и умственного труда. Однако прагматический расчет вынудил В.И. Ленина отступить от программных положений. В апреле 1918 года он заявил: «Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен <...> Нам пришлось теперь прибегнуть к старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов <...> Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов Парижской Коммуны и всякой

пролетарской власти, требующих сведения жалований к уровню платы среднему рабочему...» [11]. В некоторых отраслях размеры заработной платы специалистов значительно превышали зарплату рабочего [12]. Сейчас это норма, однако в 1920-х гг. это становилось причиной крупных трудовых конфликтов.

В начале индустриализации техническая интеллигенция уже не занимала привилегированного положения. В 1928 году среднемесячная зарплата инженеров Донбасса составляла: у горняков – 100-550 руб., металлостов – 114-550 руб., строителей – 59-460 руб., железнодорожников – 79-250 руб. При этом шахтеры, работавшие непосредственно на угледобыче, зарабатывали в среднем 82-105 руб., а рабочие основных профессий металлургической и металлообрабатывающей промышленности - 90-125 руб. [13]. Как видим, минимальная ставка специалистов была ниже зарплаты квалифицированного рабочего.

Работники предприятий горно-металлургического комплекса были самой высокооплачиваемой категорией. Это было вполне закономерным, поскольку отрасли промышленности группы «А» считались приоритетными.

В таблице 1 указано соотношение в средней оплате труда между различными отраслями промышленности.

Таблица 1

Динамика средней зарплаты в промышленности УССР в 1932-1935 годах (в руб.) [14]

Отрасли промышленности	Годы			
	1932	1933	1934	1935
Угольная	367	428	475	574
Черная металлургия	370	456	528	642
Машиностроение	318	342	382	438
Химическая	325	360	406	479
Коксохимическая	данные отсутствуют	данные отсутствуют	453	523
Энергетическая	400	429	467	540
Строительство	данные отсутствуют	368	424	476
Средняя зарплата во всех отраслях	314	357	395	457

Можно проследить увеличение размеров оплаты при сохранении соотношения между отраслями промышленности.

Даже в разных цехах одного предприятия труд оплачивался неодинаково. Также существовала разница между минимальной и максимальной ставками одной специальности. В таблице 2 представлены данные по оплате труда в разных цехах завода

Таблица 2

Заработная плата инженерно-технического персонала Сталинского металлургического завода октябре 1931 года [15]

Цех	Должность	Зарплата (руб.)		
		Оклад	Премия	Сумма
доменный	начальник цеха	650	253	903
	мастер	300	117	347
	инженер	250	97	347
мартеновский	начальник цеха	650	65	715
	мастер	300	30	330
	инженер	250	25	275
прокатный	начальник цеха	600	414	1014
	мастер	300	207	507
	инженер	275	190	465

По данным таблицы видно разницу в окладе и премиях между работниками на одной должности в разных цехах предприятия. Это объяснялось действием, нескольких факторов: квалификационный уровень, стаж, должность и место работы. На примере начисления зарплаты персонала угольной промышленности можно проследить влияние этих составляющих на уровень заработка. Чем выше был образовательный и квалификационный уровень, тем больше была зарплата.

Не менее существенно влияли на размер заработной платы должность и место работы. Работники центрального аппарата предприятий и ведомств получали более высокую зарплату, чем их коллеги, задействованные на производстве. Так, в Макеевском металлургическом заводе оплата молодого специалиста составляла 156 руб., в то время как старший счетовод, в конторе, получал 170 руб. В аппарате рудоуправлений «Донуголь» средняя зарплата инженера составляла 344 руб., а на шахте – 306 руб. [16]. Все это усиливало отток в управленческие структуры наиболее квалифицированных специалистов. По причине несовершенства законодательства, в промышленности отсутствовала унификация оплаты труда на производстве. Часто разница между ставками одинаковыми по квалификационной категории и разряду составляла в среднем 100-150 руб. [17]

Подводя итоги можно сделать вывод о том, что государственная политика в начале 1930-х гг. привела к выравниванию разницы в оплате труда рабочих и интеллигенции. Сохранились диспропорции между положением работающих в различных отраслях экономики. Власть сознательно управляла этими рычагами для достижения политических идеологических и производственных задач. Поскольку заработная плата была основным источником доходов указанных социальных категорий это привело к снижению престижа профессии инженера. Приход большого количества новых «пролетарских» интеллигентов характеризовался общим ухудшением общего образовательного уровня, размыванию границ «инженерной касты». Таким образом, лозунг «обрабочить

инженера и обинженерить рабочего» претворялся в жизнь [18]. Эти факторы оказали существенное влияние на формирование соответствующего отношения к труду в последующие периоды. В будущем планируется рассмотреть разницу в наделении жильем, льготами, продуктами питания различных социальных групп региона.

Ссылки и примечания:

1. Шейн С.Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя / С. Д. Шейн. М.; Л.: Госуд. изд-во, 1928. 128с.
2. Шаров І. Ф. Робітничий клас України у сфері виробництва в умовах формування і зміцнення командної економіки (кінець 20-х – 30-ті роки): Історіографічний аналіз: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.06 / І. Ф. Шаров; Київський ун-т ім. Тараса Шевченка. К., 1996. 26 с.; Михненко А. Донбас 1921 – 1941 років в історичній літературі / А. Михненко // Історіографічні дослідження в Україні. 2002. №11. С. 267-277; Бобровский А. С. Интеллигенция Донбасса в 20-е – 30-е гг. XX ст.: историография проблемы / А.С. Бобровский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2016. № 2 (58). С. 7-22.
3. Маркус Б. Л. Труд в социалистическом обществе / Б. Л. Маркус. М.: Госполитиздат, 1939. 308 с.
4. Слуцкий А.Б. Рабочий класс Украины в борьбе за создание фундамента социалистической экономики (1926 – 1932 гг.) / А.Б. Слуцкий. К.: АН УССР. 1963. 503 с.; Советская интеллигенция: (История формирования и роста 1917 – 1965 гг.). М.: Мысль, 1968. 432 с.
5. Історія робітничого класу УРСР. К.: Політвидав, 1967. Т.2. 507 с.; Мальцев Н.И. Рабочий класс и социалистическая индустриализация (Борьба партийных организаций за культурно-технический прогресс в 1926 – 1937 гг.) / Н.И. Мальцев. К. Донецк: Вища школа, 1976. 111с.; Епштейн А.И. Изменения социально-бытовых условий жизни рабочего класса Украины в годы первой пятилетки / А.И. Епштейн // Вопросы истории СССР. Вып.31. Харьков, 1986. С.48-54; Мальцев Н. И. Подъем жизненного уровня трудящихся Донбасса в годы социалистической реконструкции народного хозяйства / Н.И. Мальцев. – К.: Вища школа, 1987. 100 с.
6. Суспільно-політичне життя трудящих УРСР: У 2-х т. /Ред. кол.: акад. АН УРСР А.Д. Скаба (відп. ред.). К.: Наукова думка, 1973. Т.1. 319 с.; История рабочих Донбасса. К.: Наукова думка. 1981. Т.1: Рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму. 321 с.
7. Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917 – 1975 гг.). М.: Политиздат, 1977. 318 с.; Ткачова Л.І. Інтелігенція Радянської України в період побудови основ соціалізму / Л.І. Ткачова К.: Наукова думка, 1985. 191 с.

8. Михненко А. М. Історія Донецького басейну другої половини ХІХ – першої половини ХХ ст. : Автореф. дис... д-ра іст. наук: 07.00.01 / А.М. Михненко / Дніпропетр. нац. ун-т. Д., 2002. 35 с.; Бондаренко В. С. Вугільна промисловість Донбасу в умовах радянської модернізації країни (1925 – 1941 рр.) : Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / В. С. Бондаренко / Донецький національний ун-т. Донецьк, 2004. 20 с.
9. Гнітько С. П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920-ті – на початку 1930-х років: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / С. П. Гнітько; Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. К., 1996. 25 с. Анпілогова Т. Ю. Гуманітарна інтелігенція Донбасу в період нової економічної політики (1921 – 1928 рр.): Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Т. Ю. Анпілогова; Східноукраїнський національний ун-т ім. Володимира Даля. Луганськ, 2006. 19 с. Струченков О. В. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920-х – 1930-і роки): формування, умови життя, діяльність: автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. В. Струченков; Донецький національний ун-т. Донецьк, 2008. 20 с.
10. Ренке В.П., Ширай П.А. Забойщицкие кадры в рудоуправлениях Донугля / В. П. Ренке, П.А. Ширай; под ред. К. В. Моисеенко. Харьков: Донуголь, 1929. 112 с.; Ренке В. П. Кадры инженерно-технического персонала каменноугольной промышленности Донецкого бассейна / В. П. Ренке; под ред. К. В. Моисеенко. Донецк: Изд- во Донугля, 1930. 114 с.
11. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти / В. И. Ленин // Полн.собр. соч. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС / 5-е изд. М.: Политиздат, 1977. Т.36. С.178.
12. Кузенко І.О. Структура доходів робітничих родин Донбасу в період НЕПу / І. О. Кузенко // Історичні і політологічні дослідження: наук. журнал. 2009. №2(42). С.81–87.
13. Государственный архив Донецкой Народной Республики (далее ГА ДНР). Ф. П-9. Оп.1. Д.512. Л.52; Там же. Ф.Р-1. Оп.1. Д.795. Л.52; Там же. Ф.Р-1277. Оп.1. Д.269. Л.43; Диференціація заробітної плати в промислових закладах України (в березні 1928 року): Статистична хроніка відділу праці ЦСУ УСРР. Харків: ЦСУ УСРР, 1929. С.3, 13, 15-17.
14. Праця в УРСР: (Статистичний довідник). К.: Народне госп-во та облік, 1937. С.108, 218.
15. Там же. – С. 219.
16. ГА ДНР. Ф. П-9. Оп.1. Д.656. Л.29; Ренке В.П. Кадры инженерно-технического... С.58.
17. Киржнер Д., Турубинер Б. Условия труда и быта инжтехперсонала украинской горной промышленности / Д. Киржнер, Б. Турубинер // Инженерный работник. 1928. №11-12. С.148.
18. Инженерный труд. 1929. № 20. С. 596.

УДК 930(47)«1943/1945»

Н. Д. Судаццов

доктор исторических наук,

ФАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь РФ

e-mail: 249609@mail.ru.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДОНБАССА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

Аннотация

В статье идёт речь о восстановлении Донбасса после освобождения от немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны, о самоотверженности населения при проведении восстановительных работ. Показано, что Донбасс восстанавливала вся страна.

Ключевые слова: *Донбасс, оккупация, разрушение, восстановление, война, фашизм, Красная армия, экономика.*

Summary

In article there is a speech about restoration of Donbass after release from fascist occupation in days of the Great Patriotic War, about dedication of the population when carrying out recovery work. It is shown that Donbass was restored by all country.

Keywords: *Donbass, occupation, destruction, recovery, war, fascism, Red army, economy.*

В годы Великой Отечественной войны народы СССР совершили выдающийся подвиг не только на полях сражений, разгромив немецко-фашистскую военную машину. Они одержали выдающуюся победу и на трудовом фронте. Труженики тыла обеспечили свои вооружённые силы всем необходимым для разгрома коварного врага. Но при этом они, прилагая огромные усилия, провели колоссальную работу по возрождению в условиях войны жизни на территориях, освобождённых от врага. Когда в ходе контрнаступления Красной Армии зимой 1941-1942 гг. под Москвой и на юге германские войска отступали, Гитлер в одной из своих речей заявил: "Русские думают, что они заняли населенные пункты. Этих населенных пунктов больше нет, вместо них развалины». [1] Это было результатом выполнения директивы о том, чтобы при отступлении после себя оставлять зону «выжженной земли». И так было на всей территории СССР, подвергавшейся оккупации.

Ни одна страна, ни в одной из войн не несла таких огромных потерь и на такой обширной территории. Только прямые потери составили 679 млрд. рублей в ценах 1926/1927 гг.

Восстановительные работы на освобождённой территории начинались сразу же после изгнания оккупантов и велись все более широким фронтом по мере боевых успехов Красной Армии. Люди приступали к работам не по приказу, а по зову сердца. Разбирать развалины и восстанавливать приходилось в основном вручную, в исключительно тяжелых условиях, среди разрушенных цехов и выгоревшего жилья, при отсутствии электроэнергии и воды, огромной нехватке квалифицированной рабочей силы, материалов, инструмента, механизмов, транспорта и крайней слабости продовольственной базы.

Огромное значение руководством страны придавалось восстановлению Донецкого бассейна, как главной топливной и металлургической базы страны. Государственный Комитет Обороны в постановлении от 26 октября 1943 г. указывал, что «считает важнейшей политической и военно-хозяйственной задачей всех партийных, советских и хозяйственных организаций восстановление в Донецком бассейне, в первую очередь, угольной промышленности» [2].

И это не случайно. Накануне войны на основных шахтах Донбасса добывалось от общесоюзного производства около 60% угля, на 11 металлургических заводах производилось 37% чугуна, 25% стали, 26% проката, около половины кокса, на химических предприятиях - 80% соды, на машиностроительных заводах - 48% всех паровозов и т.д. Материальный ущерб, нанесённый экономике Донбасса в годы войны, исчислялся в 50 млрд. рублей [3].

Восстановительные работы в Донбассе проводились в два этапа. Первый раз это было после освобождения восточной части Донбасса в ходе наступательной операции Красной Армии в конце 1941-начале 1942 гг. Он был ограниченным и носил локальный характер. Много в успехе работы зависело от инициативы местных органов власти. Так, бюро Ворошиловградского обкома ВКП(б) уже в ходе наступления войск Красной Армии 26 декабря 1941 г. приняло решение о частичном восстановлении шахт и об организации добычи угля. Эта инициатива была одобрена ЦК ВКП(б) и правительством СССР, которые в январе 1942 г. предложили обкому ВКП(б) и облисполкому организовать в кратчайшие сроки восстановление 35 шахт и немедленно приступить к добыче угля.

Несмотря на близость фронта и систематические артиллерийские обстрелы, восстановительные работы не прекращались ни на один день. Уже в мае 1942 г. 80 крупных шахт и более 200 шахт местной топливной промышленности комбината "Ворошиловградуголь" поставляли стране топливо. Угольщики Донбасса в январе 1942 г. выдали на-гора 62 тыс. тонн угля, в мае - 502,2 тыс. тонн. Одновременно с шахтерами приступили к восстановительным работам энергетики Донбасса, начавшие восстановление системы "Донэнерго" и ее

станций: Северо-Донецкой ГРЭС, ТЭЦ паровозостроительного завода имени Октябрьской революции и металлургического завода имени К. Е. Ворошилова. Восстановление велось высокими темпами. К июню 1942 года мощность системы "Донэнерго" увеличилась в 3 раза по сравнению с мощностью, которую она имела к началу восстановительных работ. Это позволило полностью удовлетворить потребность в электроэнергии возрождаемой промышленности и даже иметь небольшую избыточную мощность. В этот же период было начато восстановление металлургического завода имени К.Е. Ворошилова, Ольховского коксохимического завода и Лутугинского чугунолитейного завода [4]. Восстановительные работы проводились с января по июнь 1942 года, когда были прерваны наступлением германских войск на юге страны.

Второй широкомасштабный этап начался после разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и на Курской дуге и набирал темпы по мере освобождения территории Донбасса. 22 февраля 1943 года было принято постановление ГКО "О восстановлении угольных шахт Донбасса", которым определялись первоочередные задачи восстановительных работ. Это потребовало координации действий всех государственных структур. С этой целью при Госплане СССР было создано управление по восстановлению хозяйства в освобождённых районах. Госплан приступил к разработке единого плана восстановления хозяйства на освобождённой территории. Затем после принятия постановления ЦК ВКП(б) и правительством СССР в августе 1943 года, был создан комитет по восстановлению хозяйства в освобождённых районах от немецкой оккупации, а при наркоматах специальные комиссии, управления. Предстояла огромная работа по возрождению Донбасса, которому оккупанты нанесли колоссальный ущерб. .

Были выведены из строя сотни угольных шахт, разрушено 92 процента копров, более 95 процентов надшахтных и 96 процентов машинных зданий, взорван и частично угнан подвижной состав. Люди, не ожидая команд, приступали к восстановительным работам, как только освобождалась территория от врага и начинали разбор завалин. Практически не было механизмов, электроэнергии. Всё приходилось делать вручную. Фронт восстановительных работ в Донбассе расширялся по мере его освобождения. В сентябре 1943 г. в бассейне развернулись широкомасштабные восстановительные работы.

Придавая исключительно важное значение быстрейшему возрождению союзной «кочегарки», Государственный Комитет Обороны 26 октября 1943 года принял постановление "О первоочередных мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна". Из числа имевшихся в бассейне 339 основных шахт, полностью разрушенных врагом, первоочередному восстановлению подлежали 120 с довоенной добычей 90 тыс. тонн угля в сутки. Поскольку основные шахты были разрушены и затоплены, а мощные источники их энергоснабжения уничтожены, предусматривалось возобновить, прежде всего, угледобычу на шахтах местной промышленности, восстановив 400 мелких

шахт добычей в сутки 20 тыс. т угля. Для обеспечения горняков оборудованием восстанавливались в первую очередь 11 заводов угольного машиностроения [5].

В 1943-1944 гг. Государственный Комитет Обороны держал под жёстким контролем восстановление Донбасса, приняв ряд постановлений: «О восстановлении угольных шахт Донбасса», «О неотложных мероприятиях по восстановлению системы водоснабжения Донбассводтреста и предприятий Наркомчермета в Донбассе», «О дальнейших мероприятиях по восстановлению угольной промышленности Донбасса для обеспечения углём чёрной металлургии, железнодорожного транспорта, электростанций и военной промышленности Юга» и др.

Особенностью восстановительных работ во время войны было то, что они велись широким фронтом. Оборудование, эвакуированное на восток и установленное там на предприятиях, назад не возвращалось. Реэвакуировалось только то оборудование, которое не успели установить. Поэтому на восстанавливаемых объектах в основном устанавливалось отреставрированное и новое оборудование, которые нередко производили заводы, которые были созданы на основе эвакуированного оборудования. На восстановление из восточных районов по решению правительства даже перебазировались в полном составе строительные организации.

Восстановление Донбасса стало делом всей страны. К решению этих проблем широко были привлечены республики края и области СССР. На железных дорогах нередко шли составы «Кузнецк-Донбассу», «Караганда-Донбассу», «Магнитогорск – Донбассу», «Узбекистан-Донбассу» и т.д. По инициативе коллектива Магнитогорского металлургического комбината, который взял шефство над Макеевским металлургическим и коксохимическим заводами, в стране широко развернулось движение по установлению шефства над освобожденными районами Донбасса. Лишь за первое полугодие 1944 г. магнитогорцы направили подшефным заводам 36 вагонов оборудования и дефицитных материалов [6]. Кузнецкий комбинат взял шефство над Енакиевским металлургическим и коксохимическим заводами, Иркутский завод тяжелого машиностроения имени В. В. Куйбышева - над Старо-Краматорским заводом имени С. Орджоникидзе и т.д. Газета «Правда» в те дни писала: «Активное участие в работе по восстановлению хозяйства в освобожденных районах - это новое слово в социалистическом соревновании нашего рабочего класса» [7].

Вопросы помощи освобождённым районам рассматривались руководящими органами республик, краёв и областей. Так, на пленуме Кемеровского областного комитета ВКП(б), в сентябре 1943 г., обсудившем вопрос о шефстве над Сталинской областью Украины, были намечены конкретные мероприятия по оказанию ей практической помощи в восстановлении хозяйства. При этом было подчеркнуто, что «эта работа должна проводиться не в порядке благотворительности, а как большое хозяйственно-политическое дело» [8].

Участвуя во всенародном движении по оказанию помощи пострадавшим от оккупации районам, трудящиеся Кемеровской области уже к марту 1944 г. отправили на Украину 134 вагона шахтного и заводского оборудования, десятки вагонов лесоматериалов и инструмента, более 15 тыс. голов скота [9].

В республиках, краях, областях были созданы шефские комитеты, которые осуществляли непосредственное руководство этой работой, контролировали выполнение заданий по отгрузке оборудования и продовольствия. В 1943 г. только в РСФСР при обкомах ВКП(б) и исполкомах действовало более 50 комитетов по оказанию шефской помощи Украине [10].

Из союзных республик и областей сюда направлялись оборудование, инструменты, материалы, машины, изготовленные на предприятиях как в порядке государственных планов, так и во внерабочее время. Только из семи областей РСФСР к концу 1943 г. в Донбасс прибыло 516 вагонов оборудования, материалов и продовольствия, присланных в порядке шефской помощи [11].

Существенную помощь в восстановлении народного хозяйства в освобожденных районах оказали специалисты, рабочие, механизаторы, направленные из восточных республик страны. Комплектование бригад для восстановления Донецкого угольного бассейна проходило в 12 союзных и автономных республиках и в 29 краях и областях. Только в 1943 г. в Донбасс и другие районы Украины было откомандировано из восточных районов страны 200 тыс. человек. В 1944 г. свыше 13,5 тыс. рабочих прибыли из разных республик на восстановление Днепрогэса [12]. Из Российской Федерации, Казахстана, Средней Азии и Закавказья на восстановление Донбасса было направлено 20 тыс. выпускников школ ФЗО и ремесленных училищ [13].

Подчеркивая значение сотрудничества союзных республик, газета «Правда» 10 февраля 1944 г. в передовой статье писала: «На полях Украины воюет оружие, созданное всеми народами СССР. Освобождавшие Киев и Харьков, Днепропетровск и Сталино, Ворошиловград и Никополь танки и самолеты носили имена Москвы и Ленинграда, Тамбова и Баку, Саратова и Ташкента, Челябинска и Тбилиси. Теперь танки и самолеты с новыми надписями на бортах и фюзеляжах - «Киев», «Освобожденный Донбасс», «Советская Украина», «Колхозник Сумщины» - будут драться за окончательное очищение украинской земли, за Советскую Белоруссию, за Советскую Молдавию, за Советскую Латвию, за Советскую Литву, за Советскую Эстонию, за полное изгнание немецких захватчиков со всей советской земли».

Освобожденные районы в свою очередь оказывали помощь другим республикам и областям страны. Так, при общем росте добычи угля в стране удельный вес Донбасса повысился с 4,8% в 1943 г. до 26,7% в 1945 г. [14].

Довольно интенсивными темпами развивалось жилищное строительство. Так, в 1945 г. в Ворошиловграде был восстановлен 25 тыс. кв. м. жилого фонда, что снижало остроту жилищной проблемы в этом городе [15].

Широкое распространение получило индивидуальное соревнование между передовиками производства республик. Так, знатный забойщик Донбасса Л. Голоколосов соревновался с шахтером Кизеловского бассейна П. Поджаровым и добился выдающихся успехов. 4 января 1945 г. Л. Голоколосов выполнил 24 нормы, 7 января – 19 норм, 8 января-24 нормы. П. Поджаров за первые пять дней января выполнял по восемь норм и превысил месячное задание^[16].

Люди работали темпами военного времени под лозунгом «Всё для фронта! Всё для победы!», не считаясь со временем, недоедая, недосыпая, в тяжёлых жилищных условиях, бытовой неустроенности. Конечно в этом направлении делалось многое. Так угольные комбинаты Донбасса имели к концу войны 53 совхоза и 225 подсобных хозяйства, продукция которых поступала на стол рабочих [17].

Одним из важнейших условий успеха в работе было наличие электроэнергии. Но фашисты уничтожили энергосистему Донбасса. Восстановителям приходилось собирать разрушенные турбины. В регион направлялись электростанции-поезда мощностью до 1500 киловатт. На предприятиях страны ускоренно собирались турбины для Донбасса. Так, на Урале за один месяц 1943 года были собраны для Донбасса 4 турбины мощностью 60 тыс. киловатт, в следующем месяце - 5 турбин мощностью 132 тыс. киловатт [18].

Монтажники, понимая всю важность электроэнергии работали не считаясь со временем, монтировали приходившие с востока турбины в 2-3 раза быстрее, чем это делали в мирное время. До войны на монтаж турбины мощностью 50 тыс. киловатт обычно уходило два - два с половиной месяца. В декабре 1943 - январе 1944 г. на Зуевской ГРЭС турбину такой же мощности смонтировали за 34 дня, затем собрали турбину № 2 за 10 дней [19]. 9 января 1944 года крупнейшая электростанция бассейна - Зуевская ГРЭС - начала давать электроэнергию. А вскоре вступили в строй Северо-Донецкая, Штеровская ГРЭС, теплоэлектроцентраль Ворошиловградского завода им. Октябрьской революции. Как символ братства и дружбы на Сталинском (Донецком) металлургическом заводе Украинской ССР был установлен генератор с надписью: «Турбогенератор в 5000 киловатт сделан в Ленинграде в период блокады» [20].

Трудящиеся освобожденных районов выражали искреннюю признательность братским народам за огромную помощь в ликвидации последствий хозяйничанья немецко-фашистских захватчиков. Депутаты Верховного Совета Украинской ССР в июне 1945 года в обращении к «Великому русскому народу» писали: «Слава и благодарность тебе, могучий и мудрый русский народ, и всем вам, советские народы - братья, от народа Советской Украины. Благословенная помощь русского народа освободила Украину от когтей хищного немецкого зверя. Глубокая благодарность тебе, славный русский народ, и всем вам, советские народы - братья... за вашу самоотверженную

щедрую помощь, которая дает Украине силу, чтобы в самом скором времени залечить те тяжелые раны, которые нанесли ей немецкие палачи» [21].

За два года восстановительных работ вступило в строй 129 основных и 889 средних и мелких шахт, было построено и восстановлено 300 шахтных копров, введено в действие 700 подъемных машин, около 2500 км горных выработок, из затопленных шахт откачано около 650 миллионов кубометров воды. Восстановленный Донбасс вновь стал важнейшим районом угледобычи в нашей стране. Труд восстановителей был поистине героическим. Уже в 1944 г. Донбасс дал стране 21,1 миллиона тонн угля, а в 1945 г. - 38,4 миллиона тонн.

Для награждения лиц, активно участвовавших в восстановлении угольной промышленности Донбасса, была учреждена медаль «За восстановление угольных шахт Донбасса», которой награждались рабочие, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники за выдающуюся работу, высокие производственные показатели и заслуги в восстановлении угольной промышленности Донбасса. Всего медалью было награждено 90 тысяч человек [22].

Благодаря самоотверженному труду рабочих и служащих, занятых на восстановлении разрушенных предприятий металлургии, восстановительные работы шли ударными темпами. Уже к 1 января 1945 г. были восстановлены и действовали 8 доменных и 24 мартеновские печи, 15 прокатных станов и 54 коксовые батареи. К концу 1945 г. действовало 13 доменных и 49 мартеновских печей, 29 прокатных станов и 68 коксовых батарей. В 1945 г. металлургия юга дала нашей стране 1,6 миллиона тонн чугуна, более миллиона тонн проката и 3,1 миллиона тонн кокса.

Это было огромным вкладом в восстановление разрушенного войной народного хозяйства страны. Для награждения трудящихся, активно участвовавших в восстановлении металлургических предприятий юга, Президиумом Верховного Совета СССР была учреждена медаль «За восстановление предприятий черной металлургии юга». Медалью «награждались рабочие, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники за выдающуюся работу, высокие производственные показатели и заслуги в восстановлении черной металлургии юга. Всего этой медалью было награждено 68 тысяч человек [23].

Такой высокой чести как учреждение двух медалей за трудовые дела удостоился только Донбасс, что особо подчеркивало его значение для государства и того большого вклада, который внесли трудящиеся региона при поддержке всех народов СССР в победу над врагом и развитие советского государства.

Набирая темпы в восстановительных работах, трудовые коллективы наращивали объемы производства продукции, по строительству жилья, объектов социально-бытового и культурного назначения, опровергая прогнозы фашистских стратегов. Генерал Штюльпнагель, докладывая Гитлеру в 1943 году о произведенных разрушениях в Донбассе, утверждал, «Промежуток 25 лет

– это такой срок, который потребуется России, чтобы восстановить разрушенное нами» [24]. А трудящиеся Донбасса, при поддержке всей страны, добились того, что уже в 1949 году промышленность Донбасса достигла довоенного уровня производства.

Ссылки и примечания:

1. Большевик. 1942. № 3. С. 2.
2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет. Т. 3. М. С. 169.
3. Великая Отечественная война. 1941-1945. Энциклопедия. - М. 1985. С. 248.
4. Морехина Г. Г. Восстановление народного хозяйства Советского Союза на освобождённой территории в период Великой Отечественной войны. //Вопросы истории. № 8. 1961. С. 47-48.
5. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 802 - 816.
6. Социалистический Донбасс. 1945. 10 апреля.
7. Правда. 1943. - 14 ноября.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 804. Л. 157.
9. Там же. Оп. 44. Д. 582. Л. 448.
10. Буцко Я. А. Коммунистическая партия - организатор всенародной помощи Советской Украине в восстановлении народного хозяйства в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1962. С. 41.
11. Восстановление угольной промышленности Донецкого бассейна. Т. II. С. 28-29.
12. Буцко Н. А. Указ. соч. С. 33.
13. ГАРФ. Ф. 9507. Оп. 1. Д. 164. Л. 257.
14. Коммунист Украины. 1965. № 5. С. 35.
15. Восстановление Донбасса. 1946 - 1950. Документы и материалы. М., 1986. С. 45.
16. Правда Украины. 1945. 16 января.
17. Социалистический Донбасс. 1945. 6 июля.
18. Труд. 1944. 13 февраля.
19. Там же. 17 июня.
20. Правда. 1947 - 18 ноября.
21. Правда Украины. 1945 - 1 июля.
22. Колесников Г.А., Рожков А.М. Ордена и медали СССР. М., 1974. С. 187-190.
23. Там же. С. 190-193.
24. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944 гг.). М., 1965. С. 186.

УДК 94:614.885 (477.6) “1964/1991”

В. И. Карачевская

соискатель,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: lkarachevskayaviktoriya@yandex.ua

РАЗВИТИЕ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВОРОШИЛОВГРАДСКОЙ И ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТЕЙ В СЕРЕДИНЕ 1960 х – начале 1990-х годов

Аннотация

Статья знакомит с системными составляющими санитарно-эпидемиологической службы. Главное внимание сосредоточено на деятельности Ворошиловградской и Донецкой областных СЭС. Основной акцент автор делает на структуре санитарных организаций, распространенности противоэпидемических учреждений, анализе кадрового вопроса. В работе на конкретных примерах отмечается проблема финансирования отрасли. Статья рассчитана на широкий круг читателей, ученых исторической и медицинской направленности.

Ключевые слова: *санитарно-эпидемиологическая станция, противоэпидемические мероприятия, бактериологическая лаборатория, инфекция, гигиенисты, вирусологи, дезинфекционная деятельность.*

Summary

The article introduces the system components of the sanitary-epidemiological service. The main attention is focused on the activities of Voroshilovgrad and Donetsk Oblast SES. The main focus of the author draws on the structure of health organizations, the prevalence of anti-institutions, the analysis of the staffing issue. In the specific examples noted the problem of financing the industry. This article is intended for a wide circle of readers, scientists and historical medical orientation.

Keywords: *sanitary-epidemiological station, control measures, bacteriological laboratory, infection, hygienists, virologists, disinfection activities.*

Защита населения от эпидемий и инфекционных заболеваний занимает ведущее место в деятельности Министерства здравоохранения государства. Для советского периода истории характерна четкая централизация и подчиненность службы санитарного контроля. Это позволяло регулировать эпидемический фон, контролировать соблюдение санитарных норм и правил. Однако, именно такая бюрократическая организация приводила к торможению выполнения непосредственных задач службы. Поэтому, актуальным является исследование и

заимствования положительного опыта, а также определения и предупреждения недостатков советского санитарного управления.

Историографическая составляющая работы представлена монографией таких авторов, как В.Д. Беляков, А.А. Дегтярев, Ю.Г. Иванников [1]. Работа дает общую характеристику служб санитарного контроля Советского Союза и его республик сквозь призму социалистических преобразований. Процессы, которые происходили в этой области непосредственно на территории Донбасса, рассматривают исследователи В.Ф. Трач, В.И. Денисенко [2], О.М. Хромченко [3]. Однако и эти ученые ограничивают географические рамки только Донецкой области, обходят кадровых вопросов.

Основу источниковедческой базы составляют архивные материалы. Среди них значительное количество статистических данных: отчетов, годовых таблиц санитарно-эпидемиологических служб Ворошиловградской и Донецкой областей, статистических управлений, областных отделов здравоохранения. Это позволяет достаточно полно охватить выполнения поставленных задач статьи.

Структура системы противоэпидемического обслуживания в СССР включала следующие уровни: местный (участковый), районный, областной (городской), республиканский и союзный. За санитарно-эпидемиологическими органами и учреждениями были закреплены диагностические (эпидемиологическая диагностика), организационные, методические и контрольные функции.

В состав СЭС входили подразделения санитарно-гигиенического и эпидемиологического профиля. В эпидемиологических подразделениях были сгруппированы эпидемиологи, бактериологи, вирусологи, специалисты по особо вредным и естественно-очаговым инфекциям, дезинфекционисты. Гигиенические структуры имели подразделения коммунальной гигиены, гигиены труда, гигиены питания, гигиены детей и подростков.

Существовавшая практика планирования работы санитарно-эпидемиологических станций не в полной мере отвечала запросам жизни. Нередко комплексные планы санитарно-оздоровительных мероприятий не совпадали с народнохозяйственными, а соответственно, не обеспечивались материальными ресурсами и в большинстве своем оставались невыполненными.

Правовой организацией санитарно-эпидемиологической службы занималось санитарное законодательство, которое представляло собой совокупность постановлений и распоряжений из санитарных программ Совета Министров СССР и союзных республик. Исполнительные комитеты местных советов в рамках их полномочий издавали постановления по санитарным и противоэпидемическим вопросам.

Соблюдение этих норм возлагалось на плечи всех государственных органов, производственных предприятий, научно-образовательных учреждений, общественных организаций. Нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил вело за собой дисциплинарную, административную, уголовную ответственность [4].

Должностные лица санэпидстанции при осуществлении государственного санитарного контроля выполняли две основные функции: контрольную и организаторскую. Обязательным условием деятельности СЭС в рамках тоталитарного режима было систематическое информирование советских и партийных органов о санитарной и эпидемической ситуации на соответствующей территории, организация и проведение оздоровительных мероприятий с помощью исполкома местного совета, ее отдельных отделов, постоянных комиссий, хозяйственных организаций [5].

В 1963 г. с выходом Постановления Совета Министров СССР от 29.10.1963 № 1107, начинается новый этап в развитии и совершенствовании санитарно-эпидемиологической службы. Этим решением была утверждена единая номенклатура учреждений – санитарно-эпидемиологическая станция, единственная должность – главный санитарный врач союза, республики, края, области, города, района, заместитель заведующего отделом здравоохранения по санитарно-противоэпидемическим вопросам. Состоялась ликвидация института госсанинспекции от республиканского центра до районной санитарно-эпидемиологической станции, создана сквозная структура санитарно-эпидемиологической службы:

- 1) санитарный (гигиенический) отдел в составе 4-х профильных отделений: жилищно-коммунальной, промышленной, пищевой и школьной санитарии;
- 2) эпидемиологический отдел в составе эпидемиологического, паразитологического и дезинфекционного отделений;
- 3) лаборатории, в состав которых входили гигиенические и бактериологические отделения [6].

Основой дальнейшего укрепления санитарно-эпидемиологической службы стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и медицинской науки в стране» от 1968 г. В соответствии с требованиями этого решения в 1960-х гг. повсеместно стали восстанавливать санэпидстанции в сельских районах, укреплять их материально-техническую базу и кадровую обеспеченность.

В сферу деятельности санитарно-эпидемиологической службы была введен новый принцип – централизация управления и финансирования на областном уровне. Однако его внедрение проходило довольно медленно: перестройка управления началась в 1968 г. и за 20 лет охватила только 40% санэпидстанций страны [7].

На этом этапе больше внимания уделялось кадрам санитарно-эпидемиологической службы, совершенствованию и экспериментальной апробации новой структуры санэпидстанций. Постановлением Совета Министров СССР № 361 от 31.05.1973 утверждено новое Положение о государственном санитарном надзоре, по которому учреждениям санитарно-эпидемиологической службы предоставлен статус государственных, соответственно, главные врачи санэпидстанций стали носить звание главных санитарных врачей административных территорий. Структурные профильные

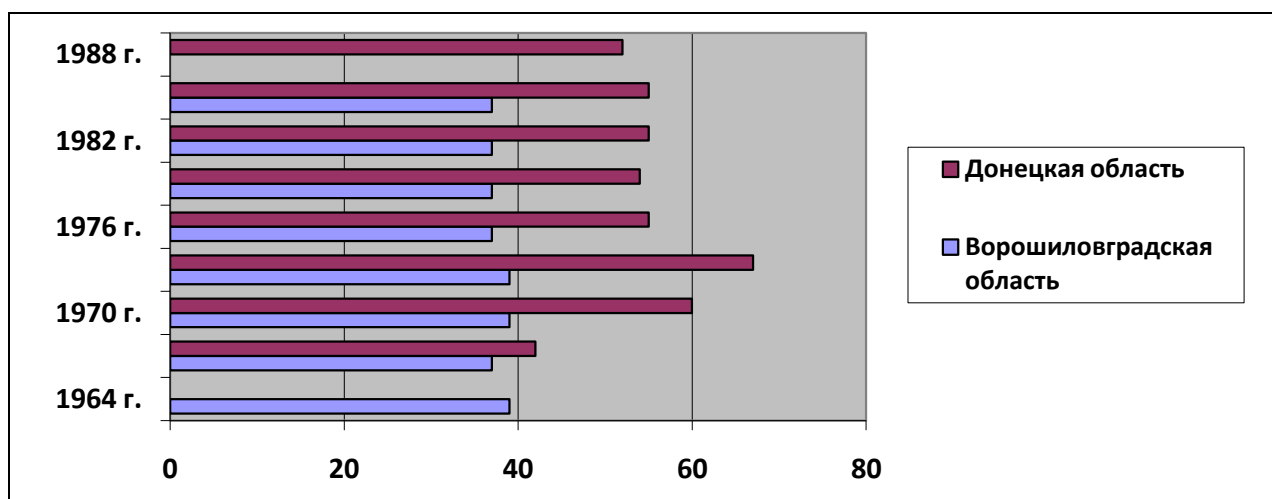
подразделения получили название гигиенических. В качестве основного учреждения санитарно-эпидемиологической службы определена санитарно-эпидемиологическая станция (СЭС). Вместе с тем, упомянутое Положение не укрепило правовой статус должностных лиц, осуществлявших функции госнадзора и возможности по предупреждению нарушений санитарных требований и административных санкций, так как их права имели декларативный характер. Кроме того, в 1973 г. вышел приказ № 886, утвердивший номенклатуру исследований, проводимых бактериологическими лабораториями санэпидслужбы [8].

В 1975 г. в городах с районным делением осуществляется централизация лабораторий. Сначала такое объединение было проведено профсанлабораторией в Макеевке, потом в Мариуполе, Донецке, Горловке. Централизация лабораторий санитарно-эпидемиологических станций позволила увеличить количество исследований, улучшить их качество, обеспечить лаборатории приборами, аппаратами, реактивами, увеличить коэффициент использования аппаратуры. Однако здесь были допущены ошибки, которые не давали возможности районным санитарно-эпидемиологическим станциям проводить экспресс исследования.

Число учреждений санитарно-эпидемиологической службы Донбасса в течение исследуемого периода оставалось практически постоянным (график 1).

График 1

Сеть санитарно-эпидемиологической службы [9–19]

Данные графика 1 показывают, что сеть заведений в среднем составляла 37 СЭС для Ворошиловградской и 55 СЭС для Донецкой областей.

Однако, в течение 1960–1970-х гг. в Донецкой области наблюдался строительный бум. За годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) в области было построено три санэпидстанции по типовым проектам (в Шахтерске, Артемовске и Волновахском районе), а также лабораторный корпус Донецкой городской

санэпидстанции. В 1976 г. введен в эксплуатацию лабораторный корпус Краматорской городской санэпидстанции, начато строительство заведений в Красноармейске и Снежном [20].

С конца 1970-х гг. стала меняться ситуация с материально-технической базой, когда между 1977-м и 1986-м годами на территории Донбасса построено по типовым проектам 10 санэпидстанций и лабораторных корпусов, проведена реконструкция учреждений, улучшены условия соблюдения противоэпидемического режима в работе с патогенными культурами. Было проведено ряд мероприятий, направленных на улучшение организации работы бактериологических лабораторий, в том числе переориентация их работы от традиционной структуры исследований к централизации отдельных видов исследований с созданием специализированных групп. Это позволило увеличить не только производительность труда, но и значительно улучшить качественные показатели.

Вместе с тем, еще продолжали оставаться неудовлетворительными условия труда санэпидстанций в Харцызске, Селидово, Доброполье, Краснолиманском, Марьинском, Славянском, Ясиноватском, Шахтерском районах. Вопросы финансирования и материально-технической базы санитарно-эпидемиологической службы решались по остаточному принципу. В середине 1970-х гг. Донецкая санэпидслужба получила от областного отдела здравоохранения лишь 1,5% финансовых средств для проведения капитального ремонта, а на приобретение принадлежностей и мебели только по 22 руб. на каждое заведение [21]. Показатели обеспеченности автотранспортом в пределах УССР составляли 80%. На территории Ворошиловградской области до середины 1970-х гг. служба СЭС была вполне обеспечена машинами, однако в 1980-х ситуация резко меняется (таблица 1).

Таблица 1.

Обеспеченность СЭС автотранспортом (%) [22–24]

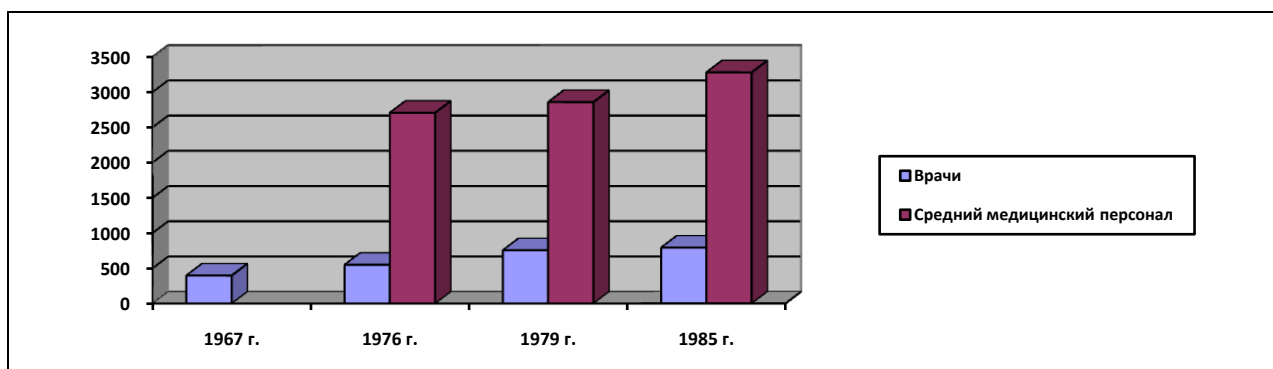
Территория	1976 г.	1979 г.	1980 г.	1982 г.	1985 г.
Ворошиловградская область	103	72	65	58	74
Донецкая область	77	92	92	77	69
УССР	81	*	80	80	82

Таблица 1 обнаруживает, что Донетчина была лучше обеспечена автотранспортом (в среднем 82 единицы), чем Ворошиловградщина (в среднем 74 единицы). Однако, в «перестроечный» период наблюдается противоположная ситуация – численность транспортных средств в Донецкой области уменьшается на 10%, а в Ворошиловградской увеличивается на 27%.

Рассматривая данные о штатных работниках (графики 2, 3), можно заметить постоянный рост количественных показателей санитарно-эпидемиологического персонала, что также было характерно для Советского Союза и УССР.

График 2

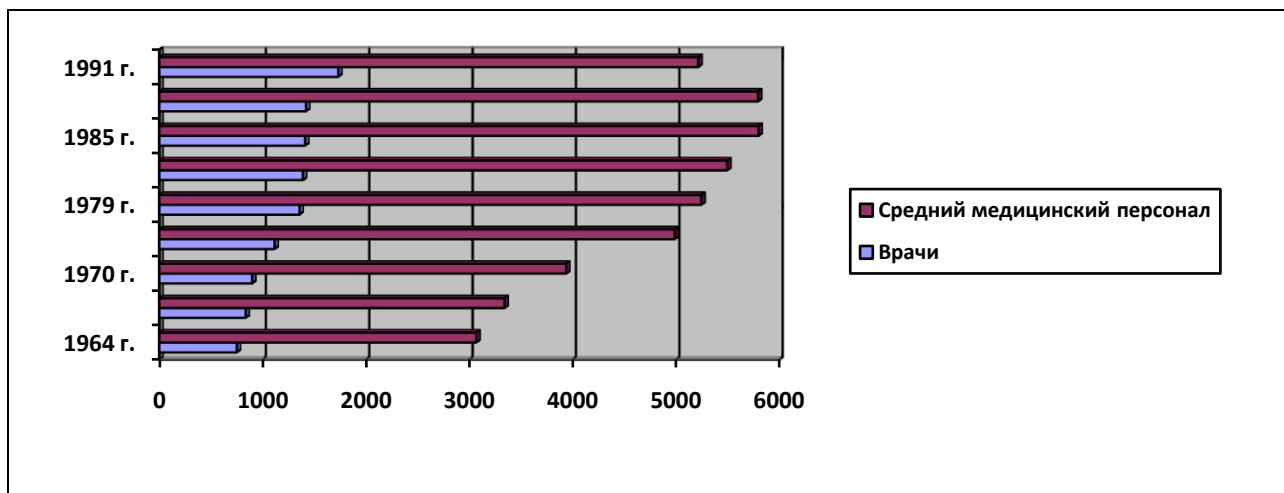
Кадры санитарно-эпидемиологической службы
Ворошиловградской области [25–34]

Согласно графику 2, в Ворошиловградской области количество врачей за 1967–1985 гг. увеличилось вдвое, а среднего медицинского персонала – на 20%.

График 3

Кадры санитарно-эпидемиологической службы Донецкой области [35–44]

В соответствии с графиком 3, динамика численности персонала СЭС Донецкой области в основном росла. До 1991 г. количество врачей увеличилось более, чем вдвое, а среднего медицинского персонала в 1988 г. – на 89%, но уже в 1991 г. оно уменьшилось на 10%.

Однако, следует сказать, что уровень обеспечения врачами и средним медицинским персоналом службы на душу населения в Ворошиловградской области был значительно выше, чем в Донецкой, но работников все равно не хватало. Отметим, что 50% нехватки врачебных должностей приходилось на города, где в середине 1970-х гг. построены новые СЭС – Лисичанск, Северодонецк, Антрацит и Ворошиловград [45].

Распространилась инициатива Донецкой областной санитарно-эпидемиологической станции по оперативному контролю за санитарным и эпидемиологическим фоном в регионе с целью профилактики острых кишечных инфекций. Республиканские школы передового опыта действовали на базах Ворошиловградской областной и Шепетовской районной санитарно-эпидемиологических станций.

Внедрение в практику опыта Донецкой областной санитарно-эпидемиологической станции по санитарной охране атмосферного воздуха и борьбы с шумом активизировало предупредительный и текущий санитарный надзор за строительством газопылеулавливающих и рекуперационных сооружений на промышленных и автомобильных предприятиях, способствовало усилению контроля за шумовым фоном на городских автомобильных магистралях с интенсивным транспортным движением.

Для оперативных изменений приоритетов деятельности, штатной численности, структуры учреждений санитарно-эпидемиологической службы их руководителям необходима была свобода деятельности, а чрезмерная централизация управления на союзном уровне запрещала самостоятельно внедрить любые мероприятия без разрешения Минздрава СССР.

В середине 1980-х гг. эти вопросы очень остро поднимаются на страницах печати, в выступлениях на съездах и советах гигиенистов. Организаторы и специалисты СЭС ставили вопрос изменения ее правового статуса и, соответственно, пересмотра действующего законодательства [46].

Приказ МЗ СССР № 90 от 10.12.1988 «О расширении прав руководителей учреждений здравоохранения» впервые позволял руководителям учреждений здравоохранения проводить замену должностей за счет других структурных подразделений в пределах штатных нормативов и фонда заработной платы без согласования вышестоящих органов [47].

В соответствии с новой концепцией, в области было организовано 10 государственных территориальных объединений (ГТО) с включением в их состав от трех до двенадцати санитарно-эпидемиологических станций городов и районов. Между заведениями ГТО состоялось распределение задач и функций. Основной задачей городских и районных санэпидстанций было осуществление инспекторских функций на объектах надзора и обеспечение эпидемического благополучия населения. Для выполнения этих задач санэпидстанции пользовались лабораториями. Задачами главного заведения ГТО было установление причинно-следственных связей между уровнем заболеваемости и факторами окружающей среды, разработка приоритетных направлений

деятельности. Для этого на базе главных учреждений, государственных территориальных объединений созданы отделы: здоровье и анализ здоровья населения и экологически чистые пищевые продукты, здоровье и инфекции.

Начиная с 1990 г. санитарно-эпидемиологические службы Ворошиловградской и Донецкой областей перешли на программно-целевое планирование, смысл которого заключался не в разработке перечня мероприятий для решения любого проблемного вопроса, а в поиске такого подхода к организации надзора и мониторинга, который мог бы позволить выйти на истинную причину данной проблемы и последующее ее решение. В результате этого, начиная с 1989 г. уровень заболеваемости в группе острых кишечных заболеваний снизился в 3–4 раза и был стабильным в последующие годы [48].

Казалось, все сделано для полноценной творческой и эффективной работы санитарно-эпидемиологической службы области, однако непродуманность действий инициаторов перестройки, распад Советского Союза, война законов и республиканских суверенитетов, политизация всего общества привела к полному спаду экономики, резкому падению уровня жизни населения.

Автор предполагает продолжить рассмотрение этой проблемы в ракурсе образовательной квалификации и национальной принадлежности санитарно-эпидемиологических работников.

Ссылки и примечания:

1. Беляков В.Д., Дегтярев А.А., Иванников Ю.Г. Качество и эффективность противоэпидемических мероприятий / АМН СССР. Л.: Медицина, 1981. С. 59.
2. Трач В.Ф. Очерк истории санитарно-эпидемиологической службы Донбасса / В.Ф. Трач, И.И. Авдеев. Донецк, 1998. С. 39
3. Хромченко О.М. Организация работы санитарно-эпидемиологической станции / О.М. Хромченко. М.: Центральный ордена Ленина институт усовершенствования врачей, 1978. С. 4.
4. Правовые аспекты профессиональной деятельности санитарного врача (методические материалы) / Министерство здравоохранения УССР Донецкая областная санитарно-эпидемиологическая станция. Донецк, 1988. С. 30.
5. Хромченко О.М. Указанная работа. С. 4.
6. Трач В.Ф. Указанная работа. С. 39.
7. Хромченко О.М. Санитарно-эпидемиологическая служба / О.М. Хромченко, Г.И. Куценко. М.: Медицина, 1990. С. 25.
8. Трач В.Ф. Организация санитарно-эпидемиологической службы: хроника, события, люди / В.Ф. Трач, В.И. Дениченко. – Донецк: Каштан, 2008. Т. 3: Организация санитарно-гигиенической и лабораторной деятельности. С. 438.
9. Государственный архив ЛНР (ГА ЛНР). Ф. 2519. Оп. 10. Д. 766. Л. 24.
10. Там же. Д. 874. Л. 18.
11. Там же. Д. 580. Л. 10–12.

12. Там же, Д. 929. Л. 18.
13. Там же, Д. 610. Л. 10–11.
14. Там же, Д. 689. Л. 15, 17.
15. Там же, Ф. 2359. Оп. 3. Д. 663. Л. 8.
16. Там же, Ф. 2519. Оп. 21. Д. 485. Л. 50.
17. Государственный архив ДНР (ГА ДНР). Ф. 4856. Оп. 1. Д. 999. Л. 13.
18. Там же, Д. 1838. Л. 58.
19. Там же, Ф. 4932. Оп. 2. Д. 432. Л. 26.
20. Трач В.Ф. Организация санитарно-эпидемиологической службы: хроника, события, люди / В.Ф. Трач, В.И. Денисенко. Донецк: Каштан, 2008. Т. 1: Организация санитарно-эпидемиологической службы. С. 146.
21. Трач В.Ф., Денисенко В.И. Указанная работа. Т. 1. С. 151.
22. ГА ДНР. Ф. 4932. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.
23. Там же. Д. 22. Л. 10.
24. Там же. Д. 54. Л. 10.
25. Там же. Оп. 2. Д. 787. Л. 13.
26. Там же. Оп. 9. Д. 331. Л. 2.
27. Там же. Д. 1522. Л. 1.
28. Там же. Д. 2090. Л. 1.
29. Там же. Д. 2668. Л. 1.
30. Там же. Д. 3206. Л. 1.
31. Там же. Д. 3394. Л. 1.
32. Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
33. Там же. Оп. 9. Д. 3396. Л. 27, 32.
34. Беляков В.Д., Дегтярев А.А., Иванников Ю.Г. Указанная работа. С. 35.
35. ГА ДНР. Ф. 4932. Оп. 2. Д. 787. Л. 13.
36. Там же. Оп. 9. Д. 331. Л. 2.
37. Там же. Д. 1522. Л. 1.
38. Там же. Д. 2090. Л. 1.
39. Там же. Д. 2668. Л. 1.
40. Там же. Д. 3206. Л. 1.
41. Там же. Д. 3394. Л. 1.
42. Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.
43. Там же. Оп. 9. Д. 3396. Л. 27, 32.
44. Беляков В.Д., Дегтярев А.А., Иванников Ю.Г. Указанная работа. С. 35.
45. ГАЛНР. Ф. Р-2945, Оп. 3. Д. 1668, Л. 16.
46. Трач В.Ф., Авдеев И.И. Указанная работа. С. 43.
47. Там же. С. 44.
48. Трач В.Ф., Денисенко В.И. Указанная работа. Том. 1. С. 179.

Наука и культура сквозь призму статистики

УДК 903.5:902.3

Л. Г. Шепко

доктор исторических наук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: pprakra@mail.ru

СТРУКТУРА АМФОРНОГО КОМПЛЕКСА СВЯТИЛИЩА У ПОС. ЗАВЕТНОЕ

Аннотация

В статье обобщены и проанализированы материалы амфорного комплекса поселения Заветное 5, полученные в ходе работ 2009-2011 гг. В результате систематизации количественных показателей отмечены особенности распределения товаров отдельных центров по различным зонам памятника.

Ключевые слова: *Боспор, Заветное 5, амфоры, количественный анализ.*

Summary

The article summarizes and analyzes the materials of the amphoric complex of Zavetnoye settlement 5, obtained during the works of 2009-2011. As a result of the quantitative indicators' systematization, the goods' distribution features were listed according to individual centers for different zones of the sanctuary.

Keywords: *Bosporus, Zavetnoye 5, amphora, quantitative analysis.*

Значимость поселенческой структуры часто определяется степенью ее включенности в экономические связи региона. К настоящему времени уже благодаря многолетним и разноплановым исследованиям сформировалась общая картина контактов боспорских центров с городами Южного Понта, северной Эгеиды, Балканской Греции. На Боспор в доримский период поступала продукция 14- 25 центров.

Торговые связи фиксируются по данным амфорного материала, на основании которого устанавливаются не только центры, откуда поступал товар, но и объемы продукции. Различные методики учета и анализа объемов тары позволяют рассчитывать и динамику поступления импорта.

По многим боспорским памятникам имеется репрезентативная статистика. Накоплен значительный опыт количественного анализа античного импорта на Боспоре по материалам керамической тары. Проанализированы экономические

связи поселений Азиатского Боспора в данный период по материалам керамической тары [1]. Проведены исследования по отдельным городам, сельским поселениям и усадьбам [2]. Исследования Европейской и Азиатской части Боспора позволяют проследить динамику поступления товаров в разные регионы Боспора по отдельным хронологическим периодам. Но часто сопоставление данных по регионам и типам памятников, или по отдельным периодам связано с определенными трудностями, как внешнего, так и внутреннего характера.

Поэтому всегда остается целесообразность представления и анализа материала единичного поселения, как городского, так и сельского. Материал одного памятника позволяет конкретизировать не только вид поступавшего товара, соотношение одной продукции разных центров, но и выявить своеобразие или типичность отдельного поселения, его торговых связей.

Более того, интерес может представлять и количественный анализ амфорного комплекса отдельных объектов в рамках памятника. Особенно в том случае, когда имеется однозначная его интерпретация.

Это в полной мере относится к такому поселению, как Заветное-V, расположенному в Восточном Крыму. Это был сложный сельскохозяйственный организм, жизнедеятельность которого протекала в пределах V - первой трети III вв. до н.э. Разнообразие вещевого комплекса поселения, выявленного в ходе археологического исследования, позволяет определить характер занятий населения и направление связей. В структуре поселения выделены несколько специализированных зон – жилая, хозяйственная и сакральная. Структура сельского поселения Заветное-5 и хронологическая позиция каждой из зон поселения определены [3].

Статистическая обработка керамического комплекса данного памятника по отдельным объектам позволяет выделить керамический материал одного из них – строительного комплекса 1, представляющего сакральную зону, проанализировать на предмет представительности и соотношения различных торговых центров и сравнить с другими объектами и зонами. Это и составляет цель данной работы.

Участок поселения, раскрытый в 2009-2011 гг., определен как сакральный. Свидетельства культовой практики населения в виде отдельных терракот и, возможно, ритуальных объектов встречались на разных его участках, в отдельных ямах, жилых помещениях V-III вв. Но в конце IV в. в его северо-западной части оформляется самостоятельная зона, непосредственно связанная с отправлением культа. Этот комплекс (СК 1) в пределах Раскопа 2 был исследован в 2009-2011 гг.

Он располагался на вершине плато, откуда хорошо просматриваются озеро Тобечик, Керченская бухта, Таманский берег.

Центральным элементом Строительного комплекса 1 (СК1), открытого на данном участке, являлась большая каменная вымостка, протянувшаяся с в направлении север-юг с незначительным отклонением к западу. Ее длина 15 м, ширина до 2,0 м. На поверхности обнаружено большое число крупных фрагментов черепицы. С востока СК1 был ограничен стеной, к которой примыкал

блок из четырех помещений, к западу от входа в одном из помещений (2) у восточного края каменной вымостки открыт глинобитный алтарь.

Стратиграфические наблюдения на данном участке позволили выделить культурные слои двух строительных горизонтов. Слой второго строительного горизонта – слой II, очевидно, связан с жизнедеятельностью сооружений первой половины IV в. до н.э. Вещественные находки из этого слоя относились к V – первой половине IV вв. до н.э. В их составе преобладали обломки амфорной тары, представленные в основном фрагментами амфор Хиоса, а также Фасоса и его круга.

Слой третьего строительного горизонта – слой III. Он связан с остатками наземных каменных конструкций второй половины IV – начала III вв. до н.э.

В третьем строительном горизонте может быть выделено на два периода: первый из которых следует датировать третьей четвертью IV в. до н.э. Скорее всего, к третьей четверти IV в. до н.э. относилась и сырцовая подковообразная конструкция, назначение которой не вполне ясно. Строительство СК1 относится уже к последней четверти IV в. до н.э. Прекращение жизни на этом участке поселения произошло не позднее первой четверти III в. до н.э.

На всех исследованных участках наибольшая часть керамических находок приходилась на долю амфорной тары, в составе которой преобладали сосуды производства Хиоса, Фасоса, Гераклеи, Синопы, Менды. Отмечено также присутствие товаров из Книда, Коса, Лесбоса, Родоса и Пепарета.

При подсчете учтены профильные части амфорной тары и определены доли каждого из центров. Применяемые методики для расчета объемов продукции на материалах крупных поселений в данном случае не использовались в силу того, что материал очень фрагментирован, не всегда есть возможность провести необходимые измерения. Кроме того, некоторые центры представлены единичными находками, что позволяет только отметить их присутствие. Керамические находки фиксировались в ходе раскопок по объектам и слоям, далее были сведены в серию обобщающих таблиц, где показано распределение по основным центрам.

Распределение амфорных находок различных центров в керамическом комплексе поселения позволило выделить центры, продукция которых поступала в данный район, и сопоставить доли их импорта,

Таблицы 1 и 2 представляют соответственно обобщенную характеристику керамического комплекса по центрам всего Раскопа 2 (2009-2011 гг.) и материал отдельного объекта СК1 этого же раскопа, который датируется третьей- четвертой четв. IV - первой четв. III в. до н.э.

В результате изучения представленного материала можно сделать ряд заключений. Структура импорта по участкам в основном совпадает. Незначительные различия не являются принципиальными. Нет существенных расхождений в динамике поступлений. Сравнительно однородное распределение находок по центрам в общем по участку и по отдельным строительным объектам может свидетельствовать о едином характере снабжения и тесном взаимодействии

отдельных зон в рамках комплекса. Обращает на себя внимание то, что в течение IV в. до н.э. амфоры Хиоса остаются наиболее представительной группой. Вместе с тем следует отметить одну особенность – сравнительно небольшую долю синопского импорта. На рассматриваемом участке (сакральном) амфорный материал Синопы находится на пятом месте по численности и составляет 6,6%. В хозяйственной зоне поселения доля этого центра в материалах первой половины IV в. была в два раза выше, составляла 14% и располагалась на третьем месте – после Хиоса и Гераклеи [4].

Вместе с тем, по имеющимся данным импорт Синопы в боспорских центрах в рассматриваемый хронологический отрезок - в конце IV - начале III в., был довольно высок [5]. Возможно, отмеченная особенность объясняется практикой использования более качественного вина при выполнении культовых обрядов.

Таким образом, анализ структуры и количественных показателей амфорного комплекса одного объекта (культового комплекса) в составе конкретного поселения (Заветное-5) фиксирует некоторые особенности распределения товаров отдельных центров по различным зонам, что вероятно, связано с характером их деятельности.

Таблица 1

**Распределение амфорного комплекса по центрам
Заветное-5. Раскоп 2 (2009-2011 гг.)**

Заветное-5. Раскоп 2 (2009-2011 гг.)			
	Центр	всего	%
1.	Хиос	1026	30,76
2.	Синопа	257	7,70
3.	Гераклея	856	25,66
4.	Кос	20	0,6
5.	Книд	97	2,9
6.	Фасос	341	10,22
7.	Круг Фасоса	129	3,87
8.	«протоФасос»	58	1,74
9.	Менда	299	8,96
10.	Лесбос	54	1,62
11.	Круг Лесбос	2	0,06
12.	Пепарет	11	0,33
13.	Херсонес	10	0,3
14.	Колхида	2	0,06
15.	Милет	4	0,12
16.	НЦ	170	5,1
	Всего	3336	100

Диаграмма к таблице 1

**Распределение амфорного комплекса по центрам
Заветное-5. Раскоп 2 (2009-2011 гг.)**

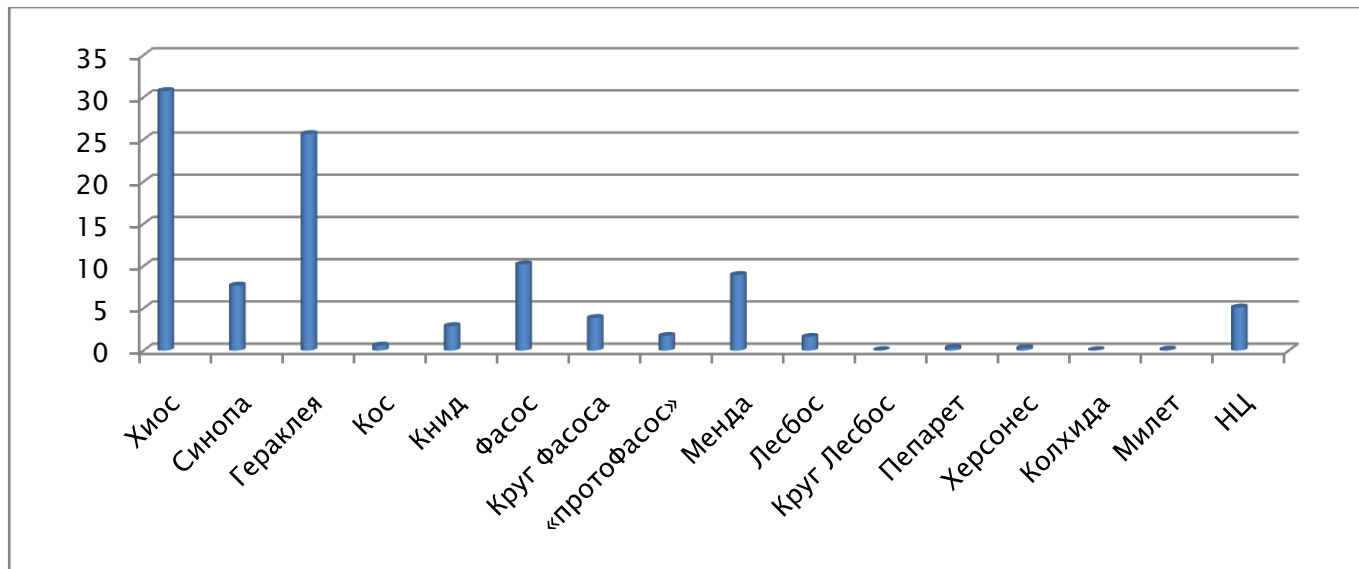

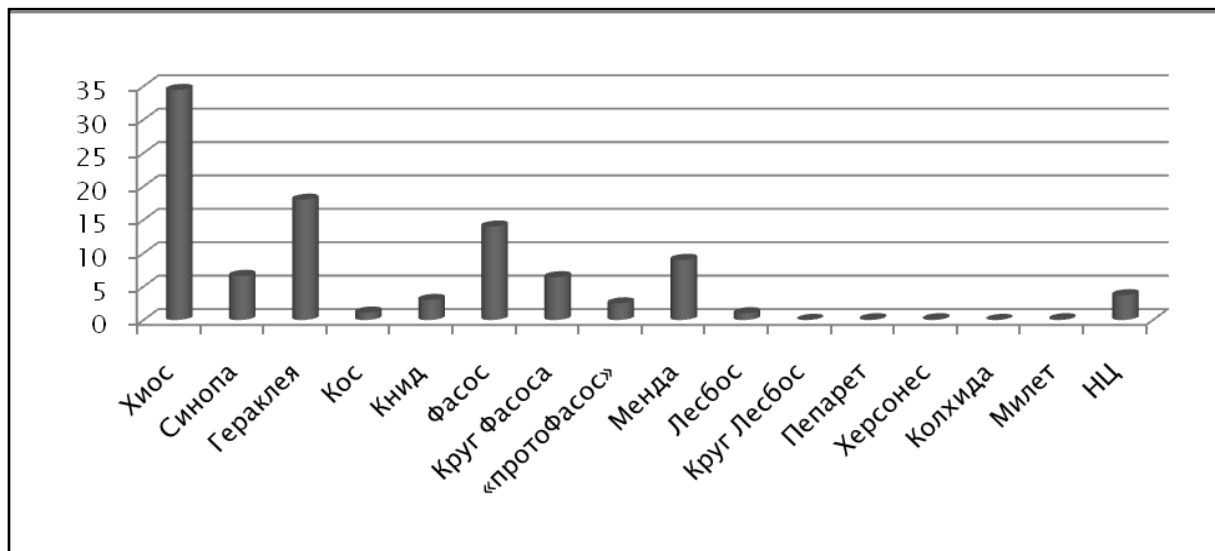
Таблица 2

**Распределение амфорного комплекса по центрам
Заветное -5. Раскоп 2. СК1 (2010- 2011 гг.).**

	Центр	всего	%
1.	Хиос	333	34,44
2.	Синопа	64	6,6
3.	Гераклея	171	18,0
4.	Кос	11	1,1
5.	Книд	29	3,0
6.	Фасос	135	13,98
7.	Круг Фасоса	62	6,4
8.	«протоФасос»	24	2,48
9.	Менда	88	9,0
10.	Лесбос	10	1,0
11.	Круг Лесбос	-	-
12.	Пепарет	1	0,10
13.	Херсонес	1	0,10
14.	Колхида	-	-
15.	Милет	1	0,10
16.	НЦ	36	3,7
	Всего:	966	100

Диаграмма к таблице 2

Распределение амфорного комплекса по центрам
Заветное -5. Раскоп 2. СК1 (2010- 2011 гг.).

Ссылки и примечания:

1. Кузнецова Е.В. Экономические связи античных поселений Азиатского Боспора в VI-III вв. до н.э. Автореферат дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. Воронеж, 2013.23 с.
2. Ломтадзе Г.А. Античный импорт на Боспоре в IV-начале III вв. до н. э. (Опыт количественного анализа по материалам керамической тары): Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06. М., 2005.
3. Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Структура сельского поселения европейского Боспора (на примере поселения Заветное-5) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. материалы XIII боспорских чтений. Керчь, 2012. С.469–476; Шепко Л. Г., Соловьев С.Л. Хронологическая позиция сакральной зоны поселения Заветное -5 // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы XV боспорских чтений. Актуальные проблемы хронологии. 20-24 мая, 2014. Керчь. С.476-485.
4. Ахмадеева М.М. Количественная характеристика состава керамического комплекса поселения Заветное 5 // Соловьев С.Л., Шепко Л.Г. Археологические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. Ч. II. СПб., 2006. С. 75.
5. Кузнецова Е.В. Указ. соч. С. 20.

УДК 94(44).027

В. А. Санжаров

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: valsandzh@yandex.ru

И. Н. Петрова

Горловская ОШ №41

e-mail: pin_396@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОКОВ: НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА ОБРАЗОВ ЛЮДОВИКА XI И КАРЛА СМЕЛОГО У ФИЛИППА ДЕ КОММИНА.

Аннотация

В данной статье осуществлена попытка изучения личности Людовика XI и Карла Бургундского на основе методологического синтеза исторической и психологической наук, применения метода контент-анализа в историческом исследовании. Обоснована необходимость применения количественных методов в биографическом исследовании. Проанализированы характерные особенности личности Людовика XI и Карла Смелого на основе воспоминаний современника Филиппа де Коммина, выявлены их индивидуальные особенности.

***Ключевые слова:** Людовик XI, Карл Бургундский, количественные методы, историческая психология, контент-анализ.*

Summary

This article attempts to study the personality of Louis XI and Carl of Burgundy on the basis of the methodological synthesis of historical and psychological sciences, the application of the content analysis method in historical research. The necessity of applying quantitative methods in a biographical study is substantiated. The characteristic features of the personality of Louis XI and Charles the Bold on the basis of the memoirs of a contemporary of Philippe de Commine are analyzed, and their individual characteristics are revealed.

***Keywords:** Ludwig XI, Carl of Burgundy, quantitative methods, historical psychology, content analysis.*

Во второй половине прошлого века история стремительно сдвинулась от традиционных направлений: нарастает тенденция психологизма в историческом познании, в котором одну из приоритетных ролей занимает проблема роли личности в контексте истории. Однако, несмотря на то, что использование биографии исторических личностей как средства исторического познания

достаточно активно развивается, многие исследования, посвященные «великим личностям» носят скорее научно-популярный характер. Причина, по мнению О.Н. Мухина, кроется в недостаточности специального методологического инструментария, позволяющего осуществить научный анализ биографии исторического персонажа [1]. В связи с этим, становится актуальным применение междисциплинарных подходов в историческом поиске в сочетании с использованием количественных методов, что позволит более объемно представлять сам объект исследования.

В нашей статье осуществлена попытка изучения личностных характеристик и эмоциональной составляющей поведения французского короля Людовика XI и герцога Бургундии Карла Смелого, на основе сочетания сравнительно-исторического метода и количественного контент-анализа. Для решения исследовательской задачи мы постарались использовать последние достижения в области психологии личности. В психологической науке существует давняя традиция изучения и классификации эмоций, среди наиболее известных авторов М. Арнольд, П. Экман, Н. Фрижда, Дж. Грей, К. Изард, У. Джеймс, У. Макдауэлл, О. Морер, К. Отли, П. Джонсон-Лэрд, Дж. Панксепп, Р. Плучик, С. Томкинс, Дж. Уатсон, Б. Уэйнер [2]. В последние годы все более популярной становится историческая антропология эмоций. В 2006 года запущен совместный исследовательский проект французского университета Экс-Марсель и канадского университета Квебек в Монреале ЕММА (Les Emotions au Moyen Age) для координации исследований средневековых эмоций. В 2010 г. в университете Париж-4 Л. Смагте защитил диссертацию (под научным руководством Э. Крузе-Паван и М. Боона), посвященную изучению эмоций владык в бургундском политическом дискурсе XIV-XV веков [3]. Свою скромную задачу мы видим в том, чтобы на базе существующих классификаций отследить ряд фундаментальных или базовых эмоций у конкретных исторических персонажей.

В качестве источника фактологического материала были использованы «Мемуары» фламандского дворянина на французской королевской службе Филиппа де Коммина, сира д'Аржантон, который находился в самой гуще политических событий своего времени: вначале он служил герцогу Карлу Смелому, потом перешел на сторону Людовика XI и вошел в круг монарших доверенных лиц [4]. Источник представляет интерес, во-первых, потому что Ф. де Коммин лично знал и являлся близким соратником и Карла Смелого, и Людовика XI, во-вторых, потому что автор пишет о том, что сам видел, слышал или в чем принимал непосредственное личное участие. Известно, что каждая выраженная эмоция имеет особую физиогномическую представленность. Мимически базовая эмоция проявляет себя в течение ограниченного интервала времени. Мимические проявления устроены таким образом, что обязательно информируют и друзей и врагов как о мотивации, так и о последующем поведении наблюдаемого. Можно пытаться сдерживать, подавлять некоторые формы эмоционального реагирования, но независимо от обстоятельств, есть

такие эмоциональные проявления, которые почти не поддаются контролю. Поэтому личное «видение» Коммина [5] настолько ценно именно для изучения эмоций.

Объекты изучения были выбраны неслучайно: Людовик XI и Карл Смелый – исторические личности, которые были кровными родственниками, жили в одно время, в схожей социокультурной среде, достигли максимально возможных вершин власти и могущества, и в то же время являлись абсолютными антиподами по жизненному укладу, мировосприятию, поведенческим стереотипам, реакции на внешние раздражители и вызовы. Они разнятся и методами ведения политики. Их противостояние было затяжным, а перемирия обычно сменялись обострениями конфликта. Стоит отметить, что эта борьба за власть являлась в равной степени тяжелым вызовом, как для короля, так и для герцога, и стала судьбоносной как для них обоих, так и для истории Франции и Бургундии (в широком значении бургундской государственности).

Личности исследуемых персоналий носят крайне спорный и неоднозначный характер и всегда вызывали интерес историков и романистов. В историографии за ними давно утвердились клишированные характеристики: Людовик XI традиционно изображается «всемирным пауком», жестоким, расчетливым обманщиком и интриганом, Карл Смелый – «последним рыцарем», храбрым и отважным воином. Ш. Самаран, Б. Мандро, Ш. Пти-Дютайи, Ж. Кальмет, А. Ковиль, П.М. Кендаль, Ж. Дюфурне, П.-Р. Госсен, Ж. Эр, Ж. Кринен, Ж. Бланшар, Ф. Контамин, Ж. Фавье немало страниц своих работ по Людовику XI посвятили развенчанию расхожих стереотипов [6].

Гипотеза для анализа: совпадают ли сегодняшние представления о Людовике XI и Карле Бургундском с видением их личностей современником? Исходя из данной гипотезы, мы можем сформулировать следующие уточняющие вопросы:

- Какое качество личности, с точки зрения Ф. де Коммина, наиболее характерно для исследуемых личностей?
- Какие эмоции преобладают в поведении Людовика XI и Карла Смелого?

Данные вопросы помогут лучше понять психологический облик объектов исследования. Ведь именно благодаря изучению черт характера мы можем узнать тип темперамента - индивидуальную характеристику человека со стороны особенностей его психической деятельности, таких как интенсивность, скорость, темп психических процессов. В свою очередь, эмоции являются «истинными оттенками души», отображая реальное отношение относительно той или иной ситуации.

Таким образом, на основании выдвинутой гипотезы построим регистрационную карточку контент-анализа. Подлежащим данной таблицы выступают личности Людовика XI и Карла Смелого, сказуемое разделено на две категории: черты характера и эмоции. Генеральной совокупностью подлежащих анализу материалов является количество страниц «Мемуаров» Ф. де Коммина, для данной работы была использована публикация мемуаров Б. де Мандро 1901-

1903 гг., следовательно, генеральная совокупность – 548 страниц. Классификатор контент-анализа – конкретные менты, то есть упоминания Ф. де Коммина, его характеристики рассматриваемых исторических деятелей. Например: «наш же король был очень мудрым», «герцог Бургундский, охваченный гневом» и т.д. Таким образом, единицей анализа является «слово», контекстуальной единицей — «предложение» [7].

Таблица 1

Регистрационная карточка контент-анализа.

Категория	Подкатегория	Людовик XI		Карл Смелый	
		Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная	Частота упоминания абсолютная	Частота упоминания относительная
I Категория (черта характера)	Мудрый, умный	23	6,08%	0	0%
	Храбрый	1	0,26%	3	0,79%
	Жестокий	2	0,52%	4	1,06%
	Демонстрирует роскошь, расточительный	2	0,52%	5	1,32%
Итого		28	7,38%	12	3,17%
II Категория (эмоции)	Радость (смех)	14	3,7%	2	0,52%
	Тревога	0	0%	3	0,79%
	Страх	24	6,35%	2	0,52%
	Гнев	6	1,59%	7	1,85%
	Подозрительность	2	0,52%	2	0,52%
Итого		46	12,16%	16	4,2%

Преобразовав данные, полученные в результате контент-анализа, в виде двух столбчатых диаграмм согласно рассматриваемым категориям, мы можем отметить, что модой выборки категории I для Людовика XI является такая черта характера, как мудрость, в то время как для Карла Смелого характерны прежде всего расточительность и демонстрация своего богатства. Безусловно, на основании данной выборки мы не можем утверждать, что Людовик XI всегда поступал правильно и мудро, Ф. де Коммин упоминает и о пороках, и об ошибках короля, однако становится очевидным, что Людовик обладал высоким интеллектуальным уровнем. Столь частое упоминание Людовика XI – мудреца, также свидетельствует о личной симпатии мемуариста, известно, что Коммин во многом разделял методы ведения политики короля [8].

Кроме того в данной выборке мы видим, что такая черта характера как жестокость, по мнению Ф. де Коммина, больше присуща Карлу Смелому, что противоречит современному рыцарскому образу герцога Бургундии. Интересен также тот факт, что Коммин, упоминая о пытках, которые применял Людовик XI к своим врагам и заключенным, не считает его жестоким, порой оправдывает, объясняя мнительностью короля или же необходимостью таких мер. Это также говорит о личном отношении автора источника к королю и герцогу, но не исключено, что данные показатели также свидетельствуют о разном понимании слова «жестокий» современного человека и Ф. де Коммина, мемуарист воспринимал пытки в заключении скорее как норму, чем отклонение. Коммин упоминает, что и сам был заключен на восемь месяцев в маленькой клетке, в которой невозможно было ни сесть, ни лечь, однако пишет об этом без особых эмоций.

Относительно данных категории II видим, что в воспоминаниях Коммина чаще других эмоций Людовик XI испытывает чувство страха, а Карл Смелый подвержен гневу. Таким образом, анализ подтверждает, что герцог Бургундский был невероятно эмоциональной и импульсивной личностью. В свою очередь чувство страха, у Людовика XI, несмотря на то, что Ф. де Коммин не хотел выставить своего господина боязливым, трусливым, упоминается в разы чаще, нежели все остальные рассматриваемые эмоции, особенно под конец жизни короля. Известно, что последние годы жизни Людовик XI жил изолировано в замке *Плесси-ле-Тур, оградился от внешнего мира, выставив охрану в замке, и даже ограничил собственные прогулки, боялся семьи, слуг, приближенных, но больше всего - оказаться в забвении и смерти. По мнению психологов, каждому человеку свойственно бояться смерти, однако поведение короля свидетельствует уже о психологической болезни, танатофобии, психическом расстройстве личности [9].*

На основании данных анализа, мы также можем определить, к какому из типов темперамента принадлежат исследуемые исторические личности. Темперамент отражает динамические аспекты поведения преимущественно врождённого характера, поэтому свойства темперамента наиболее устойчивы и постоянны по сравнению с другими психическими особенностями человека. Согласно с гиппократовской классификацией типов темперамента (сангвиник, холерик, флегматик, меланхолик), Карла Смелого можно характеризовать как холерика. Это человек, нервная система которого определяется преобладанием возбуждения над торможением, вследствие чего он реагирует очень быстро, часто необдуманно, проявляет нетерпение, порывистость, резкость – именно таким и предстает перед нами герцог Бургундии в «Мемуарах» Ф. де Коммина. В свою очередь, Людовик XI принадлежит к сангвиникам, его поступки обдуманы, он легко сходится с новыми людьми. Он продуктивный деятель, но лишь тогда, когда занят чем-то, в противном случае «он с трудом переносил спокойную жизнь» [10].

Таким образом, на основании применения микроисторических, психологических и статистических методов был проведен сравнительный анализ

исторических личностей, Людовика XI и Карла Смелого. Также впервые был проведен контент-анализ «Мемуаров» Ф. де Коммина на предмет выявления доминантных характеристик темперамента и изучения базовых эмоций. В ходе работы были определены основные характеристики личности короля и герцога в восприятии их современников, а также отмечено, что образы Людовика XI и Карла Бургундского в описании Коммина во многом разнятся с современными оценками рассматриваемых личностей. Кроме того, установлены индивидуальные особенности личностей, которые во многом и определяли способы ведения политики, мотивы поведения, в той или иной мере повлиявшие на ход истории. В результате анализа, становится очевидной целесообразность применения междисциплинарного подхода, а также использования количественных измерений не только при изучении массовых исторических событий и явлений, но и в рамках конкретных биографических исследований.

Ссылки и примечания:

1. Мухин О.Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I): автореф. дис. д-ра ист. наук / О.Н. Мухин. Москва, 2015. С. 3-4.
2. Arnold, M. B. *Emotion and Personality* / Magda B. Arnold. Columbia University Press, 1960. 430 p.; Johnson-Laird, P.N. *Mental models: Towards the cognitive science of language, inference, and consciousness* / P.N. Johnson-Laird. Harvard University Press, 1986. 513p.; Frijda, N. H. *The Emotions* / Nico H. Frijda. Cambridge University Press, 1986. 544 p.; Джеймс, У. *Психология* / У. Джеймс; под ред. Л. А. Петровской. М.:Педагогика, 1991.368 с.; Tomkins, S. S. *Exploring Affect: The Selected Writings* / Silvan S. Tomkins; ed. E. Virginia Demos. Cambridge University Press, 1995. 516 p.; Plutchik, R. *Emotions and Life: Perspectives from Psychology, Biology, and Evolution* / R. Plutchik. American Psychological Association, 2003. 381 p.; Изард, К. *Психология эмоций* / К. Изард; пер. с англ. А. Татлыбаевой, В. Мисник. СПб.:Питер, 2007. 464 с.; Oatley, K. *Emotions: A Brief History* / K. Oatley. John Wiley&Sons, 2008. 208 p.; Экман, П. *Психология эмоций* / П. Экман; пер. с англ. В. Кузина СПб.:Питер, 2014. 240 с.
3. Doudet, E. Laurent Smagghe, *Les Emotions du prince. Emotion et discours politique dans l'espace bourguignon* / Estelle Doudet // *Cahiers de recherches medievales et humanistes [en ligne]*. Режим доступа: <http://crm.revues.org/13049> (дата обращения 21.02.2017).
4. *Memoires de Philippe de Commynes* / nouv. ed. B.de Mandrot. – Paris: A. Picard et fils, 1901. – Т. 1(1464-1477). – CXL, 474 p.; 1903. – Т. 2 (1477-1498). – 484 p.
5. *Ibid.*, Т. 1, P.330 [1475]: «Le Roy s'esmerveilla fort... et n'y eut que moy present a les ouvrir...» (livre 4, chap.XI) ; Т. 1, P.353 [1476]: «... il n'y avoit que moy...» (livre 5, chap.II).

6. Mandrot, B. de L'autorite historique de Philippe de Commynes / Bernard de Mandrot // *Revue historique*, 1900, Vol. 73, P. 241-257 ; Vol. 74, P. 1-38; Petit-Dutaillis, C. Histoire de France depuis les origines jusqu' a la revolution. Bd. 4, 2: Charles VII, Louis XI, et les premiers annees de Charles VIII. (1422-1492) / Charles Petit-Dutaillis. – Paris, 1902; Coville, A. La jeunesse et la vie privee de Louis XI / Alfred Coville // *Journal des Savants*, 1908, P. 235-245, 294-301; Samaran, C. Une page inedite de l' "Histoire de Louis XI" par Thomas Basin / Charles Samaran // *Bibliotheque de l'Ecole des Chartes* 1924, Vol. 85, P. 302-309; Kendall, P. M. Louis XI: "... the universal spider..." / Paul Murray Kendall. – London, 1971; Krynen J. Ideal du prince et pouvoir royal en France a la fin du Moyen age (1380-1440) / Jacques Krynen. – Paris, 1981; Contamine, P. Un traite politique inedit de la fin du XVe siecle / Philippe Contamine // *Annuaire Bulletin de la Societe d'Histoire de France*, 1983/84, T. 100, P. 139-171; Ibid. Un aspect de la "tyrannie" de Louis XI // *La femme au Moyen-Age. Actes du colloque de Mauberge*, 6-9 oct. 1990, S. 431-444 ; Gaussin, P.-R. Louis XI, roi meconnu : un roi entre deux mondes / Pierre-Roger Gaussin. – Paris : A. G. Nizet, 1988. – 493 p.; Blanchard, J. La moralite juge du pouvoir: theatre et politique aux lendemains du regne de Louis XI / Jo Blanchard // *Romania*, 1988, vol. 109, P. 354-377; Contamine, P. Philippe de Commynes, seigneur poitevin / Philippe Contamine // *Revue d'histoire du pays bressuirais*, 1998, P. 54-71 ; Heers J. Louis XI / Jacques Heers. – Paris : Perrin, 1999; Dufournet J. Au coeur des Memoires de Commyne : l'affaire Saint-Pol, un cas exemplaire / Jean Dufournet // *Le Moyen Age*, 2006, T. CXII, n.3, P. 477-494 ; Dufournet, J. Louis XI vu par Commynes / Jean Dufournet // *Louis XI, une figure controversee: actes du colloque du Centre d'Etudes Medievales et Dialectales de Lille 3 et Universite Charles-de-Gaulle – Lille*, 4-6 octobre 2007. – Lille, 2010. – P. 17-34; Favier J. Louis XI / Jean Favier. – Paris : Tallandier, 2012. – 1019 p.
7. Ковальченко И.Д. Формализация и измерение исторических явлений / И.Д. Ковальченко // *Методы исторического исследования*. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/kovalchuk_metodi/07.aspx (дата обращения 07.03.2017); Манаев О.Т. Контент-анализ как метод исследования / О.Т. Манаев. Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/content-analysis3.htm> (дата обращения 07.03.2017).
8. Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» / Юрий Павлович Малинин // *Коммин Ф. де Мемуары*. М.: Наука, 1986. С. 418-422.
9. Щербатых Ю.В. Психология страха / Ю.В. Щербатых. М.: Эксмо, 2007. 512 с.; Ильин Е.П. Боязнь смерти / Е.П. Ильин // *Психология страха*. Режим доступа: <https://rutlib.com/book/27242/p/22> (дата обращения 09.03.2017).
10. Кривцова М.А., Авраменко, А.В., Клименко А.А. Темперамент личности и его свойства / М.А. Кривцова, А.В. Авраменко, А.А. Клименко // *Уникальные исследования XXI века*. 2015. Вып. 5. С. 105-109.

УДК 94 (477.75) «18/19»

С. П. Шендрикова

доктор исторических наук,

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте РФ

e-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ КРЫМСКОГО ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ ПЕРЕМЕН ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация

В данной научной публикации раскрывается взаимосвязь социокультурной жизни с геополитическими и экономическими аспектами на примере Крыма после его присоединения к Российской империи в 1783 г.

***Ключевые слова:** Российская империя, социокультурная жизнь, экономика, промышленность, буржуазно-демократические реформы.*

Summary

In the scientific publication presented, the relationship between the socio-cultural life and geopolitical and economic aspects is revealed on the example of the Crimea after its inclusion to the Russian Empire in 1783.

***Keywords:** Russian Empire, social and cultural life, economy, industry, bourgeois-democratic reforms.*

Судьбоносный этап в истории Крыма – его присоединение в 1783 г. в состав Российской империи – ознаменован глобальными геополитическими изменениями в регионе, которые отразились во всех сферах жизни и деятельности крымского общества. Социокультурная жизнь в Крыму развивалась на фоне важных социально-экономических и политических преобразований. Так, например, в первую очередь была проведена реорганизация в административном устройстве: сначала Крым вошел в созданную в 1784 г. Таврическую область, затем в состав Новороссийской губернии и, наконец, в 1802 г. вошел в Таврическую губернию, которая находилась в составе Новороссийско-Бессарабского генерал-губернаторства. Носители высшей власти на полуострове – Новороссийско-Бессарабский генерал-губернатор, Таврический губернатор, феодосийский, керчь-еникальский и севастопольский градоначальники – осуществляли преобразования, которые должны были обеспечить развитие региона в составе империи [1, с. 221].

Несколько волн массовых эмиграций народов Крыма привели к тому, что к началу XIX в. полуостров был слабо заселен и насчитывал около 170 тыс. жителей. Решением этой проблемы стало массовое заселение края крестьянами из малоземельных губерний России и Украины, а также отставными солдатами и иностранными колонистами [1, с. 223]. Результатом этого стало резкое изменение этнокультурной ситуации на полуострове. По данным первой переписи населения, в начале XIX в. в Крыму украинцы составляли – 42,2%, русские – 30%, татары – 13%, немцы – 5,4%, евреи – 3,8%. Другие жители региона были представлены болгарами, греками, белорусами, румынами, крымчаками, турками и другими национальностями. По мнению историка П. Надинского, присоединение полуострова к России коренным образом «...изменило лицо Крыма» [2, с. 15]. Определенная «эластичность» или, говоря современным языком, взаимная толерантность крымских этносов, готовность всех сторон принимать, понимать, ценить, уважать культуру соседа формировала образ крымской культуры в целом.

История Крыма второй четверти XIX в. связана с именем графа М. Воронцова. Вступив в 1823 г. на должность генерал-губернатора Новороссии, правитель был обеспокоен состоянием полуострова. Оставшись здесь всерьез и надолго, граф зарекомендовал себя как прекрасный менеджер. Предпринятые им шаги по популяризации ЮБК, привлекли поток аристократии, отечественных и зарубежных ученых, инженеров, музыкантов, художников, писателей и артистов. Проповедуя сохранение законности и порядка для всех социальных и этнических групп, М. Воронцов большое внимание уделял взаимоотношениям с местным населением. Приоритетными для наместника были проблемы «нерусских» народов. Новую для Крыма систему управления граф не навязывал, а предлагал изнутри, используя местные авторитеты [3, с. 321].

Вхождение Крыма в состав Российской империи значительно изменило характер жизни в городах полуострова. Особенностью этого исторического момента стало ускоренное развитие крымских городов и их радикальное переустройство, которое должно было придать им более цивилизованный внешний вид и большую функциональность. Следствием этого процесса стал рост удельного веса городского населения. В 1827 г. городское население Таврической губернии составляло 21409 человек, что на 17% больше, чем в 1792 г., а по переписи населения 1863 г. в городах полуострова проживало уже 85705 человек [4, с. 167]. На тот момент в Крыму действовало 114 предприятий обрабатывающей промышленности, среди которых числились 12 суконных фабрик, табачные мануфактуры, предприятия кожевенной промышленности, которые производили всемирно известные в то время крымские сафьяны [4, с. 166].

На полуострове постепенно строились новые крупные предприятия. Так, в Симферополе в 1876 г. был построен чугунолитейный завод, который производил сельхозмашины и оборудование для местных предприятий. В

1877 г. начали работать кожевенная и макаронная фабрики, пивоваренный завод, в 1880 г. открылась первая фабрика по переработке овощей и фруктов, которая принадлежала московской фирме «Товарищество А. Абрикосов и сыновья». В 1884 г. и 1887 г. открылись две фабрики по производству кондитерских изделий купцов Эйнем и купца Константинова. Крупнейшими предприятиями по количеству рабочих являлись металлургический завод в Керчи с 4,2 тыс. рабочих и построенный в 1859 г. судостроительный завод в Севастополе, где числилось 4,3 тыс. рабочих [1, с. 195].

Вторая половина XIX в. внесла существенные социальные изменения в российское общество. Не остался в стороне и Крым. Это повлекло очередные инвестиции в дело процветания полуострова, что позволило решать многочисленные проекты в плане развития, в том числе и культурной сферы, которая сама по себе и на сегодня является дотационной частью в государственной казне. В связи с бурным развитием промышленности к концу XIX в. резко выросло городское население. В его среде, в угоду времени, диктовалась необходимость повышения культурного уровня и самообразования, поскольку культура и тогда была результатом жизнедеятельности человека, которая, в свою очередь, создавалась для обеспечения условий самой жизнедеятельности. По мнению профессора Ф. Лазарева, именно культура и теперь является предпосылкой процветания и стабильности в экономике общества. Выражая эту сентенцию, ученый ссылается на исторический опыт. Только с повышением культурного уровня социума можно рассчитывать на развитие экономики, новых технологий в промышленности, строить рыночные отношения [5, с. 36].

В еще недавно малозаселенный, лишенный коренного населения Крым приезжали представители прогрессивной отечественной интеллигенции. Отдавая дань культурным влияниям тогдашней Европы, на которую ровнялась Россия, у отечественных ученых появилась возможность изучения античности. Благодаря этому сформировалась крымская элита, в которую впоследствии вошли военные, в частности, морские офицеры – представители высококультурной части общества. Результатом этого стало активное открытие на полуострове школ, гимназий, домов-читален, библиотек, музеев. Так, в Севастополе была основана Морская библиотека (1822 г.), которая и на сегодняшний день известна далеко за пределами Крыма. При поддержке адмирала Ф. Лазарева в свое время ее книжные фонды составляли около 90 тыс. экземпляров, что позволило библиотеке войти в тройку лучших библиотечных учреждений Российской империи [6, с. 247].

Печальные результаты Крымской войны и другие глобальные проблемы привели к тому, что в 1859 – 1861 гг. в России сложилась революционная ситуация. Различные сферы общественной жизни переживали серьезные изменения. Перманентная жизнь российского социума претерпела революционные настроения и демократические взгляды, которые очень быстро распространялись в провинции. Ведущую роль в этом сыграла

интеллигенция, которая на тот момент получила «...свою трибуну для выступлений», что проявлялось в активном издании газет, создании союзов, обществ, кружков [7, с. 11]. Крымская война принесла на полуостров разрушение, голод, болезни и другие глобальные проблемы, которые еще долго оставались в центре внимания социально-культурной и экономической жизни крымчан. Практически 90% Севастополя было разрушено, серьезно пострадали Симферополь, Евпатория, Керчь, Ялта. В зоне военных действий в зимнее время были вырублены и пущены на дрова ценные виды садовых и лесных деревьев [1, с. 237]. Война тяжело отразилась и на культурной жизни крымского общества. В период Крымской войны были закрыты библиотеки полуострова. Обеспечение граждан периодическими изданиями из Одессы, Харькова, Киева в то время носило нерегулярный характер. Большое количество учебных заведений прекратило свою работу.

Однако проведенные в 60 – 80-х гг. XIX в. в Российской империи буржуазные реформы стали результатом положительного влияния на социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь во всех регионах страны, в том числе и в Крыму. Так, например, судебная реформа от 20 ноября 1864 г. предусматривала новые судебные уставы, которые основывались на принципах открытости и гласности [1, с. 243]. Также это стало следствием послабления цензуры, что не могло не сказаться на театральных представлениях. Земская реформа, воплощенная в жизнь с 1 января 1864 г. также дала «плоды». Благодаря мерам, связанным с этой реформой, в Таврической губернии в конце 1866 г. были введены выборные органы местного самоуправления – земства, которые занимались вопросами охраны здоровья, курортным делом, почтовой связью, строительством и содержанием дорог, образовательными учреждениями и благотворительностью. 15 октября 1866 г. состоялось первое заседание Таврического губернского земского собрания, в котором приняли участие 19 гласных. В свое время председателем Таврической губернской земской управы был выдающийся деятель Х. Стевен, который в 1873 г. основал известную библиотеку «Таврика» [8, с. 36].

В годы активного внедрения буржуазных реформ на полуострове ускоренными темпами наблюдалось строительство железнодорожной сети. Необходимость перевозок больших объемов грузов и большого количества людей требовали этого. В 1873 г. была построена ветвь Лозовая – Симферополь. В 1875 г. она была продлена до Севастополя. Так было создано постоянное железнодорожное пассажирское сообщение Лозовая – Севастополь. В 1892 г. была введена в эксплуатацию железнодорожная ветка Джанкой – Феодосия, а в 1900 г. Владиславовка – Керчь. Это дало возможность крымчанам принимать на летний курортный сезон многочисленных отдыхающих не только из Российской империи, но и из-за рубежа [9, с. 35].

Ялту того времени называли русской Ниццей. И не случайно. В XIX в. началось преобразование Крыма в край оздоровления и отдыха. Выдающиеся деятели медицинской науки С. Боткин, В. Дмитриев и многие другие своими научными трудами и практической деятельностью обосновали возможность этого дела. Во второй половине XIX в. в Крыму наблюдалось активное создание лечебных и оздоровительных центров. Это привело к освоению приморских городов полуострова и основанию рекреационного комплекса с применением местных природных ресурсов (грязи, соляные озера, купальни и т.п.) [10, с. 38].

В начале XX в., несмотря на политические коллизии, Крым характеризовался достаточно устойчивой экономикой, характерной чертой которой на тот момент была перерабатывающая промышленность. В социальном плане это отразилось на новом витке роста городского населения. К 1914 г. количество горожан в Крыму достигла 50%. Поэтому наблюдался активный рост культурного уровня крымского общества. В этот период заметно возросло количество частных и публичных библиотек. В Симферополе насчитывалось шесть магазинов, столько же библиотек и читален. В рамках активного благоустройства крымских городов одним из ведущих специалистов был известный архитектор того времени, академик Н. Краснов [11, с. 46]. В первое десятилетие XX в. он создал 60 уникальных сооружений, большинство из которых до сих пор украшают ведущие города Крыма. Непосредственное отношение Н. Краснов имел и к театральному строительству на полуострове, в частности, под его руководством был воплощен в жизнь проект строительства стационарного театра в Ялте в 1908 г.

Таким образом, модернизация экономики полуострова в XIX в. способствовала интенсивному развитию социальной сферы крымского общества. Это, в свою очередь, повлекло существенные изменения и в культурной жизни городского населения. Эволюция социокультурных процессов не всегда прогрессировала. Она имела как периоды бурного подъема, так и периоды затишья. Это было следствием нестабильного экономического развития и военно-политических баталий, которые имели место в истории Крыма и государства в целом. Однако активные изменения, продиктованные временем, имели свое отражение, в частности, в культурной сфере крымской среды. Этот процесс интенсифицировал отдачу духовного развития и социальный оптимизм, что всегда было свойственно творческой театральной среде полуострова.

Ссылки и примечания:

1. Крым от древности до наших дней / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПРЕСС; Феодосия : Коктебель, 2010. 656 с.
2. Надинский П. Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1 / П. Н. Надинский. Симферополь : Крымиздат, 1951. 229 с.

3. Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. М.: Центрполиграф, 2001. 455 с.
4. Крым сквозь тысячелетия / науч. и лит. ред., сост. Э. Б. Петрова. Симферополь: ЛИРа, 2009. 574 с.
5. Лазарев Ф. В. Культура – спасательный круг цивилизации / Ф.В. Лазарев // Культура Крыма на рубеже веков (XIX – XX вв.) : материалы респ. науч. конф., Симферополь, 27–29 апр. 1993 г. Симферополь, 1993. С. 33 – 38.
6. Черноусов А.А. Адмирал М.П. Лазарев. Роль личности в истории России. СПб: Гангут, 2011. 344 с.
7. Петровская И. Ф. Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX века / И. Ф. Петровская. Л. : Искусство, 1979. 247 с.
8. Ена В.Г. Открыватели земли Крымской. Симферополь: Крымиздат. 1969. С. 31 – 41.
9. Полянская Е. С., Шендрикова С. П. К вопросу о системе дорожного сообщения в Крыму: южно-бережное шоссе (конец XIX – начало XX вв.) / С. П. Шендрикова, Е. С. Полянская // Create Space 2015: сб. статей V междунар. научн.-практич. конф. «Фундаментальная наука и технологии перспективные разработки» (North Charlston, USA, 24 – 25 февр. 2015 г.) / под ред. н.- и. ц. «Академический». North Charlston, USA, 2015. С. 30 – 38.
10. С.П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. Биографический очерк, д-ра Н.А. Белоголового, СПб., ЖЗЛ, 1892 80 с.
11. Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный. Акварели и фотографии /Сост. О.П. Ткачук, Л.М. Иванова, З.Г. Ливицкая, Л.В. Петренко, Т.М. Коноплянко. Симферополь: Н. Орианда, 2010. 80 с.

Политическая и демографическая история на фоне статистики

УДК 321(477)

И. В. Стрионова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: innastrionova@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА В УКРАИНЕ

Аннотация

В статье рассматриваются особенности трансформации политического режима в современной Украине. Автор анализирует количественные показатели характеристик политической организации общества и освещает основные тенденции развития политического управления на Украине.

Ключевые слова: трансформация, политический режим, демократия, авторитаризм.

Summary

Peculiarities of political regime transformation in modern Ukraine are examined in the article. The author analyses the quantitative indicators of characteristics of the political organization of society and determines the main trends in development of Ukrainian political management.

Keywords: transformation, political regime, democracy, authoritarian regime.

В наши дни события в Украине привлекают к себе особое внимание всего мирового сообщества. Трансформационные процессы в Украинском государстве характеризуются увеличением роли стихийных факторов, непредреши́тельностью конечных результатов. Изучение трансформации политического режима представляется важным для определения путей выхода из затянувшегося украинского политического кризиса.

Фундаментальной работы, посвященной проблеме трансформации политического режима в современной Украине, нет. Тем не менее значимый вклад в освещение темы внесли А. Борейко, А. Гальчинский, В. Кампо, И. Колодий, П. Кубичек, Т. Кузио, Ю. Левенец, Ю. Мациевский, А. Фисун и другие [1].

Целью исследования является определение специфики трансформации политического режима в современной Украине.

Польский социолог П. Штомпка определяет трансформации как базовые, качественные, фундаментальные изменения, при которых в социальной реальности происходят ощутимые сдвиги, что чувствуются во всех сферах социальной жизни и трансформируют ее сущностное качество [2].

Трансформация в политике выражает переход к качественно новому состоянию организации общества, предполагает отрицание существенных элементов прошлого и преодоление их, выдвижение новых целей и идеалов, определение способов и средств продвижения к ним.

Трансформация политического режима включает не только процессы, приводящие к смене одного вида политических режимов другим, но и их изменения, способные привести к возникновению режима иного вида, чем тот, который существовал ранее.

В трансформационных процессах нет определенно повторяющегося алгоритма, который был бы присущ всем посткоммунистическим государствам. Этот процесс носит несистемный характер и имеет разные социальные последствия вне зависимости от общности декларированных целей посткоммунистического транзита.

После распада СССР в Украине был взят курс на демократизацию составляющих элементов политической системы. Становление рыночных отношений и демократических институтов происходило на фоне консолидации национального государства. Построение государства в условиях неразвитости рыночных механизмов не могло не привести к доминированию политико-административных элит и превращению государственной власти в средство получения политической ренты. Дефектность механизмов рыночной экономики существенно задержала социальную дифференциацию образованных групп – носителей идеологии демократических преобразований. Экономическая неопределенность и конфронтация внутри политического класса вытесняли на задний план проблемы гражданского общества.

Согласно Т. Карозерсу, до 2004 года Украину следует характеризовать как гибридное государство с авторитарным режимом соревнования. Это режим, при котором существуют формальные демократические институты в виде представительных органов, политических партий, выборов, но в реальности политические решения принимаются через неформальные согласования, договоренности [3].

Борьба за экономические ресурсы, деятельность по принципу «победитель получает все» сделала невозможным формирование пакта элит, как это произошло в ряде постсоветских стран Центральной и Восточной Европы. Между крупными финансово-промышленными группами, образованными в конце 1990-х гг., обострилась конкурентная борьба. Представители этих групп появились как в президентском лагере, так и в оппозиции. Финансово-

промышленные группы, средний бизнес, которые страдали от давления бюрократического аппарата, стали движущей силой революционных событий.

Принятые в 2004-2007 гг. поправки в Конституцию, изменение правящей элиты обусловили перемены в механизмах власти [4]. Резко усилилась конкурентная борьба среди политических акторов. Устранен диктат в отношении СМИ со стороны высших должностных лиц. Его заменили гибкой редакционной политикой лоббиста, которую проводят владельцы СМИ – лидеры финансово-промышленных групп. Ослабление вертикали власти, отказ от прямого давления по политическим мотивам на оппозицию уменьшили влияние административного фактора на выборах.

Опасения вызывают непрозрачность и непубличность политических решений, влияние неинституциональных структур на политический процесс.

Инерционность институтов старого порядка и консервативных практик дают основания говорить о трансформации Украины в сторону гибридного государства с электоральным режимом соревнования.

Системообразующие институты советского общества, потеряв легальность, не потеряли традиционной легитимности. Украинские граждане были согласны с патернализмом государства, его доминированием в экономике, льготами для населения и привилегиями для правящей элиты, неизменностью позиций государственного сектора в социальной сфере - образовании, медицине, науке, культуре, управлении межконфессиональными и межэтническими отношениями. Это обусловило патрон-клиентские отношения между обществом и государством.

Конституция 1996 г. задала демократические рамки политического общества и публичной сферы. Зафиксированы права и свободы человека, запрещена цензура, определено изменение верховного руководства через процедуру выборов и целый набор других демократических ценностей. Главной проблемой становления демократии остается несоответствие нормативно-правовой базы и реальных отношений. В Украине укоренился пара-конституционализм, что означает разрыв между формально признанными конституционными нормами и их соблюдением.

Парадокс «национальных особенностей» развития демократии в Украине объясняется тем, что демократические декларации в значительной степени имеют риторико-прагматический характер. В основном риторика выражает надежду на поддержку и помощь со стороны «зажиточного» Запада, нежели потребность самим ориентироваться на демократические нормы социальной жизни. Кроме того, власть нередко сама нарушает их.

Трансформация политического режима в Украине проходит зигзагообразно. Наряду с развитием демократических институтов, норм имеют место откаты от демократических преобразований. В XXI ст. в Украинском государстве были проведены «цветные» революции: «Оранжевая» революция 2004 г. и Евромайдан в ноябре 2013 г. - феврале 2014 г. В результате усугубился раскол среди населения западных, центральных и юго-восточных

регионов страны, суверенитет, территориальная целостность, конституционное устройство украинского государства оказались под угрозой. В 2014 г. в Украине началась Гражданская война.

Тем не менее после победы оппозиции в ходе Евромайдана международная неправительственная организация Freedom House в ежегодном исследовании 29 посткоммунистических стран "Страны переходного периода" отмечает повышение индекса демократии Украины. Шкала измерения включает баллы от 1 до 7, где 1 отражает наиболее высокий уровень демократического прогресса, 7 - наиболее низкий. В отчете указано, что в сравнении с 2015 годом, в 2016 году рейтинг демократичности управления на уровне центральной власти вырос с 6,00 до 5,75 баллов благодаря стабилизации политической ситуации в государстве и продолжению функционирования основных демократических институтов [5]. Рейтинг демократичности управления на уровне органов местного самоуправления вырос с 5,50 до 5,25 баллов, что связано с созданием новых местных громад в соответствии с нормами принятого законодательства [6]. В целом рейтинг развития демократии в Украине вырос с 4,75 (в 2015 году) до 4,68 баллов (в 2016 году) [7].

По-нашему мнению, несмотря на осуществляемые властью преобразования в политической, экономической сферах, что направлены на обеспечение интеграции с ЕС, политический режим в Украине не стал демократическим. Об этом свидетельствуют и статистические данные за 2007 - 2016 гг. о развитии демократии в стране, предоставляемые Freedom House. Рейтинг демократичности управления на уровне центральной власти составил в 2007 г. 4,75 б., в 2009 г. – 5,00 б., в 2011 г. - 5,50 б., в 2013 г. – 5,75 б., в 2015 г. - 6,00 б., в 2016 г. – 5,75 б. Колебания показателей демократичности управления на уровне местных органов власти весьма незначительны: в 2007 г. – 5,25 б., в 2009 г. – 5,25 б., в 2011 г. – 5,50 б., в 2013 г. – 5,50 б., в 2015 г. – 5,50 б., в 2016 г. – 5,25 б. Эффективность и независимость судебной системы получила следующие оценки: в 2007 г. - 4,50 б., в 2009 г. – 5,00 б., в 2011 г. – 5,50 б., в 2013 г. – 6,00 б., в 2015 г. – 6,00 б., в 2016 г. - 6,00 б. Судебная система не стала более независимой. Рейтинг развития гражданского общества составил: в 2007 г. – 2,75 б., в 2009 г. – 2,75 б., в 2011 г. – 2,75 б., в 2013 г. – 2,75 б., в 2014 г. – 2,50 б., в 2015 г. – 2,25 б., в 2016 г. - 2,25 б. Рейтинг независимости СМИ после Евромайдана не вырос: 2007 г. – 3,75 б., 2009 г. – 3,50 б., 2011 г. – 3,75 б., 2013 г. – 4,00 б., 2015 г. – 4,00 б., 2016 г. – 4,00 б. Кроме того, наблюдается повышение уровня коррупции: в 2007 г. – 5,75 б., в 2009 г. – 5,75 б., в 2011 г. – 5,75 б., в 2013 г. – 6,00 б., в 2014 г. – 6,25 б., в 2015 г. – 6,00 б., в 2016 г. – 6,00 б. [8].

Следует отметить и индекс трансформации Бертельсманна, составляемый немецким Фондом им. Бертельсманна с 2003 г., который анализирует уровень развития демократии и рыночной экономики, а также качества политического управления в 129 странах. В данном случае эксперты оценивают 17 критериев и составляют два индекса: статусный индекс, который охватывает политическую и экономическую трансформацию, и индекс качества управления, отражающий

умения политиков управлять политическими процессами перехода к демократии и рыночной экономике. Среднее значение данных индексов не высчитывается. Шкала измерения от 1 до 10, где 10 является лучшим результатом. Рассмотрим значения индексов периода правления В.Ф.Януковича и П.А. Порошенко. Так, статусный индекс Украины в 2010 г. составил 6,55 б., страна заняла 37 место в рейтинге исследуемых государств, в 2012 г. – 5,96 б. (55 место), в 2016 г. – 6,05 б. (52 место) [9]. Индекс менеджмента Украины в 2010 г. составил 4,92 б. (66 место), в 2012 г. – 4,62 б. (76 место), в 2016 г. – 4,98 б. (65 место) [10]. Имеют место незначительные колебания статусного индекса и индекса качества управления. Несмотря на победу прозападной оппозиции в ходе Евромайдана, прогресса в развитии и функционировании демократических институтов, норм в Украине не наблюдается.

Кроме того, разрыв ожиданий населения и реалий достаточно велик в стране. Об этом свидетельствуют и результаты всеукраинского политико-социологического исследования на тему "Общественно-политические настроения населения Украины", проведенного Институтом Горшенина в феврале 2016 г. Опрос осуществлялся по всей Украине, кроме оккупированных территорий АР Крым, Донецкой и Луганской областей. Так, только пятая часть опрошенных позитивно воспринимает развитие ситуации в стране. 20,4% опрошенных считают, что Украина движется в правильном направлении. Из них 5,5% считает, что точно в правильном и 14,9% скорее в правильном. В то же время 69,8% считает, что Украина движется в неправильном направлении. 30,8% считает, что в скорее неправильном и 39,0% - точно неправильном. Украинцы констатируют отсутствие результатов реформ в Украине. Только 21,2% считают, что в Украине проводятся реальные реформы. Из них 3,4% считает, что точно проводятся и 17,8% - скорее проводятся. 71,5% считает, что реформы не проводятся. Из них 29,9% - что скорее не проводятся и 41,6% - точно не проводятся [11].

Большинство граждан не готовы жертвовать своим благосостоянием ради реформ. Только пятая часть общества готова терпеть материальные трудности ради успеха реформ (22,1%) и почти не готовы это делать (73,1%) [12]. Это создает широкое поле возможностей для деятельности сил, тяготеющих к популизму.

Кроме того, имеет место высокий уровень недоверия ко всем институтам власти, политическим лидерам и политическим партиям. Среди государственных институций самым высоким доверием пользуются местные органы власти. Им доверяют 42,6% и не доверяют 50,1%. Для сравнения, Верховной Раде доверяют 8,5% и не доверяют 87,6%, Кабмину доверяют 9,6% и не доверяют 86,2%. Интересно, что Парламентской коалиции доверяют всего 10,1% и не доверяют 82,4% [13]. Общество нуждается в децентрализации и верит в эффективность местного самоуправления.

Среди силовых структур отмечен наивысший уровень доверия к вооруженным силам и полиции. Армии доверяют 48,8%, полиции 34,3%, не доверяют 43% и 51,7% соответственно [14].

Катастрофический уровень недоверия к судам и прокуратуре. Судам не доверяют 89,3% опрошенных, доверяют 4,7%, прокуратуре не доверяют 85,5% и доверяют - 6,4% [15].

Наибольшим уровнем доверия пользуются волонтеры и гражданское общество. Волонтерам доверяют 71,3% и не доверяют всего лишь 19,4% опрошенных. Общественным организациям доверяют 49,2% и не доверяют 34,4% [16].

Общий кризис доверия свидетельствует о том, что люди не видят выразителя своих интересов среди политиков и политических сил. Считаем, что в обществе есть запрос на новую политическую силу.

Полагаем, что в сложившейся ситуации в Украине имеет место авторитарный олигархический режим, действующий в рамках недостаточно определенных институциональных ограничений. В правящей элите Украины наряду с формальным субъектом власти существуют неформальные групповые субъекты, участвующие в принятии ключевых политических решений или влияющие на их принятие. Неформальные элитные группы играют значительную роль в управлении страной под эгидой Порошенко и его аппарата. Периодически возникающие конфликты между данными группами лежат в основе текущего политического процесса, а результаты их разрешения определяют на «выходе» политической системы определенный политический курс.

В период правления П.А. Порошенко имеют место практики преследования инакомыслящих, государство осуществляет надзор за обществом. Представители Украины, пришедшие к власти в результате государственного переворота, игнорируют национальные интересы. Имеет место подмена общественных интересов личными. Правящим режимом Украины не учитывается политическая воля населения Донбасса, Луганщины, Крыма. Следует отметить, что осуществляется государственный террор в отношении граждан Украины, точка зрения которых расходится с политическим курсом украинской власти. В украинском нормативном дискурсе население, которое проживает на территории провозглашенных ДНР и ЛНР, представляется как временно оккупированное [17], но тем не менее подвергается обстрелам со стороны Вооруженных сил Украины, что неоднократно зафиксировано в отчетах ОБСЕ [18]. В Украине имеют место проявления крайних форм национализма. В общественно-политической жизни украинского народа обретает популярность идеология фашизма, получают распространение символика нацизма, факельные шествия, что являются неприемлемыми для европейских демократий. По-нашему мнению, несмотря на незначительное повышение индексов демократии и трансформации украинской

политической системы после Евромайдана, режим Украины приобретает черты тоталитаризма.

Таким образом, с провозглашением независимости Украины происходит становление, развитие демократических институтов, взят курс на демократизацию общественно-политической жизни. Демократические ценности получают распространение в обществе. Имеют место как демократические, так и авторитарные тенденции в развитии системы правления. В XXI ст. в Украинском государстве прозападными политическими силами были проведены «цветные» революции для осуществления «демократического прорыва». Последствиями являются: систематическое нарушение властью демократических норм, Гражданская война, анархия, экономический спад, рост социальной депривации. Полагаем, что в Украине имеет место авторитарный режим олигархического типа.

Ссылки и примечания:

1. Борейко А.А. Анализ политического режима в Украине после 2014 года // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 3. С. 113-122; Гальчинский А.С. Оранжевая революция и новая власть. К., 2005. 368 с.; Кампо В.М. Конституционная демократия: проблемы становления // Конституция и народный суверенитет в Украине: проблемы теории и практики реализации: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.М. Кампо, М.В. Савчина. К., 2008. С. 78-102; Колодий И. Средний класс, демократические ценности и политические предпочтения: до и после «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 3. С. 128-153; Левенец Ю. Эволюция политической власти в Украине // Вестник Национальной Академии наук Украины. 2011. № 8. С. 3-13; Мациевский Ю. Политический режим Украины после «Оранжевой революции» // Политэкс. 2008. № 4. URL: politex.info/content/view/499/30/; Фисун А. Украинская неопатримониальная демократия: формирование, специфика и тенденции развития. URL: http://philosophy.karazin.ua/ua/kafedra/staff_pol/books/fisun/fisun_oikoumene_2011_8.pdf; Kubecek P. Delegetive democracy in Russia and Ukraine // Communist and Post-Communist Studies. 1994. № 27. P. 423-441; Kuzio T. Regime type and politics in Ukraine under Kuchma // Communist and Post-Communist Studies. 2005. № 38. P. 167-190.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс, 1996.
3. Мациевский Ю. Смена, транзит или цикл: динамика политического режима в Украине в 2004-2010 гг. [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. 2010. № 5. С.17-37. URL: <http://www.politstudies.ru/files/File/2010/5/3.pdf> (дата обращения: 09.04.2017).
4. Про внесення змін до Конституції України. Закон України 8 грудня 2004 р. № 2222-IV [Електронний ресурс]. URL: http://old.zntu.edu.ua/base/Lib.OLD/zakon/04_const.html (дата обращения: 02.06.2014); Мартинюк Р. С.

- Конституційна реформа в Україні: спроба критичного аналізу [Електронний ресурс] // Актуальні питання реформування правової системи України: зб. наук. ст.: у 2-х тт. Луцьк. 2007. Т. 1. С. 232-236. URL: <http://zavantag.com/docs/3/index-58097.html> (дата обращения: 01.06.2014).
5. Freedom House улучшила индекс демократии в Украине [Электронный ресурс] // 112.ua. URL: <http://112.ua/obshchestvo/freedom-house-uluchshila-indeks-demokratii-v-ukraine-328806.html> (дата обращения: 05.04.2017).
 6. Там же.
 7. Там же.
 8. Там же.
 9. Bertelsmann Stiftung, BTI 2010 — Ukraine Country Report. Gettersloh: Bertelsmann Stiftung, 2009. URL: http://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2010/pdf/BTI_2010_Ukraine.pdf (дата обращения: 05.04.2017); Bertelsmann Stiftung, BTI 2012 — Ukraine Country Report. Gettersloh: Bertelsmann Stiftung, 2012. URL: http://www.bti-project.org/fileadmin/files/BTI/Downloads/Reports/2012/pdf/BTI_2012_Ukraine.pdf (дата обращения: 05.04.2017); Transformation Index BTI 2016. URL: <http://www.bti-project.org/en/index/status-index/> (дата обращения: 10.04.2017); Transformation Index BTI 2016. URL: <http://www.bti-project.org/en/index/management-index/> (дата обращения: 10.04.2017).
 10. Там же.
 11. Общественно-политические настроения населения Украины. Блок 1: Политика, рейтинги [Электронный ресурс] // Institute Gorshenin. URL: http://institute.gorshenin.ua/programs/researches/2652_obshchestvennopoliticheskie.html (дата обращения: 05.04.2017).
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Там же.
 16. Там же.
 17. Стратегія національної безпеки України: затверджена Указом Президента України від 26 травня 2015 року № 287/2015 [Електронний ресурс]. К., 2015. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/287/2015> (дата звернення: 12.04.2017).
 18. Тяжелое положение гражданского населения, пострадавшего от конфликта на востоке Украины: тематический отчет [Электронный ресурс] // ОБСЕ: сайт. 2017. URL: <http://www.osce.org/ru/ukraine-smm/300281?download=true> (дата обращения: 12.04.2017); Оперативный отчет Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ в Украине: Жертвы и повреждения объектов гражданской инфраструктуры, зафиксированные в Донецкой области после боевых [Электронный ресурс] // ОБСЕ: сайт. 2017. 3 февраля. URL: <http://www.osce.org/ru/ukraine-smm/297621> (дата обращения: 12.04.2017).

УДК 322

Д. В. Посредников

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: dposrednikov@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ КАК ПОЛИТИКА В УКРАИНЕ

Аннотация

В статье рассматривается проблема формирования общественного мнения посредством намеренного искажения статистики и «правильно» составленных опросов. Социологические исследования, имеющие целью измерить уровень религиозности, в современной Украине носят условно научный характер, превратились в инструмент политической пропаганды.

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, религиозная статистика, соцопрос, УПЦ, УПЦ КП, УАПЦ.*

Summary

In the article the problem forming of the necessary of public opinion is considers through deliberate distortion of statistics and «correctly» compiled surveys. Sociological researches are using for measuring the level of religiosity is of a conventionally scientific nature in modern Ukraine. They turned into an instrument of political propaganda.

Keywords: *state-confessional relations, religious statistics, social survey, UOC, UOC-KP, UAOC*

Вопрос взаимоотношений государства и православных конфессий в Украине сегодня крайне политизирован. Доминирующая линия публичного дискурса: «Независимому государству — независимую церковь», в настоящее время выражена в «патриотической» поддержке «киевцентричных» церквей: Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (УПЦ КП), Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ), Украинской Греко-Католической Церкви (УГКЦ). И, напротив, в недоверии к канонической и самой многочисленной Украинской Православной Церкви (УПЦ) как «церкви государства-агрессора». С началом гражданской войны был актуализирован вопрос о создании Украинской Поместной Православной Церкви. УПЦ в июле 2016 г. дала ответ 100-тысячным антивоенным Всеукраинским крестным ходом, который поставил под сомнение «всенародную поддержку» агрессивной линии нынешнего украинского руководства. Государство, политикум, руководство УПЦ КП, в свою очередь, «подключили» авторитетные социологические

службы, чтобы показать численное преимущество прихожан «про-украинских» церквей над УПЦ. Директор департамента по делам религий и национальностей Министерства культуры Украины А. Юраш, представляя свое видение актуальных проблем православия, ссылаясь на: «...три авторитетных социологических исследования (Киевского международного института социологии (КМИС), Фонда «Демократические инициативы» и Центра Разумкова — Д.П.) относительно религиозной ситуации в Украине, чье качество и квалификационные параметры не дают никаких оснований сомневаться в достоверности и обоснованности полученных данных»[1]. Но так как к украинской религиозной социологии и статистике возникло много вопросов, требуется осветить специфику их проведения.

С 25 декабря 2014 г. по 15 января 2015 г. фонд «Демократические инициативы» им. Илька Кучерива совместно с социологической службой Ukrainian Sociology Service по заказу Международного центра перспективных исследований (МЦПИ) провел социологический опрос, исследующий изменения в религиозных предпочтениях украинцев. В ходе опроса, проходившего по всей Украине (за исключением Крыма и Луганской области), удалось выяснить, что большинство граждан относит себя преимущественно к УПЦ КП — 44%. К УПЦ отнесли себя 21%, к УГКЦ — 11% [2]. Член правления и директор по аналитической работе и внешним связям МЦПИ Е. Захарова заметила, что УПЦ насчитывает 12714 общин, а УПЦ КП — 4661. Феномен того, что при таком соотношении количества церквей у УПЦ КП все-таки больше приверженцев, она объяснила тем, что украинцы расценивают данный вопрос не столько в качестве религиозной принадлежности, сколько в контексте национальной идентификации, как «церковь украинского народа». 20% опрошенных считают УПЦ институтом «страны-агрессора, которая совершает в Украине подрывную деятельность». Наиболее нейтрально украинцы относятся к греко-католической церкви. Как отметила директор фонда «Демократические инициативы» Ирина Бекешкина, предвзятости верующих к другим церквям и религиям в Украине нет [2].

С 4 по 14 декабря 2015 г. КМИС (сотрудничает с Национальным университетом «Києво-Могилянська академія»; генеральный директор — проф. В. Паниотто) провел опрос общественного мнения «Омнибус» в 110 населенных пунктах во всех областях Украины, кроме Крыма. Оказалось, что наибольшим доверием среди украинских граждан пользуются церковь (58,8%) и волонтеры (57,6%), а наименьшей — оппозиция, Правительство, Верховная Рада и российские СМИ (уровень доверия менее 10%)[3]. Украинский политиком, рассчитывая на электоральную поддержку, обратился к созданию Украинской православной церкви, несмотря на явно конфликтный потенциал этой идеи. Под госзаказ были предприняты последовательные шаги.

23 февраля 2016 г. в Верховной Раде был зарегистрирован законопроект № 4128, который узаконивал захваты храмов сторонниками Киевского патриархата.

С 19 по 31 мая 2016 г. КМИС провел всеукраинский опрос «Религиозная самоидентичность и молитва в Украине» [4]. Методом личного интервью (при встрече) было опрошено 2014 респондентов, проживающих в 110 населенных пунктах всех областей Украины, кроме отдельных районов Донецкой и Луганской областей (ОРДЛО) и Крыма. По результатам опроса, Украинская православная церковь Киевского Патриархата получила 45,7% поддержки; Украинская православная церковь — 13,3%, Украинская автокефальная православная церковь — 0,8%.

А вот как результат этого же опроса был представлен тележурналистом А.Г. Мазур на украинском телевидении в выпуске ТСН «Тыждень» за 17 июля 2016 г. УПЦ КП, по её словам, в 2010 г. имея 34,2% верующих, была наиболее многочисленной из украинских церквей и за 6 лет возросла ещё до 48,7%, прибавив 14,5% (в отчете стояло 45,7%, но «от себя» телеведущая, обладатель ордена кн. Ольги III ст., семикратно — премии «Ведущий/ведущая информационной, информационно-аналитической программы», трижды — премии «Телезвезда», накинула ещё 3%). УПЦ в 2010 г. объединяла 18,2%, но в 2016 г. — 12,4%, утратив 5,8% (в отчете было не 12,4%, а 13,3%). Уменьшилось и количество «автокефалов» — с 2,4% до 0,8% (здесь журналист сохранила цифру, которая стояла в отчете)[5].

УАПЦ резко отреагировала, что-де в Украине действуют две Украинские Церкви — УАПЦ и новопровозглашенная УПЦ КП, тогда как «в Украине вообще не существует ни одной официальной церковной структуры под названием «автокефалия», что УАПЦ и УПЦ КП в своих уставных документах отмечают, что они являются Автокефальными Церквями. «Соответственно можем констатировать, что... среди 100% украинских православных, 48,7% из них являются убежденными прихожанами и симпатиками Украинской Автокефальной Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Киевского патриархата. При этом вследствие умышленных и незаконных действий пост-коммунистической власти в 1992—1995 гг., направленных на запрет и противодействие деятельности воскресенной УАПЦ, численность зарегистрированных общин в УПЦ КП преобладает над численностью зарегистрированных общин УАПЦ. Относительно показателя, что только 12,4% православных в Украине поддерживают УПЦ Московского патриархата, то этот процесс является вполне закономерным...» То есть, интерпретация результатов соцопроса дана в выгодном свете для УАПЦ (с её 0,8%) и подыгрывающая линии власти с УПЦ. (На сайте УАПЦ видеоматериал ТСН прикреплен к публикации [6]).

12 июня 2016 г. Петр Порошенко, выступая на Торжественной Академии по случаю юбилея — 50-летия служения на Киевской архиерейской кафедре Филарета (Денисенко), заявил: «Все социологические опросы показывают, что большинство граждан хотят иметь Единую Поместную Автокефальную Церковь...»[7]. На пресс-конференции глава Информационного управления УПЦ КП Евстратий (Зоря), давая ссылку на опрос Центра им. Разумкова относительно

церковно-административной принадлежности, заявил: «Только 10% населения хочет быть в составе РПЦ»[8]. Затем последовали высказывания сторонника автокефалии в УПЦ митрополита Александра (Драбинко): «В Украине есть много тех, кто хочет полной канонической независимости Украинской церкви или автокефалии. Не будем же ограничивать права этих иерархов и церковных общин»[9]. И, в завершение, 16 июня 2016 г., в день начала работы Всеправославного Собора (от участия в котором накануне отказались несколько Церквей, включая Русскую) Верховная Рада приняла Обращение к Константинопольскому патриарху Варфоломею с просьбой о предоставлении независимости украинской Церкви от РПЦ [10]: Украинский парламент просит «ради блага Православной Церкви в Украине и целостности украинского народа издать Томос об автокефалии Православной Церкви в Украине...»[11]. Авторы: А. Парубий, С. Высоцкий, А. Левус, Н. Княжицкий, М. Матиос, В. Еленский, большинство из которых — униаты. «За» проголосовали 245 депутатов; не голосовали 94 депутата из «Оппозиционного блока» и партии «Возрождение». Депутаты В.В. Новинский и Ю.Н. Воропаев предложили отменить решение ВР о принятии проекта Постановления [12].

Однако в начале августа 2016 г. планы Банковой нивелировал представитель Константинопольского Патриархата архиепископ Телмисский Иов (Геча): «Вселенский Патриархат не планирует создавать ещё одну параллельную юрисдикцию в Украине, потому что такое неканоническое положение только усугубит проблему»[13].

С 4 по 9 ноября 2016 г. Центр Разумкова провел социологическое исследование на тему создания Единой Православной Церкви. Согласно полученным данным к православным на Украине относят себя 64,7% опрошенных. 44,3% из них поддерживают необходимость создания Единой Поместной Православной Церкви. Согласно полученным данным, наибольшее количество отождествляют себя с УПЦ КП (39,5%). «Просто православными» считает себя 25,4%, тогда как 23,1% идентифицированы как верующие УПЦ [14]. На ненаучность подходов Центра, избранных для данного исследования, обратил внимание В. Макаровский: оно не проводилось в Крыму и в ОРДЛО. Кроме того, была использована категория «просто православные», которая подразумевает, что для данных респондентов православие — это часть национальной и культурой самоидентификации, они не являются верующими в строгом понимании этого слова, изредка посещают храмы, им все равно, какие храмы посещать (вероятнее всего, что они посещают храмы УПЦ, которых большинство на территории Украины). В таком случае результаты исследования следует считать искажающими действительность [15].

23 ноября 2016 г. социологическая фирма «Юкрейниан социолоджи сервис», директором которой является заведующий отделением института социологии НАН Украины А. Вишняк, презентовала результаты социологического опроса «Религиозная жизнь Украины». Исследование проводилось с 3 по 17 сентября 2016 г. на территории Украины, включая Крым и

ОРДЛО. Согласно полученным данным, из 70% населения Украины, считающих себя православными, 39,4% являются прихожанами Украинской Православной Церкви во главе с Митрополитом Онуфрием. На втором и третьем местах оказались Киевский патриархат и УАПЦ с результатом в 25% и 5% соответственно. Подавляющее число опрошенных считают, что Украине необходима единая Поместная Православная Церковь. Но её созданием должны заниматься верующие и священнослужители без вмешательства власти и политиков (36% с этим согласны; 19% — против; 46% — не определились); Единая Поместная Православная Церковь не нужна, потому что это будет ограничивать права граждан на выбор конфессии (32% с этим согласны; 24% — против; 44% — не определились).

21 декабря 2016 г. на ежегодном епархиальном собрании духовенства Киевской епархии Предстоятель УПЦ МП митрополит Киевский и всея Украины Онуфрий сказал: «Сегодня все мы являемся свидетелями того, как Украинскую Православную Церковь хотят сделать враждебной украинскому обществу. Из-за «грязной» информации, которая ежедневно появляется в СМИ, у некоторых появляется повод для открытого преследования нашего духовенства и прихожан. Эта информация также способствует учащению актов вандализма в храмах УПЦ» [16]. Но проблема пока не нашла должного понимания и поддержки властей. 18 февраля 2017 г. А. Юраш базовой проблемой в религиозной среде Украины называл вопрос создания канонической автокефальной Церкви: «Социологические данные «Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова» и многих других указывают, что и идеология, которую предварительно исповедовали сторонники единства с Московским патриархатом, прогорела: только 9% населения Украины ее поддерживают» [17].

Между тем, на сегодняшний день актуальными по Украине являются цифры статистики религиозных организаций на 1 января 2016 г., косвенно указывающих на их реальный вес, опубликованные Департаментом по делам религий и национальностей (цифры даны без Крыма и Севастополя) [18].

Самой крупной религиозной организацией Украины является Украинская Православная Церковь — всего: 12334 общины, из них действует 12167; 207 монастырей с 4847 монашествующими; 19 духовных учебных заведений (2065 студентов стационара и 2796 заочников); 3706 воскресных школ; 129 периодических издания. На приходах УПЦ несут послушание 10169 священнослужителей. Что касается статистики по областям, то за исключением Львовской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей, УПЦ является доминирующей конфессией на всей территории страны.

Украинская Православная Церковь Киевский патриархат по данным Департамента по делам религий и национальностей, насчитывает 4921/4658 приходов, на которых служат 2443 священнослужителя. Стоит заметить, что ни в одной области Украины Киевский патриархат так и не стал доминирующей конфессией. Монастырей у УПЦ КП зарегистрировано 63 с 211

монашествующими (по 3,3 монаха в каждом). В Донецкой, Запорожской и Николаевской епархиях УПЦ КП зарегистрировано по 1 монастырю (а в Сумской — 2 монастыря), где нет ни одного (!) монаха.

В Украинской Автокефальной Православной Церкви, по данным Департамента, 1188/1125 прихода и 723 священнослужителя. Учебных заведений зарегистрировано 7 (высших — 3), где обучаются 43 человека на дневном отделении и 57 на заочном. То есть, если разделить количество учащихся на количество учебных заведений и на количество лет обучения, то на каждом курсе семинарий УАПЦ получится в среднем по 2,4 учащихся.

Курьезная ситуация с монастырями УАПЦ сложилась ещё к 2001 г., когда их количество, по сравнению с 2000 г., увеличилось с 1 до 3, а число монахов уменьшилось с 4 до 0. В 2016 г., в сравнении с 2015 г., число монастырей, как и было, — 13. Количество монахов увеличилось — с 12 до 19. Непонятно, как Департамент по делам религий и национальностей регистрирует монастыри (с 1,5 монахами на монастырь), когда для этого необходимо подать данные об общине, состоящей из не менее как 10-ти человек.

Украинская греко-католическая церковь, уступив вторую, по численности приходов, позицию УПЦ КП, имеет 3366/3272 общин. По областям: 89% приходов сконцентрированы в Галичине, а 11% — на остальной территории Украины. Причем в 6-ти из 24-х административных единиц их количество находится в пределах десятка, в 7 — двух десятков, а в 6-ти — в пределах 30 приходов [19]. Небольшое количество священнослужителей УГКЦ (2714) по сравнению с количеством приходов (3366), большое количество насельников монастырей (1042) и учащихся (1230), говорит об отсутствии мест для служения в западном регионе и неизбежности миграции униатского духовенства на восток Украины.

Протоиерей Георгий Коваленко в статье «Парадоксы религиозной статистики» ещё в 2002 г. писал: «И кому тогда нужны мифы, создаваемые структурами, которые должны бы были знакомить нас с достоверной информацией. А может, не нужна такая статистика, которая игнорирует объективные вещи в угоду политической конъюнктуре и когда религиозные организации становятся участниками своеобразного соревнования, которое не делает православных более православными, а раскольников менее раскольниками?» [20].

Таким образом, за показателями УПЦ КП, так и не получившей должного веса внутри Украины и поддержки со стороны Вселенского патриархата, скрывается желание обрести каноническое признание. Для украинского руководства, которое не привыкло считаться с Конституцией и буквой Закона «О свободе совести...», когда речь заходит о строительстве национального государства и электоральной поддержке, вновь потребовалось создание единой Украинской Поместной Православной Церкви. А добиться его, очевидно, рассчитывают, максимально увеличив паству виртуальными технологиями. В результате в ход пошли заказные и манипулятивные социологические

исследования, формирующие общественное мнение, посредством СМИ были запущены дискуссии о желательности государственного регулирования церковной жизни, а в парламент поданы соответствующие законопроекты.

Ссылки и примечания:

1. Открытый Православный Университет Святой Софи-Премудрости: лекция А.В. Юраша «Перспективы текущего момента в контексте решения наследственных проблем Украинского Православия» [Электронный ресурс]. URL : [http : //mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245110147](http://mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245110147). (дата обращения: 18.02.2017).
2. Как война повлияла на отношение украинцев к церкви [Электронный ресурс]. URL : [https : //www.obozrevatel.com/politics/74816-kak-vojna-povliyala-na-otnoshenie-ukraintsev-k-tserkvi--infografika.htm](https://www.obozrevatel.com/politics/74816-kak-vojna-povliyala-na-otnoshenie-ukraintsev-k-tserkvi--infografika.htm). (дата обращения: 18.02.2017).
3. Довіра до соціальних інституцій та груп. Прес-релізи та звіти [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=579&page=2&t=9](http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=579&page=2&t=9). (дата обращения: 18.02.2017).
4. Религиозная самоидентичность и молитва в Украине. Аналитический отчет [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=638&page=5](http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=638&page=5). (дата обращения: 18.02.2017).
5. В 2008 г. КМИС ставил вопрос корректнее: «Как вы относитесь к созданию в Украине (без вмешательства государства и политиков) единой поместной Украинской православной церкви?». 41% опрошенных сказали, что относятся положительно или скорее положительно, 9% — отрицательно или скорее отрицательно, 35% ответили, что не знают, что это такое, 16% не смогли определиться с ответом на этот вопрос (см.: Думка населення України щодо створення єдиної помісної Української Православної Церкви. Прес-релізи та звіти [Электронный ресурс]. URL : [http : //www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=441&page=3&t=9](http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=441&page=3&t=9)). (дата обращения: 18.02.2017)).
6. Московський патріархат втрачає вірян в Україні / Выпуск ТСН. Тиждень за 17 июля 2016 года [Электронный ресурс]. URL: <http://newsvideo.su/video/4701727>. (дата обращения: 18.02.2017).
7. Щодо маніпуляції суспільною думкою. Патріархія УАПЦ. Офіційний сайт [Электронный ресурс]. URL : [http : //church.net.ua/detalno/uapc/shchodo-manipuljacji-suspilnoju-dumkoju.html#prettyPhoto](http://church.net.ua/detalno/uapc/shchodo-manipuljacji-suspilnoju-dumkoju.html#prettyPhoto). (дата обращения: 18.02.2017).
8. Ювілей: Урочиста Академія [Электронный ресурс]. URL : [https : //www.cerkva.info/posts/yuviley-urochysta-akademii-a-u-natsionalnomu-palatsi-mystetstv-ukraina](https://www.cerkva.info/posts/yuviley-urochysta-akademii-a-u-natsionalnomu-palatsi-mystetstv-ukraina). (дата обращения: 18.02.2017).
9. Евстратий (Зоря). Автокефалия нашей церкви? Для этого нужно не очень много времени [Электронный ресурс]. URL : [http : //gordonua.com/news/society/arhiepiskop-upc-kp-zorya-avtokefaliya-nashey-cerkvi-dlya-etogo-nuzhno-ne-ochen-mnogo-vremeni-136545.html](http://gordonua.com/news/society/arhiepiskop-upc-kp-zorya-avtokefaliya-nashey-cerkvi-dlya-etogo-nuzhno-ne-ochen-mnogo-vremeni-136545.html). (дата обращения: 18.02.2017).

10. Лавриш Ю. «Полная каноническая независимость – это единственный путь...» [Электронный ресурс]. URL : <http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/polnaya-kanonicheskaya-nezavisimost-eto-edinstvennyy-put>. (дата обращения: 18.02.2017).
11. Об Обращении Верховной Рады Украины к Его Всесвятости Варфоломею, Архиепископу Константинополя и Нового Рима, Вселенскому Патриарху относительно предоставления автокефалии Православной Церкви в Украине / Постановление Верховной Рады от 16.06.2016 № 1422-VIII действует с 16.06.2016 [Электронный ресурс]. URL : http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T161422.html. (дата обращения: 18.02.2017).
12. Стенограма пленарного засідання Верховної Ради України 16 червня 2016 року [Электронный ресурс]. URL : <http://portal.rada.gov.ua/meeting/stenogr/show/6248.html>. (дата обращения: 18.02.2017).
13. Проект Постанови про скасування рішення Верховної Ради України від 16 червня 2016 року про прийняття в цілому проекту Постанови про Звернення Верховної Ради України до Всесвятості Варфоломія, Архієпископа Константинополя і Нового Риму, Вселенського Патріарха щодо надання автокефалії Православній Церкві в Україні. Номер, дата реєстрації: 4793 - від 16.06.2016 [Электронный ресурс]. URL : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=59445. (дата обращения: 18.02.2017).
14. Архиепископ Иов (Геча): Константинопольский Патриархат не будет создавать еще одну юрисдикцию в Украине [Электронный ресурс]. URL : <http://uoj.org.ua/novosti/sobytiya/arkhiepiskop-iov-gecha-konstantinopolskiy-patriarkhat-ne-budet-sozdavat-eshche-odnu-yurisdiksiyu-v->. (дата обращения: 18.02.2017).
15. Ставлення громадян України до деяких релігійних лідерів та до створення Єдиної Помісної Православної Церкви [Электронный ресурс]. URL : <http://razumkov.org.ua/images/sociology/PresRelig1116.pdf>. (дата обращения: 18.02.2017).
16. Макаровский В. Манипулятивная социология: опросы, религия и пропаганда [Электронный ресурс]. URL : <http://inpress.ua/ru/politics/44761-manipulyativnaya-sotsiologiya-oprosy-religiya-i-propaganda>. (дата обращения: 18.02.2017).
17. Доповідь керуючого Київською єпархією УПЦ Блаженнішого Митрополита Київського і всієї України Онуфрія на річних Єпархіальних зборах 21 грудня 2016 р. / Українська Православна Церква. Синодальний інформаційно-просвітницький відділ УПЦ [Электронный ресурс]. URL : <http://news.church.ua/2016/12/21/dopovid-keruyuchogo-kijivskoyu-jeparxijeju-upc-blazhennishogo-mitropolita-kijivskogo-i-vsijeji-ukrajini-onufriya-na-richnix-jeparxialnix-zborax/>. (дата обращения: 18.02.2017).
18. «Идеология, которую исповедовали сторонники единства с Московским патриархатом, прогорела», - Юраш [Электронный ресурс]. URL : <http://>

//uainfo.org/blognews/1487356830--ideologiya-kotoruyu-ispovedovali-toronniki-edinstva-s.html. (дата обращения: 18.02.2017).

19. Звіт про мережу релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2016 р. Наказ Міністерства культури України від 31 березня 2016 р. № 184 «Про річну статистичну звітність з питань державно-конфесійних відносин в Україні за 2015 рік (релігійні організації)» [Электронный ресурс] [http : //mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245083533](http://mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245083533). (дата обращения: 18.02.2017).
20. Звіт про мережу релігійних організацій в Україні станом на 1 січня 2016 р. Наказ Міністерства культури України від 31 березня 2016 р. № 184 «Про річну статистичну звітність з питань державно-конфесійних відносин в Україні за 2015 рік (релігійні організації)» [Электронный ресурс]. URL : [http : //mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245083533](http://mincult.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=245083533). (дата обращения: 18.02.2017).
21. Коваленко Георгий, прот. Парадоксы религиозной статистики [Электронный ресурс]. URL : [http : //archivorthodoxy.com/page-590.html](http://archivorthodoxy.com/page-590.html). (дата обращения: 18.02.2017).

УДК 328.34

А. И. Анастасов

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: aldonder@mail.ru

Е. С. Дергунова

аспирант,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: lena-dergunova18@yandex.ru

КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ РФ «ОБ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТАХ» И США «О РЕГИСТРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ АГЕНТОВ» (FARA)

Аннотация

В статье рассматриваются основные положения Законов России и США, регулирующих деятельность «иностранцев» в политике. Произведен анализ сходств и различий данных законов в диахроническом аспекте.

***Ключевые слова:** неправительственные организации; государство; общественные объединения; регистрация иностранных агентов; санкции.*

© Анастасов А.И., Дергунова Е.С., 2017

Summary

The article is devoted to substantive provisions of Laws in Russia and USA, which regulated activity of «foreign agents» in politics. The author analyzed likenesses and distinctions of laws at diachronic aspects.

Keywords: *non-governmental organization; state; public associations; foreign agents registration Act; sanctions.*

Деятельность некоммерческих и неправительственных организаций в современном мире наряду с множеством позитивных результатов, вместе с тем показали очень активное и деструктивное влияние в сфере социально-политических отношений. Череды «цветных революций» в Европе, Азии, Северной Африки продемонстрировали крайне негативную роль некоммерческих и неполитических организаций в организации политических переворотов в тех странах, которые интересовали по различным геополитическим причинам глобальную элиту. Деятельность таких организаций, особенно финансируемых зарубежными спонсорами, даже прямо не имеющих политической направленности, тем не менее, может оказывать влияние на политическую ситуацию в стране. С целью защиты суверенитета и национальной безопасности и противодействия деструктивной деятельности таких организаций принимаются законы, в которых достаточно четко нормируются виды и сферы деятельности, а также формы контроля НКО со стороны государства. К такого рода законам можно отнести в частности Закон РФ «Об иностранных агентах» и Закон США «О регистрации иностранных агентов» (FARA), как примеры правового регулирования деятельности НКО.

Деятельность НКО - иностранных агентов и цель их создания, все больше привлекает внимание мирового сообщества. Анализ научной литературы показал, что комплексных, системных исследований данной проблематики еще недостаточно. Однако значительный вклад в изучение целей создания и предпосылок формирования НКО внесли П.Ю. Гамольский, Г.В. Кузьмин, И.А. Скалабан, Дж. Бредли и др. [1]. Некоторые аспекты в анализ деятельности НКО внесли как зарубежные, так и отечественные исследователи, такие как: И.В. Мерсиянова, Л.И. Якобсон, А.К. Субботин, С.В. Фатеева, Д.Ю. Шестаков, Р.Ю. Шульга [2].

Цель статьи – сравнить Закон РФ «Об иностранных агентах» и Закон США «О регистрации иностранных агентов» (FARA), проанализировать общее и особенное как в нормативном плане, так и в практическом применении.

Актуальность темы исследования заключается в том, что НКО, как иностранные агенты, по сути, являются основными двигателями глобализации и навязывания, в первую очередь, американской системы ценностей. Благодаря финансовой, информационной и протекционистской политике НКО получили широкие возможности участия и влияния на политическую жизнь постсоветских

государств, результатам чего стали «цветные революции», государственные перевороты, дестабилизация внутривнутриполитической ситуации.

В Уставе Организации Объединённых Наций НПО, НГО (неправительственные организации – негосударственные организации) определяются как четко структурированные объединения, возникшие в результате гражданских инициатив, преследующие некоммерческие цели и состоящие из граждан или организаций [3]. Данные организации появляются благодаря активности граждан в поддержку какой-либо идеи.

НКО (некоммерческие организации) – это организации, которые не ставят основной своей целью извлечение прибыли и не распределяют полученную прибыль между участниками. НКО создаются для достижения целей в социальных, культурных, образовательных, научных, здравоохранительных сферах и ряде других [4].

НКО - иностранные агенты (далее НКО) - это организации, получающие денежные средства, и иное имущество от иностранных государств, их государственных органов, международных и иностранных фондов, которые участвуют в интересах иностранных источников, в политической деятельности, осуществляемой на территории России [5].

Объектом исследования является деятельность НКО и НГО как иностранного субъекта в социально-политической сфере государств, предметом анализа являются не весь сегмент некоммерческих организаций, а только те, которые имеют зарубежное (иностранное) финансирование и функционируют или непосредственно в политической сфере, или влияют на формирование общественного мнения в стране. Для популяризации и обеспечения позитивного имиджа (например, фонды Дж. Сороса) оказывают разнообразную помощь в неполитических секторах – образование, здравоохранение, медиа, самоуправление и др. хотя основной целью многих из них является оказание влияния на изменения политической ситуации в определенных странах в интересах англо-американского глобального доминирования.

В целом деятельность данных организаций оценивается положительно, так как способствует развитию инициативы граждан и интеграции этой деятельности в различные сферы. Подавляющая часть НКО активно вовлекает большое количество социально и граждански активных людей, тем самым минимизируя государственные финансовые и организационные затраты и выполняет свою миссию за счет внешне привлеченных источников. Источником финансирования НКО являются различные фонды, организации, институты меценатства. Следует отметить, что в 2015 г. на поддержку социально направленных НКО было выделено из федерального бюджета Российской Федерации 60 миллионов долларов. Поддержку получили 1,4 тыс. проектов НКО из 78 субъектов Российской Федерации. В 2016 г. президент Российской Федерации В.В. Путин распорядился выделить 65 миллионов долларов на поддержку социально направленных НКО, резидентов РФ.

По данным Минюста России, за 2013 г. 2,7 тыс. некоммерческих организаций, зарегистрированных на то время в России, получили иностранное финансирование на сумму более 1 миллиона долларов, в 2014 г. 4 тыс. 108 некоммерческих организаций получили из-за рубежа более 1 миллиона долларов [6].

Положительно себя зарекомендовали такие организации как «Армия Спасения» (международная религиозно-филантропическая организация), «Международный Зеленый Крест» (международная экологическая организация), «Всемирное общество защиты животных» (зоозащитная организация) и многие другие.

В последние годы деятельность неправительственных организаций приобретает все большее значение, налаживая открытый диалог с органами власти и местного самоуправления, содействуя развитию общества в решении различных социально значимых проблем общественной жизни.

Для большей наглядности деятельности НКО целесообразно сопоставить законодательства регулирования деятельности НКО – иностранных агентов в некоторых странах. На современном этапе развития среди исследователей сформировалось мнение о том, что закон РФ «Об иностранных агентах» и Закон «О регистрации иностранных агентов» – *Foreign Agents Registration Act (FARA)* в США являются в большой степени идентичными [7].

На данный момент определение «некоммерческая организация» (НКО) не унифицировано как в международной, так и в национальных правовых системах переходных стран, что серьезно снижает возможность регулирования деятельности НКО. Одним из основных вопросов остается нерешенность проблем прозрачного финансирования деятельности НКО, как государством, так и внебюджетными фондами, а также финансовой зависимостью многих НКО от зарубежных спонсоров, что критически оценивается властями.

В мировой практике Закон «О регистрации иностранных агентов» (FARA) был принят Конгрессом и подписан Франклином Рузвельтом в 1938 году для борьбы с распространением в США нацистской и коммунистической пропаганды. После Второй мировой войны закон неоднократно менялся, наиболее существенные поправки были внесены в 1966 (сузилось понятие «иностранного агента») и 1995 (был заменен термин «политическая пропаганда» на более нейтральный – «информационные материалы») [8].

На территории РФ нормативно-правовая база формировалась в 30-х годах. Первым нормативным актом в этой области было Постановление Центрального исполнительного комитета Совета народных комиссаров СССР от 6 января 1930 года «О порядке учреждения и ликвидации Всесоюзных обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли» и Положение «О добровольных обществах и союзах» (общества и союзы, направленные на строительство Союза ССР, содействию укрепления обороны страны), утвержденное постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 10 июля 1932 года.

Закон РФ «Об иностранных агентах» стал формироваться в 1990-х годах. До 1995 года действовал Закон СССР 1990 года «Об общественных объединениях», в

котором был расширен перечень законодательно признаваемых видов объединений от политических партий до благотворительных фондов. В 1995 году вступил в действие закон «Об общественных объединениях», который регламентировал возможные формы общественных объединений, включая органы общественной самодеятельности.

Первенство в постсоветской России, в связи с большим количеством новых и перерегистрированных организаций продемонстрировало правительство Москвы, пытаясь упорядочить регулирование деятельности НКО в различных сферах:

- Положение «О регистрации некоммерческих организаций в г. Москве», утвержденное Распоряжением мэра Москвы от 29 декабря 1992 года;
- Временное Положение «О негосударственных некоммерческих организациях в г. Москве», утвержденное Распоряжением мэра Москвы от 30 апреля 1993 года.

Эти положения впервые дали комплексную характеристику нормативных признаков, порядка создания, деятельности и других значимых атрибутов некоммерческой организации [9]. Данные Положения свидетельствуют о попытке ввести деятельность НКО в нормативно-правовую плоскость.

Сходство законов РФ и США выражается в изложении основных положений. Оба закона («Об иностранных агентах» и «FARA») выделяют организации, деятельность которых определяют как «иностранного агента».

Понятие «НКО - иностранный агент» было введено федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» от 20 июля 2012 г. [5]. Документ внес изменения в законодательные акты в части регулирования деятельности некоммерческих организаций. Согласно документу, НКО, занимающиеся политической деятельностью на территории России, «могут получать финансирование из иностранных источников только в том случае, если они зарегистрируются в Минюсте в качестве иностранного агента». В Законе США «О регистрации иностранных агентов» (FARA) прописано, что американский закон не распространяется на организации, чья «деятельность служит главным образом не иностранным интересам». НКО, которые имеют зарубежное происхождение или финансирование и которые можно назвать «политическими», также не обязаны регистрироваться в качестве «иностранного агента», поскольку не занимаются представлением «интересов иностранного принципала» [9]. Данный аспект является главным различием законов РФ «Об иностранных агентах» и США «О регистрации иностранных агентов» (FARA).

При этом оба закона касаются организаций, участвующих в политической жизни государства. В законе РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» прописано, что к политической деятельности не относятся действия «в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики

и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность, а также деятельность в сфере содействия благотворительности и добровольчества»[4]. В июне 2016 г. для уточнения понятия «политическая деятельность» НКО Президент РФ внес поправки в закон «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об общественных объединениях» и статью 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»[4]. Согласно данному закону, к формам политической деятельности НКО (за исключением политической партии) относится участие в организации и проведении публичных мероприятий – собраний, митингов, демонстраций. Не относится к политической – деятельность в области науки, культуры и искусства, здравоохранения, социальной поддержки и защиты граждан, физической культуры и спорта, благотворительность и др. [4].

Исходя из этого, сторонники законов, регулирующих деятельность НКО, как в России, так и в США, считают одним из их главных достоинств то, что они позволяют лучше понимать, а, следовательно, контролировать в чьих интересах действуют НКО.

За нарушение существующих положений предполагаются санкции. В США наиболее злостные нарушения караются тюремным заключением сроком до пяти лет либо штрафом в размере до 10 тысяч долларов [10], в России за предоставление недостоверных данных налагается штраф до 1 миллиона рублей, а за невыполнение гражданских обязанностей лишение свободы до четырех лет [4].

Для улучшения контроля деятельности иностранных агентов существует обязательная отчетность:

- НКО в США, которые получают иностранные инвестиции – находятся на особом контроле у государства и предоставляют отдельную отчетность раз в год.

- НКО в России должны самостоятельно регистрироваться в Министерстве юстиций как «иностранные агенты». Отчет о составе организации и своей деятельности должны быть предоставлены один раз в полгода. Документы о расходовании средств, в том числе и из-за рубежа, предоставлять ежеквартально.

С целью контроля деятельности НКО, не чаще чем один раз в год проводятся плановые и внеплановые проверки, как в Российской Федерации, так и в Соединенных Штатах Америки. Инвестиции в НКО равные или превышающие 3 тыс. долларов США подлежат обязательному контролю [11].

Оба Закона об НКО (российский и американский) направлены на повышение прозрачности деятельности НКО, за счет информирования общественности об источниках финансирования данных организаций. «FARA» изначально разрабатывался как закон, позволяющий донести до властей и граждан США сведения об источниках информации, призванной повлиять на американское общество, политику и законодателей, а также о людях, пытающихся оказать такое влияние, тем самым повысил ответственность и транспарентность политической

жизни США и дал обществу возможность ознакомиться с источниками дохода влиятельных меценатов» [10].

Закон США направлен на контроль за «меценатскими контактами» со стороны иностранцев, под которым понимается любое устное или письменное общение с лицами из перечня, указанного в законах, включая общение с помощью электронных средств коммуникации, в частности, телефонные разговоры, обмен электронными посланиями и т.д. [9]. При этом в законе РФ говорится не столько о прямых контактах с депутатами, сколько об участии в акциях и формировании общественного мнения. В декабре 2012 г. в РФ был подписан закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав человека и свобод человека, прав и свобод граждан РФ», который, вводил временный запрет на деятельность НКО в России, финансируемых за счет фондов США. Предпосылкой данного закона стали события на Болотной площади 6 мая 2012 года и спонсирование митинга организацией NED. В свою очередь, организации, которые попали под запрет, смогли возобновить свою работу лишь в случае отказа от американских грантов [11].

Основной целью Закона США о деятельности НКО является облегчение «оценки правительством и американским народом заявлений и действий таких лиц» [10]. Под политической активностью понимается деятельность, направленная на изменение позиции федерального правительства США или «любой части населения» по поводу внутренней или внешней политики США или по отношению к иностранному правительству или политической партии.

Схожая цель и такие же принципы у российского Закона о НКО - защита национальной обороны, внутренней безопасности и внешней политики от иностранного влияния, а также повышение публичности и информированности граждан о деятельности НКО, финансируемых из-за рубежа.

Основываясь на совпадении и различиях законов можно сделать вывод, что они подразумевают сходную систему прав и обязанностей в воздействии на государство и общество путем продвижения интересов определенных субъектов. Данные законы разработаны с целью защиты государств от неконтролируемого внешнего влияния на собственный суверенитет и укрепления национальной безопасности, а также защиту прав и основных свобод собственных граждан.

Таким образом, исследовав правовые нормы, регулирующие деятельность НКО в США и РФ, можно сделать вывод, что на современном этапе они реализуют свои цели в различных сферах общественной жизни, принося во многом позитивные результаты. Однако ни одно государство не может себе позволить бесконтрольное участие в политической сфере субъектов – «иностранцев агентов», финансируемых нерезидентами страны, истинная деятельность которых подчас скрывается под обобщенным неконкретным термином- некоммерческие или негосударственные организации. Более общими моментами в законодательном регулировании являются определение субъективности НКО, сферы их деятельности, в частности политические отношения, к несколько отличным - различия норм контроля и ответственности.

Ссылки и примечания:

1. "Третий сектор" в России: текущее состояние и возможные модели развития // Режим доступа: <http://civilfund.ru/mat/20> (Дата обращения 15.01.2017 г.).
2. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://gugn.ru/work/493692/Nepravitelstvennye-organizacii-npo-kak> (Дата обращения 15.01.2017 г.).
3. Устав Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (Дата обращения 23.12. 2016 г.).
4. Федеральный закон Российской Федерации от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 03.07.2016 г. N 236-ФЗ.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 20 июля 2012 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» N121-ФЗ.
6. Министерство Юстиции Российской Федерации / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/> (Дата обращения 04.01.2017 г.)
7. Российский Закон об НКО (Иностранных агентах) точная копия Американского от 7 июля 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://oppps.ru/rossijskij-zakon-ob-nko-inostrannykh-agentax-tochnaya-kopiyamerikanskogo-zakona-ob-nko-inostrannykh-agentax.html> (Дата обращения 11.01.2017 г.)
8. Баталова, Ю.В. Взаимодействие негосударственных некоммерческих организаций с органами государственной власти и управления в России. Автореферат на соискание ученой степени к.полит.н. по специальности 23.00.02. – М.: изд. центр ГУУ, 2004. – 2 п.л.
9. Кара-Мурза В.Мл. «Иностранные агенты» в России и США: мифы и реальность / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/karamurza/1070994-echo/> (Дата обращения 10.12.2016 г.)
10. Закон об иностранных агентах (США) – Foreign Agents Registration Act (FARA) » / [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rodina.ru.com/analit/zakon-ob-inostrannykh-agentakh-ssha-foreign-agents-registration-act-fara> (Дата обращения 10.12.2016 г.)
11. Федеральный Закон Российской Федерации «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2012 года № 272-ФЗ.

УДК 94 (437.3) «20»

Т. Р. Мармазова

соискатель,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: tatyana.marmazov@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЛОВАКИИ (НА ОСНОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ВЫБОРОВ)

Аннотация

В статье рассматриваются особенности формирования политической системы Словакии. Проанализированы результаты выборов (в период с 1990 по 2016 гг.). Обоснованы причины развития особой политической традиции коалиционного управления словацким государством. Доказывается, что современная политическая система Словакии переживает новый этап своего развития.

Ключевые слова: политическая система, коалиция, оппозиция, парламент, выборы, негосударственные организации.

Summary

The paper devoted to the particular qualities of Slovak's political system formation. Were analyzed electional results (during 1990 – 2016). Reasons of special political tradition consist in coalitional governing of Slovakia were underlined. Author proved that modern political system of Slovakia relive a new stage of it's developing.

Keywords: political system, coalition, opposition, parliament, elections, non-governmental organizations

После распада социалистического блока большинство стран Восточной Европы испытывало сложности при формировании независимой политической системы. Попытки преодоления этих проблем приводили к формированию правительств коалиционного типа. Не исключением стала и Словакия – построение многопартийной системы происходило скачкообразно, вызывая хаос в головах избирателей и серьезные проблемы на этапе формирования правительства, что означало постоянную политическую нестабильность и зависимость от третьих стран. Поэтому исследование вопросов, связанных с формированием политической системы в Словакии является актуальным, так как будет способствовать более эффективному разрешению внутривнутриполитических проблем.

Научная новизна темы обусловлена тем, что впервые в ходе политологического анализа рассмотрены особенности формирования политической системы Словакии на основании результатов выборов в Национальный совет Словацкой Республики. Для проведения исследования использованы такие источники как официальные результаты выборов, данные социологических опросов, тексты официальных программ партий. Среди авторов, занимавшихся данным вопросом, стоит выделить таких словацких политологов и социологов как З.Буторова, Д.Климовский, О.Джиафарова, Гр. Месежников, М.Коллар и Е.Ковач.

Политическая система Словакии начала формироваться еще до провозглашения независимости государства. В 1990 г. прошли первые выборы в Национальный совет Словацкой Республики. Итоги выборов 1990 г. приведены в таблице 1 [2].

Таблица 1

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Общество против насилия (ОПН)	29,3%	48
Христианско-демократическое движение (ХДД)	19,2%	31
Словацкая национальная партия (СНП)	13,9%	22
Коммунистическая партия Словакии (КПС)	13,3%	22
«Существование» - Венгерское христианско-демократическое движение (ВХДД)	8,6%	14
Демократическая партия (ДП)	4,3%	7
Партия зеленых	3,4%	6

На тот момент лидировали силы, провозглашавшие себя демократическими, как, например, партия Общество против насилия (Далее – ОПН). Основой политической программы ОПН была не только борьба против однопартийной системы и коммунизма, но и отделение Словакии от Чехии. Победа ОПН на выборах предопределила судьбу Чехословакии и повлияет на становление независимого словацкого государства. Самой влиятельной силой, вышедшей из ОПН, стала партия Движение за независимую Словакию (Далее – ДЗДС), под руководством Владимира Мечьяра. Мечьяр подхватил идею отделения от Чехии и установление европейских демократических основ жизни общества, что помогло ему победить на выборах 1992 г. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 1992 г. представлены в таблице 2 [4].

Таблица 2

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Движение за независимую Словакию (ДЗДС)	37,3%	74
Партия демократических левых (ПДЛ)	14,7%	29
Христианско-демократическое движение (ХДД)	8,9%	18
Словацкая национальная партия (СНП)	7,9%	15
«Сосуществование» - Венгерское христианско-демократическое движение (ВХДД)	7,4%	14

Граница для прохождения в парламент была поднята до 5% голосов избирателей. После выборов, полученных мест ДЗДС хватило, чтобы не вступать ни с кем в коалицию, однако в дальнейшем партия объединилась с СНП. Причиной для столь радикальных перемен в предпочтениях избирателей стала неразбериха внутри государства, вызванная тем, что старая система рухнула, а новая еще не была сформирована либо была слишком неустойчивой и непонятной. Националистические лозунги ДЗДС, предлагавшие решение «словацкого вопроса» стали ключевым козырем в руках Мечьяра, что и привело к дальнейшему усилению его власти и политическому кризису в Словакии.

Выборы 1994 г. были первыми выборами в независимой Словакии. Они лишь укрепили власть Владимира Мечьяра, сделав его премьер-министром. На выборах 1994 г. впервые будут созданы коалиции еще в предвыборный период. Коалиция «Общий выбор» состояла из ПДЛ, Социал-демократической партии Словакии, Движения аграриев и Партии зеленых. Венгерская коалиция представляла собой партию венгерского меньшинства. В ее состав вошли «Сосуществование»- ВХДД и Венгерская гражданская партия. По итогам выборов была сформирована правящая коалиция ДЗДС – АРС – СНП. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 1994 г. приведены в таблице 3 [4].

Таблица 3

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Движение за независимую Словакию (ДЗДС)	35%	61
«Общий выбор»	10,4%	18
Венгерская коалиция	10,2%	17
Христианско-демократическое движение (ХДД)	10,1%	17
Демократический союз (ДС)	8,6%	15
Ассоциация рабочих Словакии (АРС)	7,3%	15
Словацкая национальная партия (СНП)	5,4%	9

После 1996 г. Словакию охватил глубокий политический кризис, который не мог оставаться неразрешенным. Для выхода из сложившейся ситуации, пять

оппозиционных демократических партий: ХДД, ДП, ДС, Партия зеленых Словакии и СДПС, приняли решение объединиться в Словацкую демократическую коалицию (Далее – СДК). Данное решение было обусловлено внесением поправок в закон о выборах, который делал практически невозможными выборы в составе многопартийной избирательной коалиции. Стоит отметить, что СДК была оформлена как самостоятельная политическая сила, а не как объединение пяти партий. Венгерская коалиция, будучи вторым крупный коалиционным объединением, изменила название, став Партией венгерской коалиции (далее – ПВК), сохранив в своем составе все ранее входившие силы [1].

Выборы 1998 г., несмотря на широкую предвыборную кампанию оппозиции, не принесли уверенной победы СДК. Коалиция набрала примерно тоже количество голосов избирателей, что и ДЗДС. Вместе с тем, другие демократические силы – ПДЛ и ПВК, также набрали достаточное количество голосов, что означало необходимость формирования широкой демократической коалиции. Новое правительство сформировали представители правоцентристских и левых партий: СДК, ПВК, ПДЛ и ПГВ. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 1998 г. приведены в таблице 4 [4].

Таблица 4

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Движение за независимую Словакию (ДЗДС)	27%	43
Словацкая демократическая коалиция (СДК)	26,33%	42
Партия демократических левых (ПДЛ)	14,66%	23
Партия венгерской коалиции (ПВК)	9,12%	15
Словацкая национальная партия (СНП)	9,07%	14
Партия гражданского взаимопонимания (ПГВ)	8,01%	13

В 1999-2001 гг. в правоцентристском крыле произошла серьезная фрагментация. В 2000 г. ХДД окончательно отделилась от СДК и стала официальным пятым членом правящей коалиции. В том же 2000 г. Дзуринде удалось договориться с остальными представителями СДК и трансформировать партию в народную, под новым названием – Словацкий демократический и христианский союз (Далее – СДХС).

Другие существенные изменения на политической арене Словакии в 1999-2001 гг. касались раскола в составе ПДЛ. В 1999 г. из ее состава вышла новая политическая сила – Смер (Курс) – Социальная демократия (Далее – Курс – СД). Во главе партии стал Роберт Фицо, заместитель председателя демократических левых и самый популярный левый политик Словакии того времени. Довольно быстро «Курс - СД» стала ведущей левой политической силой. В тоже время, из-за присоединения Демократического союза к СДХС, появилось место для еще одной новой политической силы. Ей стал Альянс

нового гражданина (Далее – АНГ). Во главе партии стал предприниматель из сферы масс-медиа – Павол Руско [3].

Очередные выборы 2002 г. показали укрепление позиций демократической коалиции. После выборов была сформирована новая правящая коалиция СДХС – ПВК – ХДД – АНГ. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2002 г. приведены в таблице 5 [4].

Таблица 5

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Движение за независимую Словакию (ДЗДС)	19,5%	36
Словацкий демократический и христианский союз (СДХС)	15,1%	28
Курс - СД	13,5%	25
Партия венгерской коалиции (ПВК)	11,2%	20
Христианско-демократическое движение (ХДД)	8,3%	15
Альянс нового гражданина (АНГ)	8%	15
Коммунистическая партия Словакии (КПС)	6,3%	11

Победа демократической коалиции на выборах 2002 г. стала отправной точкой для возвращения Словакии на путь евроинтеграции. С помощью третьего сектора, удалось в сжатые сроки добиться одобрения населением выбранного курса. В 2004 г. страна стала членом Европейского Союза. Следующие парламентские выборы проходили в 2006 г., по пропорциональной системе. Несмотря на политические изменения, произошедшие в государстве после вступления в ЕС, фрагментация политического сектора оставалась неизменной. В выборах приняла участие 21 партия.

По итогам выборов, на первом месте оказались левоцентристы из Курс – СД, набравших 29,14% голосов (50 мандатов). Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2006 г. приведены в таблице 6 [1].

Таблица 6

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Курс - СД	29,14%	50
Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия (СДХС-ДП)	18,35%	31
Словацкая народная партия (СНП)	11,73%	20
Партия венгерской коалиции (ПВК)	11,68%	20
Народная партия - Движение за независимую Словакию (НП - ДЗДС)	8,79%	15
Христианско-демократическое движение (ХДД)	8,31%	14

Коммунистическая партия Словакии и Свободный форум, набрали менее 4% голосов и не прошли в парламент. Роберт Фицо – глава партии Курс - СД, стал премьер-министром Словакии, сформировав коалицию с НП – ДЗДС и СНП. Данная коалиция была довольно неожиданной, так как в правительстве вновь оказалась партия евроскептиков под руководством Владимира Мечьяра. Данное решение было обусловлено сложностями в отношениях Фицо и Дзуринды, которые привели к поиску других возможных союзников в правительстве.

Очередные парламентские выборы 2010 г. показали спад политической активности словацкого общества. По сравнению с выборами 2004 и 2006 гг., население менее охотно участвовало в голосовании. К таким выводам пришли еще во время опросов в рамках предвыборной кампании [10]. В результате выборов, в парламент прошли шесть партий, преодолевших пятипроцентный барьер. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2010 г. приведены в таблице 7 [4].

Таблица 7

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Курс - СД	34,79%	62
Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия (СДХС-ДП)	15,42%	28
Свобода и солидарность (СаС)	12,14%	22
Христианско-демократическое движение (ХДД)	8,52%	15
«Мост»	8,12%	14
Словацкая национальная партия (СНП)	5,03%	9

Кроме того, на выборах 2010 г. политическая арена Словакии пополнилась новыми силами. Так на третьем месте оказалась образованная в 2009 г. либеральная партия Свобода и солидарность (Далее – СаС), выступающая за легализацию однополых браков и урезание привилегий политиков [14]. Еще одной новой партией в словацком парламенте стала венгерская партия «Мост», выступающая за диалог венгров и словаков [12]. «Мост» потеснила ПВК, набрав 8,12% голосов и получив 14 мест, в то время как ПВК набрала лишь 4,33% и не преодолела барьер.

Несмотря на преимущество правоцентристов (79 мест из 150), президент Гашпарович предложил премьеру Фицо сформировать коалицию. Однако Фицо не смог заручиться поддержкой новых членов парламента, критиковавших политику премьера в 2006-2010 гг. [7]. Вследствие чего, Фицо был вынужден подать в отставку, а премьер-министром стала Ивета Радичова (СДХС – ДП). В коалицию Радичовой, помимо СДХС – ДП, вошли ХДД, СаС и «Мост» [13]. Однако правоцентристская коалиция продержится у власти совсем не долго.

Правительство получило вотум недоверия в 2011 г., из-за чего была сорвана ратификация договора о Европейском фонде финансовой стабильности. Партия Роберт Фицо, Курс – СД, воздержалась во время голосования по фонду и согласилась на повторное голосование только после того, как правящая партия объявила досрочные выборы. Досрочные выборы 2012 г. ознаменовались появлением новой партии – Обычные люди и независимые личности, которая делала акцент на внутренней политике, и убедительной победой Курс – СД. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики в 2012 г. приведены в таблице 8 [8].

Таблица 8

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Курс - СД	44,41%	83
Обычные люди и независимые личности	8,55%	16
Христианско-демократическое движение (ХДД)	8,82%	16
«Мост»	6,89%	13
Словацкий демократический и христианский союз – Демократическая партия (СДХС-ДП)	6,09%	11
Свобода и солидарность (СаС)	5,88%	8

Очередные выборы 2016 г., проходившие на фоне миграционного кризиса в Европе, принесли неожиданные результаты. Итоги выборов в Национальный совет Словацкой Республики , 2016 г. приведены в таблице 9 [5]

Таблица 9

Название партии	Голоса	Места в парламенте
Курс - СД	28,28%	49
Свобода и солидарность (СаС)	12,10%	21
Обычные люди и независимые личности	11,03%	19
Котлеба — Народная партия «Наша Словакия»	8,04%	14
Мы семья	6,63%	11
«Мост»	6,89%	13
Сеть	5,61%	10

Главной неожиданностью стало появление националистической партии Котлеба, которую многие называют экстремистской [11]. Появление такого рода партии в правительстве Словакии может быть связано как с ухудшением политической и экономической ситуации в стране на фоне общего кризиса в ЕС, так и с риторикой власти о возможном миграционном коллапсе в Республике. На данный момент, правящей является коалиция в составе Курс – СД, СНП, Мост и Сеть.

Таким образом, анализ парламентских выборов в Словакии позволяет сделать следующие выводы: во-первых, рост электоральной активности словацкого общества наблюдается лишь в годы глубокого кризиса, когда необходима консолидация всех словаков для решения общей проблемы. Вместе с тем, если в 1990 г. словацкий народ объединился самостоятельно, на фоне общеевропейской эйфории победы над коммунизмом, то в 1998 г. потребовались значительные усилия неправительственных организации для достижения аналогичного результата.

Во-вторых, в Словакии наблюдается сильная фрагментация политического сектора, проявляющаяся в быстром росте количества партий. Из-за этого явления сформировалась особая политическая традиция коалиционного управления государством. Наличие коалиции сопровождается появлением коалиционной оппозиции, что приводит к постоянной политической турбулентности, о чем свидетельствуют частые внеочередные выборы в Словакии.

В-третьих, в Словакии просматривается тенденция поддержки избирателями одних и тех же политических сил на протяжении определенного периода времени. Подтверждением этому является как длительное пребывание у власти Владимира Мечьяра, так и три кабинета Роберта Фицо. Словацкие политологи единодушно сходятся на том, что данное явление вызвано коммунистическим прошлым страны, когда существовала лишь одна партия, и необходимость выбирать просто отсутствовала. Можно с уверенностью утверждать, что сегодня политическая система Словакии переживает новый этап своего развития.

Ссылки и примечания:

1. Vtorovb Zora Democracy and Discontent in Slovakia: A Public Opinion Profile of a Country in Transition. Institute for Public Affairs. Bratislava, 1998. 215p.
2. Ieskzstatistickzshad [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.volby.cz/>
3. Kollr M., Mesehnikov Gr. Slovakia 2004. A Global Report on the State of Society. Institute for Public Affairs. Bratislava, 2005. 743p.
4. Oficiálnevzsledkyvoleb (slovensky) [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.statistics.sk/webdata/_slov/volby/volby92/uvod92.htm
5. Parlamentnй vosby 2016 – vzsledky [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://volby.sme.sk/parlamentne-volby/2016/vysledky>
6. Slovakia – Parliamentary Election 2016 [Электронный ресурс] - Режим доступа: https://sites.google.com/site/marekhlavac/slovak_election_data_project
7. Slovakia's left-wing PM seeks to form new government [Электронный ресурс] // BBC News. - 13 марта 2010 г. – Режим доступа: <http://www.bbc.com/news/10304535>
8. Volrby do Narodnйj rady Slovenskey Republiky 2012 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://volby.statistics.sk/nrsr/nrsr2012/sr/tab3.jsp@lang=en.htm>

9. Vosby do Nбrodnej rady Slovenskej republiky [Электронный ресурс] –Режим доступа: http://www.volbysr.sk/nrsr2010/priebezne/tab_Pv.html
10. Volebnй preferencie politickэch strбn – aprнl 2010 [Электронный ресурс] –Режим доступа: http://www.focus-research.sk/files/118_Preferencie%20politickych%20stran_%20april2010.pdf
11. В Словакии прошли парламентские выборы с неожиданными результатами и непредсказуемыми последствиями [Электронный ресурс] // Slovakiainvest. - 7 марта 2016 г. - Режим доступа: <http://slovakiainvest.ru/ReadNews.aspx?n=V-Slovakii-proshli-parlamentskie-vybory-s-neozhidannymi-rezultatami>
12. Мост. Официальный сайт партии [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.most-hid.sk/>
13. Правительство Словакии ушло в отставку [Электронный ресурс] // Корреспондент.net. - 7 июля 2010 г. Режим доступа: <http://korrespondent.net/world/1093951-pravitelstvo-slovakii-ushlo-v-otstavku>
14. Свобода и солидарность. Официальный сайт партии [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.strana-sas.sk/>

УДК 32.01:303

М. С. Багликова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail:marina_baglikova@mail.ru

ИНДЕКСЫ ДЕМОКРАТИИ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Аннотация

В статье рассмотрено применение индексного метода в сравнительной политологии. Выделены наиболее значимые в компаративистике индексы демократии, охватывающие различные аспекты демократического устройства и развития политических систем. Показаны существующие проблемы индексного анализа в сравнительной политологии.

Ключевые слова: *сравнительная политология, индекс, демократия, ранжирование, индикаторы.*

Summary

The article deals with the use of index method in comparative political science. Indices of democracy most significant in comparativism are outlined, covering

various aspects of the democratic structure and development of political systems. The existing problems of index analysis in comparative political science.

Keywords: *comparative political science, index, democracy, ranking, indicators.*

Процессы демократизации, охватившие ряд регионов мира в 90-е годы XX в., побуждают исследователей - компаративистов к дальнейшим универсальным исследованиям, позволяющим не только проанализировать условия демократии, основные механизмы и эффективность ее воздействия на общество в отдельно взятой стране, но и ранжировать страны по критерию их демократичности. Одним из наиболее распространенных способов анализа в сравнительной политологии является индексный метод, предполагающий исследование динамики процессов с помощью некоторых обобщенных показателей. Впервые метод индексирования был применен Ф. Катрайтом, Д. Нейбауэром, Р. Гастилом, Т.Р. Гурром, Т. Ванханеном и др. Проблемы измерения в политической науке на постсоветском пространстве в целом и конструирования индексов в частности разрабатывали А.Ю. Мельвиль, Е.Ю. Мелешкина, Т.Н. Митрохина, Л.В. Сморгунов, М.Г. Миронюк, И.Н. Тимофеев, О.В. Попова, А.Н. Зельницкий, Т.А. Андрийчук и др.

Целью нашего выступления является рассмотрение проблемы измерения демократии посредством индексного метода, систематизации индексов и проблемы индексного анализа в сравнительной политологии.

В широком смысле под «индексом» (от лат. Index – список, реестр) понимается показатель активности, производительности, развития или измерения чего-либо. В узком смысле понятие «индекс» связано с агрегацией ряда взаимосвязанных индикаторов в новый комплексный индикатор. Индекс отражает внутренне взаимосвязанный комплекс индикаторов. О.В. Попова дает следующее определение: «Индексы – это относительные величины, количественно характеризующие динамику совокупности, состоящей из непосредственно несоизмеримых единиц, или части такой совокупности» [1]. Индексирование – это процедура выражения главного содержания чего-либо с помощью количественных величин. Для проведения индексирования необходимо сопоставление не менее двух величин. В зависимости от способа получения индексы подразделяются на несколько видов. Широкое распространение получили аддитивный, взвешенный, и мультипликативный индексы. Индексирование можно проводить на основе вычитания сравниваемых величин, что также обуславливает различный характер получаемых индексов. Помимо этого индексы подразделяются на индивидуальные, служащие для сравнения отдельных явлений и сводные – для сравнения сложных явлений. Сравнение индивидуальных и сводных индексов имеет аналитическое значение поскольку позволяет определить за счет, каких единиц совокупности произошло то или иное изменение [2].

История измерения демократии начинается в 60-е гг. XX в. и развивается путем совершенствования измерительной техники, поиска такой шкалы,

которая позволяла бы собрать наиболее богатый материал и отражала бы наиболее существенные стороны демократии. Разнообразие существующих индексов позволяет их классифицировать. Так, Л.В. Сморгун, исходя из эволюции измерительной техники, выделяет институциональные, процессуальные и субстанциональные индексы демократии. Институциональный акцентирует внимание на формальной стороне демократии через изучение институтов. Процессуальные индексы анализируют избирательный процесс и его условия. Это измерение демократии характерно для индексов Д. Нейбауэра, Т. Ванханена, К. Боллена. Субстанциональное измерение предполагает исследование не только уровня провозглашенных прав и свобод человека, но и особенности их реализации. В частности, это индекс свободы «Дома свободы», индекс прав человека Хьюмана [3].

О.В. Попова классифицирует индексы по пяти основаниям: 1) по теме (индексы оценки политического режима, доверия и т.д.); 2) по источнику информации для построения индекса (статистические данные, оценки экспертов, результаты опросов общественного мнения); 3) по процедуре, то есть по способу построения индекса (расчетные, основывающиеся на интеграции однородных или разнородных показателей, или «балльные», опирающиеся на систему начисления баллов, чаще всего штрафных); 4) по уровню обобщения (частные, оценивающие одну сторону политического явления, или обобщенные, позволяющие провести комплексное сравнение политических институтов или процессов); 5) по типу организации, разработавшей и использующей индексы (международные надгосударственные организации, исследовательские некоммерческие центры, международные независимые организации)» [4].

А.Ю. Мельвиль предлагает разделить индексы демократии на «большие» и «малые» исследовательские проекты исходя из продолжительности их существования. К «большим» относятся проекты, реализуемые на долгосрочной основе. В частности – индексы «Дома свободы», индекс институциональной демократии Гарра (Polity) и т.д. «Малые» проекты отличаются меньшими временными рамками, как например индекс трансформации Бертельсманна [5].

Разнообразие эмпирических исследований уровней демократического развития, побуждает более детально их рассмотреть. Так, индекс политического развития Ф. Катрайта, построен на основе анализа политических институтов, исходя из критериев демократичности формирования законодательной и исполнительной власти и выстраивании стран на едином континууме развития в зависимости от сложности институтов в соответствии с концепцией: чем сложнее институты, тем более развитая нация. Страны располагались по оценочной шкале от 0 до 3 баллов. Для наивысшей оценки демократичности, достаточно, чтобы: 1) нижняя палата (или однопалатный парламент) состоял из представителей двух или более политических партий, а партийное меньшинство занимало не менее 30% мандатов; 2) государством управлял глава

исполнительной власти, который был назначен на основе многопартийной конкуренции или был избран всенародно на всеобщих выборах [6].

Индекс демократического действия Д. Нейбауэра опирался на экономическую модель демократии Э. Даунса и модель полиархии Р. Даля. В качестве основы измерения использовались две переменные: электоральное равенство и электоральная конкуренция. При построении индекса демократического развития учитывался: 1) процент взрослого населения, имеющего право голоса; 2) равенство представительства; 3) информационное равенство; 4) конкуренция, а именно: длительность нахождения у власти доминирующей партии и средний процент голосов, полученных побеждающей партией [7].

Финский политолог Т. Ванханен разработал индекс демократизации, опираясь на гипотезу: уровень демократизации зависит от степени распределения ресурсов в обществе и при достижении определенного показателя индекса властных ресурсов для всех стран характерна тенденция к пересечению порога демократии. «Демократия означает, что народ и группы людей свободны состязаться за власть и что носители власти избраны народом и ответственны перед ним». Основываясь на концепции Р. Даля, Т. Ванханен использовал две переменные: политическое участие и политическую конкуренцию и трансформировал их в два количественных индикатора для измерения демократии: 1) уровень конкурентности (К) – доля голосов, полученных оппозиционными партиями на выборах; 2) уровень электорального участия (У) – доля населения, участвовавшая в голосовании. Уровень конкурентности определялся по доле голосов, полученных небольшими партиями на выборах. А уровень электорального участия – по доле населения, реально принимавшей участие в голосовании. На основании этих двух показателей и рассчитывается индекс: $ИД = (К \times У) / 100$. Полученные результаты стали основанием для классификации политических систем на демократические, полудемократические и недемократические. Так, уровень электоральной конкуренции 30% и более, электорального участия 15% и более, индекс демократизации - 5 - характерны для демократических политических систем. Для полудемократий электоральная конкуренция должна составлять 20–30%, электоральное участие — 10–15%, а индекс демократизации — 2–5. Оценки ниже этого уровня говорят о недемократических политических системах [8]. Необходимо отметить, что первоначально в качестве объектов исследования выступали все независимые государства. Однако в дальнейшем был введен ряд ограничений. Во-первых, из анализа были исключены страны с населением менее 100 тысяч человек, что было продиктовано трудностями сбора данных и фактической зависимостью этих государств от других. Во-вторых, объектами анализа выступают страны, получившие независимость на 1991 г. [9].

К. Боллен предложил индекс политической демократии, основываясь на понимании демократии как системы взаимосвязи элит и неэлит. В условиях

демократии политическая власть элиты минимизирована, а политическая власть неэлиты максимизирована. Болен выделил две характеристики демократии: политические свободы и народный суверенитет (выраженный в электоральном процессе). Индикаторами политических свобод являются: свобода прессы (по 10-ти бальной шкале), свобода оппозиции (по 4-х бальной шкале), правительственные санкции (по числу санкций). Народный суверенитет измеряется по таким параметрам, как: справедливость выборов; выборность исполнительной власти; выборность законодательной власти. Каждый из шести компонентов индекса политической демократии затем линейно трансформируется в оценки от 0 до 100, а страны ранжируются на основе средних значений из шести оценок [10].

Индекс институциональной демократии, разработанный Г. Экстайном и Т.Р. Гарром в рамках научного проекта «Полития», нацеленный на сбор, индексацию и анализ данных о политических институтах и режимах. Единицами анализа выступают независимые государства с населением не менее 500 тыс. чел. Особенностью индекса является исследование институциональных аспектов демократии. Центральной категорией выступает полития, понимаемая, как определенное состояние политического режима, которое характеризуется соотношением автократических и демократических черт. Полития оценивается по шкале от -10 (самый высокий уровень автократии) до +10 (самый высокий уровень демократии). Финальный показатель рассчитывается исходя из значений двух переменных – демократии и автократии, трактуемых как общий уровень открытости или закрытости политических институтов. Демократия и автократия, в свою очередь, рассчитываются на основе переменных, описывающих различные черты режима: 1) механизмы рекрутирования исполнительной власти; 2) уровень конкуренции в процессе рекрутирования исполнительной власти; 3) степень открытости процесса рекрутирования исполнительной власти; 4) ограничения в отношении исполнительной власти; 5) механизмы регулирования политического участия; 6) соревновательность политического участия (возможности доступа в институциональные структуры с целью выражения своих интересов для тех, кто не входит в политическую элиту). Для каждого изучаемого случая создается отдельный отчет, где указываются обобщенный индекс политики, показатели демократии и автократии, а также показатели по всем перечисленным выше переменным. Индексы политики рассчитываются на каждый год с 1800 г. (для государств, возникших позднее, – с момента обретения независимости) [11].

Одними из наиболее известных являются индексы, разработанные неправительственной организации «Дом Свободы». На сегодняшний день, реализуются четыре проекта, два из которых, посвящены измерению демократии. Одним из первых был индекс «Свободы в мире», исследующий уровень политических прав и гражданских свобод. Зачастую этот индекс используется для оценки уровня демократичности и проведения различий

между реальной и формальной демократией. Методологию и методику подсчета предложил Р. Гастил. В его основе находится перечень политических прав (10 позиций, включающих электоральный процесс; политический плюрализм и участие; функционирование органов государственной власти) и гражданских свобод (15 позиций, включающих свободу выражения мнения и веры; свободу создания ассоциаций и организаций; верховенство закона; личную автономию и индивидуальные права). Первоначально перечень прав и свобод оценивается по четырехбалльной шкале для каждого пункта, затем используется семибалльная шкала, баллы из которой выставляются отдельно по спискам политических прав и гражданских свобод в зависимости от количества баллов, выставленных на основании первоначальной шкалы. При этом считается, что 7 баллов – показатель наименьшего уровня прав и свобод, а 1 балл – наибольшего. Затем оценки политических прав и гражданских свобод суммируются, а страны на их основании ранжируются, исходя из показателей: 1–2,5 — свободные страны; 3,0–5,0 — частично свободные страны; 5,5–7 — несвободные страны. В оценивании участвуют около пятидесяти экспертов, используются материалы СМИ, данные неправительственных организаций, исследовательских центров (включая проводимые ими социологические опросы) [12].

Второй проект «Переходные страны» ориентирован на анализ политических трансформаций в странах Центральной и Восточной Европы и в государствах бывшего СССР. По утверждению, авторов, в нем оценивается не столько деятельность правительств или законодательных органов, сколько положение в области реализации прав и свобод индивида. При этом подчеркивается, что рейтинги, разработанные в рамках проекта, не отражают всей полноты ситуации в отдельно взятой стране, а лишь позволяют делать общие выводы об уровне развития демократии, результатах реформ в разных странах и прослеживать долгосрочные тенденции политического развития. Основное внимание фокусируется на: 1) электоральном процессе; 2) гражданском обществе; 3) независимости СМИ; 4) демократичности власти на национальном уровне; 5) демократичности власти на местном уровне; 6) независимости судебной системе; 7) коррупции. Формирование рейтинга является результатом консенсуса между сотрудниками организации и авторами страновых обзоров. Минимальный шаг по данной шкале составляет 0,25 балла, причем за один год показатели страны редко меняются более чем на балл. Как и в предыдущих случаях, оценка в 7 баллов – показатель наименьшего уровня демократического развития, а 1 балл – наибольшего. Исследуемые страны подразделяются на: консолидированные демократии (1–2 балла); частично консолидированные демократии (3 балла); переходные или гибридные режимы (4 балла); частично консолидированные авторитарные режимы (5 баллов); консолидированные авторитарные режимы (6–7 баллов) [13].

Индекс демократии в посткоммунистических обществах предложил К. Херпфер в рамках программы «Барометр новых демократий». Применение

этого индекса, по мнению автора, позволит измерить в процентном отношении степень демократизации общества на индивидуальном уровне в процессе преобразования недемократических режимов в демократические. Он исследовал поддержку и готовность к принятию демократических принципов населением как формы режима. В основе индекса лежит опрос населения по 9 позициям, позволяющим, определяют тех, кого можно отнести к категории «демократы». К. Херпфер считает, что если в конкретном обществе более 60% населения составляют «демократы», то можно говорить о консолидированной демократии. Если в обществе свыше 40% населения идентифицировали себя как «демократы», тогда демократия в процессе становления. Общества с долей «демократов» менее 40% являются трансформирующимися и демократия для них – лишь один из вариантов развития [14]

Индекс трансформации Бертельсмана (ИТБ) разработан частным фондом в Германии, основанным в 1977 г. Фонд совместно с Центром исследования прикладной политики, французскими и немецкими учеными проводит сравнительный анализ уровня развития демократии и рыночной экономики, а также качества политического управления в 119 странах. Индекс состоит из двух компонентов – статусного и управленческого. Первый отражает степень продвижения государств к демократии и рыночной экономике. Наилучшие показатели имеют те страны, где наиболее эффективно функционируют институты демократии и рыночной экономики. Показатель каждой страны рассчитывается как среднее арифметическое двух числовых показателей, характеризующих прогресс в области а) политической трансформации и б) экономической трансформации. Успешность политической трансформации определяется на основе таких критериев, как: 1) суверенность, 2) политическое участие, 3) верховенство закона, 4) стабильность демократических институтов, 5) политическая и социальная интеграция. При анализе экономической трансформации учитываются: 1) уровень социально-экономического развития страны, 2) структура рыночных и конкурентных процессов, 3) валютная и ценовая стабильность, 4) уважение прав частной собственности, 5) уровень всеобщего благосостояния, 6) устойчивость экономической системы. Второй компонент – индекс управления - оценивает качество управления в стране. Он высчитывается исходя числовых показателей уровня и сложности управления, на основе анализа таких факторов, как: 1) способность политических акторов к маневрированию и достижению консенсуса, 2) ресурсная эффективность, 3) взаимодействие с внешней средой. Уровень сложности подсчитывается на основе следующих индикаторов: 1) структурные условия, 2) традиции гражданского общества, 3) интенсивность конфликтов, 4) уровень образования населения, 5) экономические показатели страны, 6) роль институтов [15].

В 2007 г. российскими политологами из МГИМО под руководством профессора А.Ю. Мельвиля, была разработана система под названием «Политический атлас современности», позволяющая проводить количественные сравнения разных стран. Ядром проекта было построение

рейтинга стран на основе пяти комплексных индексов: Одним из них является индекс институциональных основ демократии (ИИОД). В его основу положены базовые параметры демократического правления Р. Даля: соревновательность и включенность. По мнению авторов, их можно измерить, учитывая такие показатели, как: 1) возраст непрерывной минимальной электоральной традиции, 2) специфика парламентской конкуренции, 3) уровень конкуренции при формировании исполнительной власти, 4) включенность граждан в избирательный процесс, 5) доля женщин в нижней палате парламента. Исследователями впервые вводится показатель возраста непрерывной минимальной электоральной традиции, фиксирующий укорененность в обществе традиции конкурентных выборов. Он исчисляется количеством лет, в течении которых регулярно проводились минимально конкурентные выборы в государствах. В случае возникновения новых государств отсчет ведется с первых минимально конкурентных выборов. Гражданские войны, перевороты и др. трактуются как нарушения регулярности, подрыв традиции и отсчет ведется с момента первых конкурентных выборов после окончания войны или конфликта. Характер парламентской конкуренции рассчитывается как % мест, полученных в результате последних выборов всеми партиями, за вычетом доли партии-победителя. Уровень конкуренции при формировании исполнительной власти рассчитывается как доля голосов, полученных проигравшими кандидатами в решающем туре президентских выборов (если формирование правительства зависит от президентских выборов) или как доля мест в парламенте партий, не участвующих в формировании правительства (если формирование правительства зависит от парламентских выборов). Включенность граждан в избирательный процесс рассчитывается как соотношение размера избирательного корпуса и общей численности населения. При разработке индекса учитывались и факторы укрепления /ослабления институциональных основ демократии: непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны; отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти; нарушения конституционного порядка (перевороты, гражданские войны, оккупация и др.); нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд; влияние парламента на формирование правительства. Источниками выступают данные, преимущественно статистического характера: энциклопедия «Выборы во всем мире», информационная база Межпарламентского союза «PARLINE Database», данные проекта «Polity IV», национальная электоральная статистика, сообщения международных информационных агентств и др.[16]

Таким образом, совершенствование техники измерения существующих индексов и появление новых, свидетельствует о дальнейшем развитии метода индексирования в сравнительной политологии. Несомненными достоинствами индексов является их интегративность, позволяющая переходить на более высокий уровень обобщения, делать более обоснованные выводы, изучать динамику развития демократий и выявлять уровень значимости ее

детерминант.И, несмотря на методологические различия, индексы демократии зачастую согласуются друг с другом, нежели противоречат. Более того, анализ индикаторов, используемых в сравнительных исследованиях, показывает эволюцию в этой области как с точки зрения все большей близости используемых методик, так и с точки зрения большей их точности и обоснованности. Однако, несмотря на все многообразие индексов ученые – компаративисты все же отмечают ряд существующих проблем: упрощенность понимания сути политических процессов; надежность и обоснованность процедуры шкалирования (измерения или оценки); «вес» и значимость отдельных показателей; неполнота информации по отдельным странам или ее непрозрачность [17]; концептуализация демократии [18]: одномерность шкалирования стран; нормативный характер сравнений; подбор экспертов и ангажированность экспертных оценок [19]; субъективность интерпретаций [20] и т.д. Решение этих проблем позволит совершенствовать процедуру индексирования, избежать линейности ранжирования стран и создать многомерные классификационные модели и типологии, учитывающие особенности развития демократии на глобальном и национальном уровнях.

Ссылки и примечания:

1. Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах/ О.В. Попова // ПОЛИТЭКС (POLITEX: Политическая экспертиза). 2009. № 1. С. 271.
2. Митрохина Т.Н., Баскакова Ю.М. Индексный анализ в сравнительной политологии/Т.Н. Митрохина, Ю.М. Баскакова//Современное общество: человек, власть, экономика. Саратов, 2002. С.112.
3. Сморгун Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии/ Л.В. Сморгун. СПб: Изд-во «СПбУ», 1999. С. 154.
4. Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах/ О.В. Попова // ПОЛИТЭКС (POLITEX: Политическая экспертиза). 2009. № 1. С. 273.
5. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств/Под руководством А.Ю. Мельвиля. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С.26.
6. Антонович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии.- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/94359>.
7. Там же.
8. Сморгун Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии/ Л.В. Сморгун. СПб: Изд-во «СПбУ», 1999. С. 194.
9. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств/Под руководством А.Ю. Мельвиля. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С.35.

10. Антонович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии.- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/94359>.
11. Миронюк Н.Г., Тимофеев И.Н., Ваславский Я.И. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа.- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://old.politstudies.ru/fulltext/2006/5/4.htm>.
12. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств/ Под руководством А.Ю. Мельвиля. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С.59.
13. Там же. - С. 62.
14. Херпфер К. Новый индекс демократии. Демократизация общественности в пятнадцати государствах Европы (1991-1998)/ К. Херпфер//Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 3. С.129.
15. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств/Под руководством А.Ю. Мельвиля. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2007. С.46 - 47.
16. Там же. С.159 -160.
17. Попова О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах/О.В.Попова//ПОЛИТЭКС (POLITEX: Политическая экспертиза). 2009. № 1. С. 275.
18. Сморгун Л.В. Сравнительная политология: теория и методология измерения демократии/ Л.В. Сморгун. СПб: Изд-во «СПбУ», 1999. С. 57.
19. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств/ Под руководством А.Ю. Мельвиля. М.: Изд-во «МГИМО Университет», 2007. С.11, 23
20. Антонович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии.- [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/94359>.

УДК 314:93/94

Д. Е. Муза

*доктор философских наук,
ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»
e-mail: dmuz@mail.ru*

Ю. А. Скворцов

*старший преподаватель,
ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»
e-mail: Uriy162@gmail.com*

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация

В статье рассмотрены теоретические и методологические принципы применения количественных методов при изучении миграции населения. В нашем случае миграция населения рассматривается как региональный исторический показатель.

***Ключевые слова:** миграция населения, статистические показатели, общестатистические методы, государственная статистика, коэффициенты миграции.*

Summary

The article examined the theoretical and methodological principles of the application of quantitative methods in the study of population migration. In our case, population migration is considered as a regional historical indicator.

***Keywords:** population migration, statistical indicators, general statistical methods, state statistics, migration rates.*

История как наука сопряжена с социологией и социальной статистикой, получая от этих наук результирующие показатели социальных изменений. Данный пункт является принципиальным и в деле изучения региональной истории. В нашем случае – истории Донбасса.

С конца 80-х – начала 90-х годов миграция населения приобрела глобальный характер, большинство стран морового сообщества были включены в этот глобальный процесс. Для Донбасса это явилось одним из социальных последствий реформ 90-х годов XX в. Преображение социального и экономического пространства бывшего советского союза способствовало становлению Донбасса в качестве одного из центров эмиграционных потоков,

что подтверждается фактом сокращения жителей региона за период 1992-2014 гг. на 977.158 чел. [1].

На сегодняшний день вопрос миграции населения является одной из самых актуальных проблем. Причинами миграции населения на Донбассе в настоящее время являются: сложная экономическая ситуация, проведение боевых действий, недостаток рабочих мест, которые гарантировали бы гражданам достойный заработок, низкая мотивация легальной занятости и, как результат, проблема адекватно оплачиваемой работой. В таких условиях растет необходимость всестороннего и глубокого исследования миграции населения.

Опыт наблюдений за миграционными процессами свидетельствует, что они формируются в условиях действия множества разных случайных факторов.

Многофакторность социально-экономических процессов в стране, сложность связей при их образовании, недостаточность информации о масштабах миграции населения создают определенные трудности при регуляции и управлении данным процессом. Все это представляет новые, более сложные задачи перед статистической наукой и обуславливает необходимость статичного подхода к оцениванию миграционных процессов.

Возрастание интенсивности миграционных процессов вызывает временные, циклические и возрастные перемещения значительных масс населения, возникновению и распространению устойчивых межнациональных общин. Они представляют особые социальные группы, чья идентичность не определяется каким-либо конкретным территориальным образованием. Как отмечает В.Н. Юдина [6], в глобализирующемся мире миграция становится одной из наиболее действенных движущих сил, формирующих социальный ландшафт наступившего века. С одной стороны, миграционные процессы сегодня есть результат вступления отдельных сообществ и национальных экономик в глобальные отношения, с другой стороны – они могут рассматриваться в качестве побудителей дальнейших социальных преобразований как в странах приема, так и странах выезда [7].

В связи с этим возрастает потребность в многоаспектном и многоуровневом познании как механизмов, так и тенденций миграции населения, что обуславливает большое внимание к этой проблеме представителей многих наук. Эту проблему изучают в первую очередь демографы, а также социологи, социальные психологи, политологи, социальные антропологи и другие. Среди социологов данной проблемой в ее разных аспектах занимались Г.С. Денисова, А.Г. Здравомыслова, С.Ю. Барсукова и другие.

Для исследования миграции населения важное значение имеет определение социально-демографических характеристик мигрантов, изучения количественных и структурных миграционных процессов, и интенсивности их развития методами статистики.

Миграция населения исследуется с помощью системы статистических показателей, каждый из которых раскрывает преимущественно ту или другую

сторону явления.

Существуют общенаучные методологические принципы исследования народонаселения, единственные для всех конкретно исследуемых проблем и областей знаний, в рамках которых этот анализ проводится. Такими принципами являются:

- ориентация на международные стандарты при формировании первичной информации, использования классификаторов и группирований, определенных алгоритмов расчетов показателей, построение демографических моделей (что не исключает специализации методологии на национальном уровне и определения путей ее совершенствования);
- соблюдение требований достоверности информации;
- расширение области применения и совершенствования компьютерных технологий на всех этапах работы с демографической информацией;
- исследование причин и следствий демографических процессов, взаимосвязей между демографическими и социально-экономическими явлениями [5].

Статистика населения, как одна из областей статистической науки опирается на комплекс методов, среди которых можно выделить общенаучные, общестатистические и специфические.

К общенаучным методам принадлежат методы, разработанные философией, а именно: диалектический, логический и методы системного подхода и системного анализа.

К общестатистическим методам относятся те методы, которые разработаны общей теорией статистики, это в первую очередь метод статистического наблюдения. Именно демографическая статистика разработала теорию и практику специально организованных периодических наблюдений – переписей населения, непрерывного наблюдения естественного и миграционного движения населения путем текущей регистрации и ведения реестров и автоматизированных картотек населения. Кроме этого, к общестатистическим методам относят: метод статистических группирований и расчеты показателей интенсивности – демографические коэффициенты [4].

Также к общестатистическим методам принадлежат многочисленные системы обобщающих показателей, которые выражены абсолютными, относительными и средними величинами, которые используются при анализе распределений, динамики, индексно-факторного анализа и тому подобное.

Статичный подход изучения миграционных процессов позволяет сопоставить отдельные и обобщающие показатели миграции населения во времени и пространстве, то есть отобразить закономерную связь количественной и качественной стороны этого сложного процесса.

Статистический подход к оцениванию миграционного процесса, позволит выяснить механизм его действия, выявить факторы, которые влияют на формирование миграции населения, определить основные направления

развития. Комплексное статистическое оценивание миграционного процесса должно быть направлено на обеспечение социально трудовых превращений и уменьшение масштабов миграционных процессов [4;5].

Основной источник сведений о миграции населения – государственная статистика, которая включает текущий учет миграции материалы переписи населения; кроме того, организуются выборочные обследования, цель которых, как правило – выяснить мотивы перемещений.

Для анализа миграции населения кроме использования абсолютных данных, которые характеризуют численность населения соответствующих территорий, применяются и относительные показатели, которые характеризуют интенсивность и структуру миграции, общий уровень подвижности населения территорий, масштабы, структуру, направления и результативность миграционных потоков за разные периоды. Эти показатели рассчитывают отдельно за потоками прибытия, выбытия и миграционного прироста.

Наиболее значимый показатель уровня миграционной подвижности – количество переселений за весь прожитый период жизни у лиц определенного возраста или населения в целом. Показатели фактической миграции (переселений) распределяются на три группы: общие, которые характеризуют отчетные для территории миграционные процессы; специальные (структурные), которые характеризуют миграцию конкретных социально – демографических групп, а также показатели межрайонного (между территориального) обмена, которые характеризуют миграционные связи между конкретными территориями миграционного обмена. Они состоят из показателей мощности, интенсивности и результативности миграции.

Данные государственной статистики позволяют исследовать, с одной стороны, миграционные процессы, а с другой – совокупность мигрантов. Миграционные процессы количественно характеризуются объемом миграции, ее интенсивностью, размером и направлением миграционных потоков. К общим абсолютным показателям объема миграции принадлежат: валовая миграция и сальдо миграции [4;5].

Отдельно определяются показатели интенсивности миграционных процессов и подаются в промилле. Они позволяют оценить уровень подвижности населения конкретной территории, а также сравнить между собой уровни подвижности разных по рангу и величине регионов, выявить динамику миграционного движения независимо от изменения численности населения и предусмотреть изменения данных тенденций в будущем. Однако использование этого показателя ограничено тем, что его величина зависит не только от интенсивности миграционных связей того или другого региона, а также от миграционной емкости региона вселения и миграционной возможности региона выхода, следовательно, данные невозможно использовать с 100% вероятностью и при анализе необходимо использовать дополнительные данные.

Одной из основных характеристик миграционных процессов есть ее результативность. Результативность миграции равняется отношению числа

выбывших к прибывшим. Существует числовая характеристика, которая называется коэффициентом результативности миграции. Обычно этот показатель определяется при расчете на 1000 прибывших и может быть рассчитан как общий, так и международный.

Общие коэффициенты миграции вычисляют относительно всего населения. Это коэффициенты: прибытия и выбытия, подвижного (валовой миграции) и миграционного прироста. Специальные коэффициенты рассчитываются для отдельных групп, составных миграционных потоков, поскольку показатели миграции прямо зависят от состава мигрантов, например, вековые коэффициенты интенсивности миграции рассчитываются как соотношение числа мигрантов соответствующего возраста к средней численности населения этого возраста в регионе выхода или вселения. Подобно рассчитываются и другие коэффициенты, такие как: отношение количества мужского и женского населения к общему количеству, процент работоспособного населения, неработоспособного, и тому подобное.

Частичные коэффициенты миграции определяют отдельно для каждой группы мигрантов.

Общественные явления непрерывно изменяются, развиваясь в пространстве и времени. В течение определенного времени изменяется численность населения в результате миграции. В этом контексте большое значение играют ряды динамики. Определение динамики миграционных процессов – одно из главных заданий статистики.

Для всестороннего анализа миграции население применяет индексный метод, показатели вариации, корреляционно-регрессионный анализ, кластерный анализ, прогнозирование часовых рядов.

Индексный метод анализа позволяет решать целый комплекс задач и охарактеризовать ряд показателей относительно формирования миграционных потоков. Находят свое приложение территориальные индексы, индексы соотношений, качественных оценок и другие. При изучении структурных факторов значительную роль играет система индексов переменного, фиксированного состава [4;5].

Вопросы регуляции и прогнозирования миграции населения требуют использования методов корреляционно-регрессионного анализа, метода главных компонент, кластерного анализа и методов многомерного анализа. Кроме того, при анализе и прогнозировании данных процессов применяются методы экспертных оценок, рейтинговое оценивание.

Стихийный характер миграций населения позволяет использовать некоторые методы статистического и эконометрического моделирования, собственно тренды и регрессионные уравнения. Применяя эти методы, выявляют силу и направление влияния разных факторов на формирование миграционных процессов.

Анализ взаимосвязи между показателями миграции населения осуществляется путем оценки корреляционной связи и построения регрессии.

Регрессионная модель описывает объективно существующие между явлениями корреляционные связи. На практике преимущество отдают моделям, которые являются линейными или приводятся к линейному виду путем превращения переменных.

Таким образом, основа статистических методов изучения миграции заключается в непосредственной регистрации каждого отдельного случая передвижения, как в месте выбытия мигрантов, так и в месте их прибытия. То есть, определяется число прибывших и выбывших за конкретный период, состав мигрантов и направления миграции. Используются также косвенные расчетные методы – например, с помощью показателя естественного движения населения можно рассчитать сальдо миграции за определенный период на отдельной территории путем вычитания естественного прироста из общего прироста населения. Другой метод основывается на регистрации места рождения каждого лица при проведении переписей населения. При сопоставлении данных о местах рождения и проживания определяется численность неместных уроженцев, которая косвенно характеризует сальдо миграции. Хозяйственный метод учета населения сельской местности позволяет рассчитать сальдо миграции сельского населения. Косвенные методы расчета размеров и направлений миграции предполагают использование материалов статистики труда и транспортной статистики. К статистическим методам изучения миграции относятся также методы измерения миграции по данным о продолжительности проживания в определенном месте, о предыдущем месте жительства, методы расчета коэффициента дожития и изучения миграции из сельской местности в города. Применяются методы выборочного статистического изучения безвозвратной и возвратной (сезонной, маятниковой) миграции. При репрезентативности выборки полученные результаты распространяются на всю совокупность объектов [2;4].

Для углубленного изучения миграции привлекаются математическая статистика (дисперсионный и корреляционный анализ, теория выборки, расчет динамических рядов и относительных величин и др.), теория игр, моделирование, системный анализ и др.

Социологические методы изучения миграции призваны выявить факторы миграции населения, ее потенциальные резервы, механизмы и движущие силы.

При выборе тех или иных методов необходимо учитывать территориальные особенности, направление и формы миграционных процессов. Этот выбор определяется программой исследования, задачами и целями, основными гипотезами, характером единиц непосредственного изучения (мигранты, предприятия, населенные пункты и др.) [2;4].

Любое исследование миграции населения начинается с определения единиц обследования, которое может быть сплошным или выборочным. Сбор первичной информации осуществляется посредством наблюдения, изучения документов, опроса. Метод наблюдения, или прямой регистрации событий очевидцем, используется, например, при изучении процессов миграции в

масштабах отдельной организации, при изучении маятниковой миграции. Метод изучения документов – сбор необходимой информации в различных формах статистической отчетности. Применяются интервьюирование и анкетирование мигрирующих [2;4].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что эффективность количественного статистического исследования миграций населения, во многом, зависит от уровня информационного обеспечения и умения использовать информацию в процессе принятия управленческих решений. Что касается управления экономикой, то оно требует полной, достоверной информации о формировании и масштабах миграций населения, использование которой пользователями порождает новую информацию. Кроме этого для анализа миграционных процессов должны применяться не только количественные показатели, но и качественные и другие подходы, так как анализ миграционных процессов не может быть сведен к ранжированию территорий по значениям показателей миграции и установлению того, где сальдо с минусом или с плюсом, где его величина, как и коэффициенты интенсивности, больше или меньше. Дело в том, что повышенный отток населения в одних районах ведет к негативным последствиям в них, тогда как в других – к позитивным. Именно поэтому важнейшим методологическим принципом ситуационного анализа миграций является концептуальный подход, т.е. выявление разнообразия миграционных проблем и их классификация по административно-территориальным образованиям.

Ссылки и примечания:

1. Государственный комитет статистики Украины. Сборник: Численность наличного населения Украины на 1 января 2014 года. Киев 2014.
2. Демографический понятийный словарь / Под ред. А. А. Рыбаковского; Центр социального прогнозирования. М., 2003. С.229 – 230;
3. Денисенко М.Б. Демография: учебн. пособ. / М. Б. Денисенко, Н. М. Калмыкова. М.: ИНФРА М, 2007. 424 с.
4. Народонаселение: Энциклопедический словарь /Под ред. Г.Г. Меликьян. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С.228.
5. Официальный сайт Центра демографии и экологии человека: www.demoscope.ru [электронный ресурс] URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0717/index.php>
6. Юдина Т.Н. Социология миграции: Учебное пособие для вузов. / Т.Н Юдина – М: Академический Проект, 2006. 272 с.
7. Юдина Т.Н. О социологическом анализе миграционных процессов / Т.Н Юдина// Социологические исследования. 2002. №10. С 1-16.

Статистические источники в исторической науке

УДК 93(47)+314

А. В. Баранов

доктор исторических наук, доктор политических наук,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар РФ
e-mail: baranovandrew@mail.ru

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ И СОСЛОВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАЧЕСТВА НА ЮГЕ РОССИИ В 1920-х гг.

Аннотация.

В статье определены тенденции этнодемографического развития казачества на Юге России в 1920-х гг. Сравниваются результаты переписей населения 1897, 1920 и 1926 гг. Установлены факторы изменений этнической и сословной идентичности казаков и крестьян Юга России. Подвергнута критике политика «украинизации» Дона и Кубани. Аргументируется добровольный и ненасильственный характер принятия русского самосознания казаками Юга России.

Ключевые слова: статистические источники, казачество, Юг России, этническая и сословная идентичность, 1920-е гг.

Summary

The paper outlines the trends in the ethno-demographic development of the Cossacks in the South of Russia in the 1920s. The results of the population censuses of 1897, 1920 and 1926 are compared. The factors of changes in ethnic and estatalidentity of Cossacks and peasants of the South of Russia are established. Criticized the policy of “Ukrainization” on the Don and the Kuban regions. The voluntary and non-violent nature of the acceptance of Russian self-consciousness by the Cossacks of the South of Russia is argued.

Keywords: statistical sources, Cossacks, the South of Russia, ethnic and estatalidentity, 1920s.

Этнодемографические процессы в сообществах Юга России 1920-х гг. актуальны не только для историков и этнологов, но и для политологов. В научном сообществе бытуют мифы об этнодемографических процессах раннесоветского периода. Таковы мнения о том, что казачьи области Юга России этнически были едины с Украиной (С.В. Кульчицкий [1], Д.Д. Белый [2]). Характерно повторение данного мифа некоторыми российскими историками (А.М. Авраменко [3], В.К.

Чумаченко [4]). Как подтверждает поиск в сети Интернет, подобные мнения тиражируются некритически, не сопровождаются аргументированными доказательствами.

Цель доклада – дать оценку этнодемографических процессов в казачьих сообществах Юга России 1920-х гг. Именно в это время совершалась коренная ломка политического и этносоциального пространства бывшей Российской империи, складывались новые идентичности и проекты нациестроительства. Категория «Юг России» включает в себя исторически сложившееся пространство с преобладанием русской идентичности: Дон, Кубань, Терек, Ставрополье, Черноморское побережье. В 1920-х гг. его пределы часто менялись, административно входя в состав «Юго-Восточного края» (1920–1924 гг.), а позже Северо-Кавказского края РСФСР (1924–1930 гг.).

Эмпирическая основа работы включает в себя материалы переписей 1920 и 1926 гг., статистические обследования, наблюдения этнографов – современников событий, региональное законодательство. Самым достоверным источником являются материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Необходимо соблюдать методологические принципы: исторический подход к изучению этнических групп 1920-х гг. (нельзя отождествлять их с современными) и объективность. Идентичность определяется на основе парадигмы конструктивизма как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство субъективно переживаемой принадлежности индивидов к «своей» общности. Идентификация невозможна без сравнения сторон общения – «своих» и «чужих». Идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Группы и индивиды проявляют много видов идентичности, которые взаимосвязаны и «накладываются» (этническая, сословная, профессиональная и др.). Идентичность населения Юга России в целом – сложносоставная (по Е.В. Морозовой), в ней неразрывно слиты разнопорядковые идентификационные признаки [5]. Категоричные оценки идентичности сообществ только как сословной или этнической, русской либо украинской малополезны. Нужно учитывать историзм самосознания. Система идентичностей динамично менялась под воздействием краткосрочных условий. Субъектами конструирования идентичности выступают органы государственной власти, а проводниками («агентами») распространения – интеллигенция, институты среднего и высшего образования, средства массовой информации, но не само сообщество в целом.

Мы учитываем положения и выводы современных исследователей – Е.Ю. Борисенок [6], В.А. Матвеева [7], С.Я. Суция [8], которые рассматривали вопрос на южнороссийском материале. Проблемы «украинизации» на Кубани в 1923-1932 гг. глубоко анализируются в монографиях И.Ю. Васильева [9] и И.Г. Иванцова [10].

Исследование этнодемографических процессов 1920-х гг. на Юге России затруднено частыми переключками административных границ. Поэтому мы систематизируем сведения о территориальных изменениях, чтобы обеспечить сопоставимость статистики разных лет. В 1920–1921 гг. советские органы

управления урезали территорию Донской области. К Украине отошли: Таганрогский округ, южная часть Донецкого и северная часть Черкасского округов, ст-ца Екатерининская Первого Донского округа. К Царицынской губернии присоединили Хоперский и Усть-Медведицкий округа, 2/3 земель Второго Донского округа. Население в урезанных пределах Донской области сократилось с 3876,0 до 1521,0 тыс. чел. за 1914–1922 гг. [11] В Калмыцкую область передан Большой Дербетовский улус Ставропольской губернии. В состав Дагестанской АССР – Хасавюртовский округ Терской области с населением 83,2 тыс. чел. [12]. Абхазия получила Пиленковскую волость Черноморской губернии. В итоге население Юга России за 1914–1921 гг. сократилось с 9603,4 до 6909,3 тыс. чел. [13]. Пределы сообщества частично восстановлены в 1924 г., когда Украина вернула в состав Северо-Кавказского края РСФСР 16493,9 км² с населением 421,9 тыс. чел. [14]. По переписи 1926 г. Северо-Кавказский край имел население 8364 тыс. чел. Еще 713 тыс. чел. проживали в округах, в 1921 г. переданных от Донской области в состав Царицынской губернии по мотивам «расказачивания» [15]. И так, за 1922–1926 гг. примерно восстановилась довоенная численность населения края в сопоставимых границах.

Второе важное обстоятельство, редко учитываемое в историографии – степень достоверности текущего учёта населения. Дореволюционное состояние демографии наиболее объективно отражено в материалах Центрального статистического комитета на 1 января 1914 г. Как отмечал В.Н. Ратушняк, отчёты наказных атаманов областей, статистические ежегодники не дают полного представления о динамике населения [16]. Перепись 28 августа 1920 г. смогла охватить лишь территории, где прекратилась Гражданская война. В целом по РСФСР было учтено более 70% жителей, а в Кубано-Черноморской области – 61% [17; 18]. Среди методов переписи были малодостоверные: опрос родственников и соседей, подсчёт по головам. М.Ю. Макаренко сделала вывод о неполноте сведений о рождаемости и смертности в Кубано-Черноморской области за 1920–1923 гг. [19]. Наиболее объективны материалы городской переписи 1923 г. и всеобщей переписи 1926 г., дающие научно обоснованную и целостную характеристику населения. Но изменения критериев группировки (отличий города от села, этнической принадлежности) затрудняют сравнение показателей за 1924–1929 гг. Гнездовые обследования, проводимые партийными органами, несопоставимы из-за различий произвольно выбранных показателей.

Тема этнодемографических процессов на Юге России подвергается предвзятым трактовкам, что вызвано современными политическими, а не научными мотивами [20]. Во-первых, в научной литературе преуменьшается этнокультурная неоднородность Юга России. Этим снимаются препятствия для фантазий М.С. Грушевского об украинстве всего Дона, Кубани, Ставрополья и Терека [21]. Область Войска Донского была всецело русскоязычной (на южных наречиях). Кубанская область складывалась из трех разнородных ареалов: бывшей Черномории (степного правобережья Кубани к западу от Лабы) с преобладанием малороссийского субстрата; земель линейных казаков – великорусских выходцев

из черноземных губерний и Дона (по верхнему течению рек Кубани и Лабы); Закубанья и Черноморского побережья (русско-малороссийского синтеза). На Тереке и в Ставрополье украинское самосознание в 1920-х гг. весьма мало распространено, как и в горских местностях [22].

Во-вторых, оппоненты русской идентификации сообществ региона часто ссылаются на Всесоюзную перепись населения 1926 г., давшую численность «украинцев» Северо-Кавказского края РСФСР в 3107 тыс. чел. (в 1897 г. – 1271 тыс. чел.) [23; 24]. Но никакой реальной демографический процесс не мог дать подобный итог. Перед нами – лишь манипулирование цифрами. В переписи 1897 г. за основу этничности взят «родной язык», в переписи 1920 г. – личная самооценка респондента, а в 1926 г. – происхождение родителей. Именно этот «сбой» методики подсчетов и дал снижение удельного веса русских на Дону с 92,9 до 45,9% за 1920–1926 гг., а в Кубано-Черноморской области – с 79,7 до 33,4% [25]. Более объективны сведения о лицах, считавших русский язык родным и основным в общении. Удельный вес этого слоя в 1926 г. (62,9%) резко превышал в Северо-Кавказском крае процент русских по происхождению (45,9%). Из 3,1 млн. украинцев по происхождению в Северо-Кавказском крае 1 млн. чел. (32,3%) считали родным русский язык [26].

При исследовании источников следует учитывать важнейший фактор – несовпадающее понимание идентичности составителями статистических программ и самим опрашиваемым населением. Этническая и социальная идентичность общностей меняется медленнее, чем идеологические установки партийных и государственных органов. Партия большевиков не имела научно обоснованных представлений об этнической структуре и меняла их в зависимости от обстоятельств.

Приведенные сведения подтверждают интенсивную и быструю ассимиляцию украинцев на Юге России. Пространственное распределение ассимиляции (по переписи 1926 г.) позволяет выделить урбанизацию, степень удаления от территории Украины, проживание в горских местностях как факторы добровольной русификации. Например, 83,9% обрусевших украинцев – горожане. 72,6% украинцев по происхождению, живших в горских автономиях с преобладанием исламского населения, осознавали себя русскими. В пограничном с Украиной Донецком округе сменили язык общения 8,3% украинцев, в Кубанском округе – 16,3%. Сравним этот показатель с удаленными от Украины Сунженским округом (99,0%) и Ставропольским округом (84,6%). Территориальный анализ ассимиляции украинцев, основанный на переписи 1926 г., позволяет сделать вывод о высоком сходстве этнических процессов среди казаков и всех жителей края. Так, в Армавирском округе удельный вес украинцев по происхождению – 32,9% всего населения и 24,7% казачьего; в Кубанском округе – соответственно, 61,5 и 77,4%; в Донском округе – 44 и 48,3%. Средний процент лиц украинского происхождения, считавших русский язык родным, в 1926 г. составил 32,3% среди всех жителей Северо-Кавказского края этой этничности, в т.ч. 30,7% среди казаков украинского происхождения [26].

Всё население бывших казачьих областей (Донской, Кубанской и Терской) составляло 6744,4 тыс. чел. (по переписи 1926 г.), в том числе 78,1% – сельское. Казачество в данном ареале насчитывало 2120,4 тыс. чел. (40,3% сельского населения), и к эти цифрам следует добавить 750 тыс. казаков верхнедонских округов, земли проживания которых искусственно были переданы к 1921 г. в состав Сталинградской губернии [27]. Таким образом, к концу 1926 г. восстановилась дореволюционная численность казачества Юга России.

Принятие казаками Юга России русской идентичности в 1920-х гг. происходило именно добровольно, так как в это время ВКП(б) и органы государственной власти вели курс «украинизации» края даже в местностях с преобладанием русских. Архивные данные и работы Е.Ю. Борисенок, В.А. Матвеева, И.Ю. Васильева, И.Г. Иванцова подтверждают чуждость даже в Кубанском округе украинского литературного языка [6; 7; 9; 10]. Местные жители говорили на «кубанській мове» - обыденном наречии, смеси русского и украинского языков. Они не понимали насаждаемого украинского литературного языка и предпочитали литературный русский как язык городской культуры и власти [28]. Тем более была чуждой украинизация в ареале донского и терского казачества, где она ассоциировалась с «иногородними» [29].

Идентичность казаков определялась их жизненным укладом. В 1920-е гг. сохранялась земельная община, хотя власть упразднила ее сословную замкнутость и привилегии. Доминировала занятость в сельском хозяйстве. Горожане составляли в 1926 г. 153,6 из 2302 тыс. (6,7%) казаков всего Северо-Кавказского края, а среди всех жителей – 18%. Сельскохозяйственные занятия оставались основными для 98% казаков Кубанской области, а среди всего населения – 85% [15]. Основой самосознания казачества было неразрывное сочетание профессиональной воинской службы, общинного землепользования и религиозности.

Важно сравнить особенности социальной структуры казачества и «иногороднего» русского крестьянства. Казаки зажиточнее, но среди них (в отличие от «иногородних») преобладали середняки. В первой половине 1920-х гг. сословная принадлежность не учитывалась, но тенденции расслоения можно выявить по Всесоюзной переписи 17 декабря 1926 г. и гнездовой переписи ЦСУ 1927 г. Многофакторная группировка хозяйств, проведенная Л.И. Лакизо, даёт структуру казачества: 17,4% бедняцких и батрацких, 77,3% середняцких и 5,3% «кулацких» семей. Состав «иногородних»: 48,29% бедняков и батраков; 46,41% середняков; 5,3% «кулаков» [30]. Именно среди казачества в наибольшей мере выражена тенденция «осереднячивания». Статистика профессионального состава подтверждает наибольшую традиционность казачества. Казаки – наименее урбанизированная группа. Рабочие в 1926 г. составляли только 3,2% самодеятельной части казачества [30]. Ликвидировав в 1920 г. сословность правовыми актами, советское государство ещё не могло реализовать «расказачивание» экономическими мерами. К 1925 г. казаки лишились лишь земель «нетрудового фонда», но сохраняло паевые наделы, весомо превышавшие

наделы «иногородних». Внутриселенное землеустройство было проведено только на 10-12% угодий трудового пользования [31].

Подведем итоги. Казаки Юга России (Дона, Кубани и Терека) сохраняли устойчивую уверенность в своём сословном единстве, отличающем их от остального населения. Официальная пропаганда «классового расслоения» принималась за выдумку власти. Хотя монархизм подорван за десятилетие войн и революций, идеал государства для казаков – в прошлом с его общинностью, православием, трудовой зажиточностью. Этим объяснялась стойкость этносословного единства казачества, замедленная его социальная дифференциация.

Среди донских и терских казаков доминировала великорусская идентичность. Кубанское же казачество в 1920-х гг. обладало двойной идентичностью, слабо выявленной тогдашними методами анализа. Линейцы, жившие на востоке края и в Закубанье, считали себя русскими. Черноморские казаки в степном Прикубанье считали себя одновременно русскими и малороссиянами, что было одним из вариантов региональной (территориальной) и субэтнической самооценки внутри триединой русской нации, разрушаемой тогда большевистской властью. Постепенно набирала силу добровольная ассимиляция малороссиян русскими, вопреки курсу властей в 1923–1932 гг. на бюрократическую «украинизацию». Обособленность казачества от «иногородних» и горожан поддерживалась в большей мере на сословной, а не этнической основе, в силу исторической памяти о привилегированном положении.

Ссылки и примечания:

1. Кульчицкий С.В. Курс – украинизация / С.В. Кульчицкий // Родина. М., 1999. №8. С.108-110.
2. Білий Д.Д. Українці Кубані в 1792 – 1921 роках. Еволюція соціальних ідентичностей / Д.Д. Білий. Львів; Донецьк: «Східний видавничий дім», 2009. 543 с.
3. Авраменко А.М. Третий сборник «Кубань – Украина» и некоторые проблемы кубанской украинистики / А.М. Авраменко // Кубань – Украина. Вопросы историко-культурного взаимодействия. Краснодар: ООО «Картика», 2008. Вып. 3. С.15-25.
4. Кубань – Украина: вопросы историко-культурного взаимодействия / Науч. ред. А.М. Авраменко, В.К. Чумаченко. Краснодар: ООО «Картика», 2007. Вып. 2. 249 с.
5. Морозова Е.В. Сложносоставная идентичность / Е.В. Морозова // Политическая идентичность и политика идентичности. М.: «РОССПЭН», 2012. Т. 1. С.102-104.
6. Борисёнок Е.Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы / Е.Ю. Борисёнок. М.: «Европа», 2006. 256 с.

7. Матвеев В.А. От Карпат до Кавказских гор? / В.А. Матвеев // Родина. 2001. №8. С.20-23.
8. Суций С.Я. Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества / С.Я. Суций. Ростов н/Д: ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2013. 154 с.
9. Васильев И.Ю. Украинский национализм, украинизация и украинское культурное движение на Кубани (вторая половина XIX – начало XXI века) / И.Ю. Васильев. М.: ИП Бурина А.В. («Традиция»), 2014. 336 с.
10. Иванцов И.Г. Украинизация Кубани в документах комиссий внутрипартийного контроля ВКП(б), 1920-е – начало 1930-х гг. / И.Г. Иванцов. Краснодар: «Альфа Принт», 2009. 99 с.
11. Юго-Восток: Справочник по Юго-Востоку России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев.статист. бюро, 1924. С.349-355.
12. Статистический справочник Юго-Востока России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев.статист. бюро, 1923. Вып. 2. С.10-11.
13. Там же. С. 8-17; Экономическая география Юго-Востока России. Ростов н/Д: Изд-во Юго-Вост. краев.статист. бюро, 1924. С. 144, 145.
14. Белевцов. Районирование Донской области / Белевцов// Юго-Восток. – Ростов н/Д, 1923. № 9. С.116.
15. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Окончательные итоги. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. Т. 3. С. 454; Т. 5. С.46-50.
16. Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века / В.Н. Ратушняк. Ростовн/Д: Изд-во Ростов.гос. ун-та, 1989. С.19, 20.
17. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза. 1922–1991 / Е.М.Андреев, Л.Е.Дарский, Т.Л.Харькова. М.: «Наука», 1993. С.8.
18. Население и хозяйство Кубано-Черноморской области. Краснодар: Изд-во «Буревестник», 1924. С.145.
19. Макаренко М.Ю. Население Кубани в 1920–1926 гг. (историко-демографический аспект). Дис. ... канд. ист. наук / М.Ю.Макаренко. Краснодар, 1997. С.48, 111-113.
20. Рева И. Украинцы на Кубани: отрезанный ломоть от хлеба? / И. Рева. URL: <http://www.exp21.com.ua/rus/special/81-5.htm>(дата обращения: 13.03.2013).
21. Грушевский М.С. Очерк истории украинского народа / М.С. Грушевский. Киев: Лыбидь, 1991. С.5.
22. Дружинин А.Г. Южнороссий регионогенез: факторы, тенденции, этапы / А.Г. Дружинин // Научная мысль Кавказа. Ростов н/Д, 2000. №2. С.79.
23. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1930. Т. IX. С.71-73.
24. Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1925. С.29.
25. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1930. Т. IX. С.70, 100, 34-35.

26. Казачество Северо-Кавказского края: Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д: Изд-во Сев.-Кав. краев. исполкома Советов, 1928. С.5-12.
27. Казачество Северо-Кавказского края. Итоги переписи населения 1926 г. Ростов н/Д, 1928. С.3-11.
28. Мирук М.В. Кубанское казачество и украинизация Кубани: опыт и уроки (1921–1932 гг.) / М.В. Мирук // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1996. С.172-175.
29. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: Очерки истории / А.П. Скорик, Р.Г. Тикиджьян. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С.88-125.
30. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Северо-Кавказский край. М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1929. Отд. 2. С.57, 202-203, 224-225.
31. Лакизо Л.И. Характеристика кулачества северокавказской деревни (По материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г.) / Л.И. Лакизо // Изв. Сев.-Кав. науч. центра высш. школы. Обществ. науки. Ростов н/Д, 1980. №4. С.60-61.
32. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф.7, оп.1, д.93, л.124,125,130,131.

УДК 672.86 (092)

Р. С. Бикметов

доктор исторических наук,

ФГБОУ ВО Кузбасский государственный технический

университет им. Т.Ф. Горбачева, г. Кемерово РФ

e-mail: brs.sait@mail.ru.

«КНИГА ПАМЯТИ ПОГИБШИХ ШАХТЕРОВ КУЗБАССА» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация

В статье рассматривается содержание многотомного регионального издания «Книга памяти погибших шахтеров Кузбасса» как исторического источника по истории развития угольной отрасли данного региона. Дается не только статистический анализ содержания издания как мартиролога, но и показаны возможные направления статистической обработки материалов производственного травматизма. Ценность издания характеризуется и публикацией документов по развитию угольной отрасли, находившихся ранее на хранении под грифом «секретно».

Ключевые слова: шахтеры, смертельный травматизм, документы, история, угольная промышленность.

© Бикметов Р.С., 2017

Summary

The article discusses the contents of the regional multi-volume edition of "the Book of memory of the lost miners of Kuzbas" as a historical source on the history of the development of the coal industry of this region. Given not only the statistical analysis of the content of publications as the martyrology, but also shows possible directions of statistical processing of materials of industrial injuries. The value of the edition is characterized by the publication of documents on the development of the coal industry, previously stored classified as "secret".

Keywords: *miners, fatal injuries, documents, history, coal industry..*

Начало экономическому развитию Кузбасса положило открытие и начало угледобычи как энергетического сырья для бурно развивавшейся железнодорожной транспортной сети страны в конце XIX века. Грандиозные изменения в развитии региона произошли в 30-е годы прошлого столетия. Масштабное шахтное и металлургическое строительство, повлекшее повсеместное возникновение шахтерских городов и горнорудных поселков, многократное увеличение угледобычи вывели Кузбасс в один из ведущих угледобывающих регионов СССР. Сегодня в Кемеровской области (самая небольшая территория Западной Сибири – всего то 95,5 тыс. кв. км.) добывается 55% общего объема добычи угля, свыше 80% – наиболее ценных коксующихся марок угля.

Объектом нашего внимания стало известное в Кузбассе многотомное издание. Первый ее том - «Книга памяти шахтеров Кузбасса, погибших на угольном производстве в период с 1941 по 1945 гг.», вышел в 1995 году, как аналог издаваемых в стране и регионе «Книг Памяти Великой Отечественной войны». Работа небольшой творческой группы энтузиастов переросла в самостоятельное, отраслевое издание. За 20 прошедших лет было подготовлено и издано 11 книг «Книги Памяти погибших шахтеров Кузбасса» (1 книга и 10 томов).

Во-первых, угольная отрасль промышленности одна из немногих, где основной процесс производства – угледобыча – сопряжена с опасными условиями для самого производителя: круто залегающие угольные пласты, работа на большой глубине, в замкнутом пространстве, в условиях недостатка кислорода и солнечного света, при наличии взрывоопасного газа метана. И как следствие, непомерно тяжелая цена за свет и тепло в наших домах – человеческие жизни. Создателям данного мартиролога в результате долголетней поисковой работы восстановить имена людей, погибших на угольных предприятиях региона за период с 1928 по 2011 гг.

Во-вторых, в советское время в условиях однопартийной тоталитарной системы из памяти людей старались вычеркнуть все, что не вписывалось в теорию и практику победно шагающего социализма. В центре внимания советского общества всегда были всероссийские рекорды по добыче угля и скоростной

проходке горных выработок, «маяки производства». Со страниц периодических изданий и экранов телевизоров не сходили имена шахтёров-рекордсменов. На постаменты славы была воздвигнута даже техника – молчаливый свидетель той эпохи. Ежегодно шахтёрские коллективы досрочно рапортовали о выполнении повышенных социалистических обязательств, в недрах земли продолжали гибнуть люди.

Имела место и практика сокрытия на производстве несчастных случаев со смертельным исходом во избежание должного наказания или в целях сохранения престижа и высоких производственных показателей.

Вся информация, характеризующая трагические страницы Отечественной истории, хранилась за семью печатями и была недоступна для исследователей. Не принято было публиковать даже обыденные некрологи о гибели шахтеров региона, и не было в Кузбассе проблемы шахтерских вдов и сирот. В советский период не принято было говорить и писать об этом. И никто тогда не задумывался над истинной ценой кузнецкого угля. Введение в научный оборот целого пласта ранее засекреченных документов и материалов позволило за парадным фасадом всесоюзных достижений увидеть реальную картину развития угольной отрасли региона.

В-третьих, в советской идеологии активно насаждался миф о строителях и романтиках, добровольно приехавших в регион на строительство и освоение недр Кузбасса. На практике же в угольной промышленности региона активно и масштабно использовался принудительный труд так называемого спецконтингента, находившегося на режимном положении административно-ссылных условиях.

В-четвертых, высокий профессионализм создателей данной книги. За время работы сложился творческий коллектив, занимающийся поисковой, научной, общественной работой, обладающий определённым научным потенциалом (3 доктора и 1 кандидат наук). Первоначально он включал в себя только историков и архивистов, занимавшихся поиском необходимой информации. Потребность в дополнительных профессиональных технических и медицинских консультациях в аналитической обработке полученных материалов значительно расширило состав исследовательского коллектива за счет горных инженеров, медиков, представителей горнотехнического надзора, музейных работников.

За 20-летний период совместной работы накоплен определённый опыт, сложились определённые подходы к вопросам производственного травматизма шахтёров Кузбасса. Издание книги получило широкую поддержку со стороны всей общественности региона. К поисковой работе активно подключились студенты нашего технического вуза и даже школьники, собирая материал о погибших шахтерах в рамках школьных микрорайонов.

В-пятых, перемены, происходящие сегодня в обществе, ограничение доступа к архивным документам для исследователей в целях защиты персональной информации, вынуждают их обращаться к страницам данного издания уже как исторического источника.

Авторским коллективом был собран и опубликован банк данных на 15811 человек, погибших на угольных предприятиях региона. Кузбассу. В нем содержится полная информация с указанием фамилии, имени, отчества, даты рождения, национальности, специальности, должности, участка, шахты, даты и обстоятельств гибели.

Каждая из книг охватывает хронологические рамки и посвящена определенному периоду развития угольной отрасли Кузбасса. И начинается с главы, посвященной развитию угольной отрасли региона в указанный период. В ней отражены тенденции и особенности, главные направления развития отрасли и шахтного строительства, ввод в эксплуатацию новых шахт, разрезов, обогатительных фабрик, приводятся статистические данные и темпы роста угледобычи в регионе в сравнении с всесоюзными показателями.

В первых томах книги, охватывающих события с 40-х по 50 –е годы прошлого века, приведены документы, характеризующие тяжелые условия труда и быта шахтеров Кузбасса, включая и женщин. Вот, например, как характеризовали свое положение шахтеры в сентябре 1947 года. «...Работа очень опасная, при каждом спуске в шахту думаешь – вернешься ли домой. Нет того дня, чтобы кого-нибудь не задавило, кроме того, наша шахта газовая, дышать очень тяжело. Нужно хорошее питание, а его нет, на базаре все дорого. Зарплата же наша так мала, что еле хватает выкупить продукты по карточке...» (г. Кемерово, шахта «Северная»). «Живу плохо, денег нет совсем, потому что заработок очень маленький, хватает только на хлеб. Обувь вся износилась, хожу совершенно босая и купить нет никакой возможности ...» (г. Кемерово, шахта «Южная»). «... Работаю в шахте, в забое. Работа очень опасная и тяжелая. Из шахты выхожу еле жива от усталости, хочется страшно есть, а есть нечего, кроме 500 г. хлеба. Здоровье плохое, чувствую себя очень слабой. Живу как на каторге ...» (г. Ленинск-Кузнецкий, шахта имени 7 Ноября» [1].

Каждый том «Книги...» содержит поименный список работников угольной промышленности и горноспасателей Кузбасса, погибших на производстве, подготовленный на основе результатов поиска информации и тщательного анализа самых различных документальных источников по истории угольной промышленности региона. Была разработана оригинальная методика выявления документальных материалов по производственному травматизму шахтёров, позволяющая перекрёстно проверять полученную информацию по разным источникам комплектования, что позволило существенно пополнить банк данных за счёт лиц, скончавшихся в больницах от травм и увечий, полученных на угольном производстве. Полученная таким образом информация прежде официально нигде не учитывалась.

В качестве основных источников соответствующей информации были взяты: делопроизводственные документы комбинатов «Кузбассуголь» и «Кемеровоуголь», территориальных трестов и рудоуправлений, шахт и предприятий, обслуживающих угледобычу, материалы Западно-Сибирской горно-технической инспекции и гортехнадзора, документы ряда лаборатории ВостНИИ,

документы органов ЗАГСа, операционные журналы травматологических больниц и отделений, воспоминания очевидцев аварий, материалы и документы, присланные в адрес редакции жителями Кузбасса и других регионов страны.

Статистическая обработка всей совокупности материалов позволяет определить численность погибших по каждому городу, угольному тресту, шахте или организации, занимающейся эксплуатацией определенных шахтовых служб на каждом историческом отрезке. Далекое не случайно сегодня в каждом городе имеется своя городская книга Памяти шахтеров – своих земляков. Используя статистические методы обработки информации, исследователь может дифференцировать данные о погибших горняках по возрастным рамкам, полу, социальному статусу, по профессиональной подготовке, характеру выполнения работы, полученной в момент несчастного случая. Можно определить не только наиболее опасные горняцкие профессии, но и выделить численно самые распространенные причины гибели людей при угледобыче, транспортировке угля, при обслуживании подземных механизмов, при обрушении кровли.

Особое внимание уделено случаям массового производственного травматизма шахтеров, произошедшим в результате крупнейших аварий и катастроф в угольной промышленности региона. Одна только Байдаевская трагедия в феврале 1944 года унесла более ста человеческих жизни. Взрыв метано-воздушной смеси и угольной пыли, произошедший 19 марта 2007 года на шахте «Ульяновская», смертельно травмировал 110 шахтеров. Взрыв газа метана на современной модернизированной шахте «Распадская», произошедший 8 мая 2010 года, полек за собой огромные разрушения горных выработок. А главное стоил жизни 93 горнякам.

В каждом том книги дана не только хроника аварий и катастроф, произошедших на угольных предприятиях Кузбасса в указанный период, но и содержится анализ причин, повлекших за собой трагические последствия по каждой из них. В специальной главе рассматриваются основные причины и анализ производственного травматизма шахтёров, динамика производственного, общего и смертельного травматизма на шахтах Кузбасса [2], приводятся дифференцированные статистические данные о производственном травматизме в целом по угольным объединениям и даже по отдельным предприятиям. В качестве показателя выделен даже специальный коэффициент смертельного травматизма на 1 млн. тонн добытого угля. Самый высокий его показатель приходится на период Великой Отечественной войны более 20 человек (в этот период на шахтах Кузбасса погибло 2574 человека). В последующий период идет его резкое снижение – 2,2 в 1961-1965 гг., 1,43 – в 1965-1970 гг., 1,22 – в 1975-1980 гг. В 2006-2010 гг. он колебался в пределах 0,19 до 0,44 [3].

На страницах издания в рубрике «Документы рассказывают» опубликован ряд документов, характеризующих условия труда и быта спецконтингента, трудоиспользование которого в отрасли с 30-х годов прошлого века приняло масштабный характер. На шахтах региона в процессе угледобычи были активно задействованы заключенные Сиблага, трудопоселенцы, в военные годы –

трудообмобилизованные немцы, спецпереселенцы, окруженцы, различные категории репатриантов, иностранные военнопленные и интернированные гражданские лица.

В данной рубрике нашли отражение материалы по истории шахтерских поселков, преобразованных в шахтерские города, страницы становления угольных рудников и трестов. О том как готовились и праздновали первый праздник «День шахтера» в городе «Анжеро-Судженске» в августе 1948 года свидетельствуют опубликованные документы треста «Анжероуголь» [4]. В рубрике «Горноспасатели» показана история возникновения в Кузбассе горноспасательной службы и преобразование ее в отряды ВГСЧ, история отдельных отрядов ВГСЧ, их трудовые будни и результаты работы.

Много интересных сведений содержится и о преобразованиях и слияниях угольных предприятий и трестов с последующим переименованием. В 9-м томе книги приведены исторические справки угольных разрезов компании «Кузбассразрезуголь».

Существенно дополняют общую картину событий, происходивших в угольной отрасли региона воспоминания ветеранов труда, родственников погибших горняков и товарищей по работе, многочисленные фотографии из личных архивов кузбассовцев.

Таким образом, представленное многотомное издание «Книга Памяти погибших шахтеров Кузбасса» заслуживает внимания исследователей, являясь одним из ярких источников по истории угольной промышленности региона, сформированный на базе широкого привлечения архивных материалов, как делопроизводственной, так и аналитической направленности с широким привлечением статистических данных, характеризующих и процессы угледобычи, производственный травматизм, а также условия труда и быта шахтеров Кузбасса.

Ссылки и примечания:

1. Книга Памяти шахтеров Кузбасса. 1946-1960. т. 2, ч. I, Самарский дом печати, 1998. С.88-89.
2. Книга Памяти шахтеров Кузбасса. 1961-1975, т.3, Кемеровское книжное изд-во, 1999, с.37-38; Книга Памяти погибших шахтеров Кузбасса. 2009-2011. Т. 10, Кемерово, 2012. С. 32-35, 37-38 и т.д.
3. Книга Памяти погибших шахтеров Кузбасса. 2009-2011. Т. 10. С. 32-33.
4. Книга Памяти шахтеров Кузбасса. 1946-1960. Т. 2, ч. I. С. 95-100.

Продолжая дискуссию

УДК 323.2

Д. Е. Муза

доктор философских наук,

ГОУ ВПО «Донецкий педагогический институт»

e-mail: dmuz@mail.ru

«РЕВОЛЮЦИЯ... ЕСТЬ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПЛОД, ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО, ВЫСШЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ТОГО, ЧТО... ПРИНЯТО НАЗЫВАТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ ЗАПАДА»

(к логике и аксиологии русской Революции)

Аннотация

В статье предпринята попытка цивилизационного анализа феномена Русской Революции. Показано, что данный феномен зарождается и вызревает в недрах русской версии «европейского модерна», как феномена идеологически, социокультурно и ценностно нерелевантного природе русской цивилизации. Напротив, русская цивилизация продолжает своё историческое творчество в XXI веке, пройдя сквозь «красное столетие», благодаря воспроизводству парадигмальных для неё определений.

Ключевые слова: *Русская революция, западная цивилизация, русская цивилизация, революционаризм, Православие – Самодержавие – Народность.*

Summary

The article attempts to analyze the phenomenon of the Russian Revolution in a civilizational way. It is shown that this phenomenon originates and ripens in the depths of the Russian version of "European modernity", as a phenomenon ideologically, sociocultural and valuable irrelevant to the nature of Russian civilization. On the contrary, Russian civilization continues its historical creation in the 21st century, passing through the "red century", thanks to the reproduction of its paradigmatic definitions.

Keywords: *Russian revolution, Western civilization, Russian civilization, revolutionarism, Orthodoxy - Autocracy - National.*

Вынесенные в заголовок этого материала слова дипломата и поэта Ф.И. Тютчева из его незавершенного трактата «Россия и Запад» [1], как нельзя лучше отражают представление о том, что революция – суть сущностная характеристика созданной Западом цивилизации модерна. Точнее –

превалирующий способ творения ею Истории. Творения насильственного и безобразного.

Разумеется, у подобного тезиса есть не только доказательная база в предвосхищающих интуициях (статья Ф.И. Тютчева «Россия и Революция»), но и рефлексиях общей траектории и морфологии России в XX веке, предложенных целым рядом представителей русской мысли первой половины XX века – Н.А. Бердяевым, о. Сергием Булгаковым, архимандритом Кириллом (Зайцевым), А.Ф. Лосевым, И.А. Ильиным, Г.М. Катковым, С.Л. Франком, Г.П. Федотовым, И.Л. Солоневичем, П.А. Сорокиным и др., а на исходе XX – в начале XXI вв. – В.В. Аксючицем, митрополитом Иоанном (Сычевым), В.В. Кожинным, М.В. Назаровым, Н.А. Нарочницкой, А.С. Панариным, Б.Н. Тарасовым, В.Н. Тростниковым, И.Р. Шафаревичем и др.

Причем данный ряд вовсе неслучаен: перечисленные мыслители, как правило, видели в Русской Революции катастрофу духовного порядка, изменившую путь России и многих народов мира. Изменившую, что закономерно (?) почти на столетие...

В качестве иллюстрации к такой немифологизирующей (то ли большевитско-советской, то ли автохтонно-либеральной историографией) установке в отношении к 1917 году позиции, хотелось бы привести обоснованное суждение академика И.Р. Шафаревича. Так, им сказано: «Начиная с сего первого кризиса 1917 года (XX века – Д.М.) это был сложный путь, который для власти состоял из неожиданных побед, и из поражений, отступлений; но в целом сейчас видно, что он выстраивается в некоторую систему, при всех поворотах, которые приходилось делать, идя навстречу жизненным обстоятельствам. И в результате мы видим, к чему он привел, к подчинению России принципам западной цивилизации... Например, возьмем внедрение лозунгов «Догнать...». Догнать можно того, кого считаешь своим лидером, с которым стремишься сравниться. И хотя словестное оформление, конечно, было совершенно другим, речь шла об уничтожении капитализма, о победе пролетарской революции, об уничтожении классов и т.д., но реально-то происходило уничтожение тех факторов жизни, которые препятствовали внедрению стиля западной цивилизации в России. По существу, уничтожалась русская традиция: Православие, монархия, дворянство, более крепкое крестьянство, а потом вообще семейно-трудовое крестьянское хозяйство» [2].

Конечно, т.н. «диалектическое отрицание» романовского периода в истории России было ничем иным как настоящим метафизическим её тараном, апогей которого пришелся именно на 1917 год. И самое важное здесь состоит в том, что «наследники» Февраля – Октября по сей день не взяли на себя ответственность за совершенное сто лет назад.

В свете сказанного (в качестве небольшого интеллектуального расследования) будет предложен цивилизационный вариант прочтения партитуры Русской Революции (собираемый термин, указывающий на внутреннее единство революционного «пробного камня» 1905 – 1907 гг., но

главное, революционных потрясений Февраля и Октября, при их разнокачественных интригах, природе, целях и средствах осуществления, что подметил ещё Г.П. Федотов [3]), как события эпохально-трансэпохального масштаба. При этом, само это прочтение видится в двух ракурсах: с одной стороны – иррационально-стихийным самоотрицанием Россией самое себя через самодеструкцию, а с другой – генерирование нового общества на основе рационально-нормативного (причем – заемного!) целеполагания.

Первый ракурс, так или иначе ассоциируется с уничтожением почти всех основ, институтов и ценностей имперско-самодержавной, самобытно-цивилизационной формы бытия России: православной духовной традиции и соответствующего ей миропонимания, патерналистского государства с императором во главе, общества как большой семьи, служилого этоса, многоукладного и регионально разнородного хозяйства, скорее крестьянства, а не буржуазии, как ядра русского народа, антропоса «иоанновского» типа (В. Шубарт), при наличии нигитологической антропологии, антропологии «человекобогов», а также вызываемых ею миропотрясающих сюжетов – «Петров Верховенских», «Шигалевых», «Иванов Карамазовых» и «Смердяковых» (идейных и реальных богоотрицателей, отцеубийц и человеконенавистников).

Это наблюдение можно усилить аргументом от В.В. Аксючица: «Последние двести лет российской истории определяются тем, что русская православная цивилизация противостоит экспансии тлетворных идеологий (современных духов мирового зла). С одной стороны, органичный уклад жизни и традиционное мировоззрение – всё, чем строилась и жила Россия в течение тысячелетия. С другой – атеистическая материалистическая утопия, волонтеры которой стремятся радикально перекроить жизнь. Богоборческая идеология чужда русскому народу, но ею заразился русский образованный слой, она вобрала в себя накопившиеся в русской культуре духовные яды, усилила нестроения, углубила расколы в русской истории. В результате общество впадало в идейную манию, которая и была причиной катастрофы 1917 года» [4].

Второй ракурс – с конституированием принципиально новых основ, институтов и ценностей советской империи (цивилизации): материалистического и секулярно подготовленного атеистического миропонимания, марксизма как «тотальной идеологии», в т.ч. реализуемого в виде «универсально-исторического» сюжета пролетарского интернационализма, жесткой властно-иерархической конструкции общества и государства, подчеркнутым культом науки и техники, развитием средств производства, а затем, с заметным опозданием и потребления, плановой экономикой, социальным базисом в виде коллективистского типа антропоса – *homo soveticusa* (А.А. Зиновьев), классовой моралью, наукой и искусством.

В этой связи вспоминается обобщение И.Я. Фроянова, показавшего, что в годы сталинских пятилеток был создан социально-ориентированный

«государственный капитализм», обеспечивавший помимо всего прочего, оборону страны в условиях постоянной угрозы из-вне [5].

Таковы, на мой взгляд, две превалирующие в общественных науках и массовом сознании версии произошедшего. И хотя сегодня уже более-менее отчетливо наметился определенный крен в конвергенции обоих взглядов, который, к примеру, вытекает из представления о «непрерывности русской истории», говорить об общем знаменателе просто не приходится. Так не случайно Н.А. Нарочницкая, предлагает панорамно посмотреть на весь XX век (и по ходу различить в Феврале – Октябре революционный проект «до основания», который пытался «переломать Россию» и советский период истории, «когда Россия сама постепенно переламинала этот проект»), а именно с позиций тысячелетних «глубоких и неискоренимых традиций русской жизни» [6].

Однако этот взгляд нуждается в уточнении, причем в направлении расширения границ феномена Русской Революции, вписываемого не только в мегацикл отечественной истории, но и распознаваемого через проникновение в историческое бытие России европейского модернового революционаризма. Лапидарно: «В своем смысловом экстракте «модерн» – суть проект, связанный с выравниванием мира по западному образцу в качестве «естественного эталона человечества». Собственно любой революционаризм и реформаторство после 1789 года сопряжен – хотим мы того, или нет – с этой логикой «выравнивания» («подтягивания» к современности) народов, стран и цивилизаций. Причем, без учета их цивилизационной природы и исторического опыта» [7].

Собственно с Россией как страной-цивилизацией произошло то, что К.Н. Леонтьев называл копированием Россией фигур и вектора «вторичного смесительного упрощения» западной цивилизации. Если следовать наблюдениям А.И. Уткина, то Запад трижды «проникал» в тело и душу России: 1) в петровский период (1721 – 1815); 2) в постнаполеоновско-венский период (1815 – 1855); 3) в период активной модернизации (1855 – 1914), т.е. новой встречи с Западом после переосмысления «ошибок» прошлого. Причем в качественном отношении они разнятся: если первый был активно-интуитивно-модернизаторским и подражательным, второй – периодом реализации иллюзий относительно просвещенного Запада и их краха, то третий характеризовался как период сотрудничества и союзничества [8].

Само это проникновение имело ряд существенных признаков, среди которых: догоняющий характер модернизации; подражательность вместо творческого начала [9]; редкая и не всегда конструктивная критика трансфера западных институтов, ценностей и технологий; «экстравертивность» психологии элит, выступивших в роли поводыря инертного и «интравертивного» «безмолствующего большинства» с его архаичной ментальностью; неучтенность, а то и отрицание социокультурных и ценностных опор российской государственности, их стратегического потенциала.

Отсюда сам хаосогенный характер качественных трансформаций, ведь и управленческий «механизм» и объект управления выстраивают асимметричные связи в виду растущего внутреннего напряжения в социуме. Вплоть до прохождения «точки бифуркации», по нашему мнению, совпадающей с 1917-м годом, прошедшем в «режиме с обострением» с Февраля до Октября (кульминация кризиса, вначале искусственная, затем, естественная) и содержащем несколько социетальных векторов движения в будущее.

Однако прежде чем подойти к 1917 году России, что теперь очевидно, нужно было пройти через «вызов модерна», так и не обретя релевантного цивилизационного «ответа». Разумеется, «творческим меньшинством» русской цивилизации, а затем и её цивилизационным большинством.

И здесь, при рассмотрении вопроса телеологии и аксиологии Революции, как мне думается, важен учет следующего обстоятельства. Еще в конце 90-х А.С. Панарин в специальном исследовании показал, что Россия в этот период проходила через социокультурный раскол и связанные с ним дилеммы по «революционной модели»: интеллигенция с народом против государства [10]. Казалось бы, именно она, эта модель, стала доминантной в реализации Февраля – Октября, вопреки мнению А.А. Блока, по-шопенгауэровски / ницшеански вещавшего в 1908 году: «Если интеллигенция все более пропитывается «волею к смерти», то народ искони носит в себе «волю к жизни»» [11].

На деле же конфигурация социально-политических сил выглядела гораздо сложнее: в виду ориентации российских государственных элит (пожалуй, начиная с С.Ю. Витте) на разные политические центры силы, промышленные группы и банки западных держав – Францию, Англию, Германию, США, и в значительно меньшей степени – на автохтонные социокультурные, политические и экономические ресурсы, указанная модель должна быть скорректирована. В том числе, с учетом конфигурации партий и общественных движений, в их отношении к вопросам войны-и-мира, земли-и-собственности, власти-и-права...

В частности, события 22 – 27 февраля в Петрограде были инспирированы различными политическими, военными и хозяйственными группировками, в которой русский народ выступил «разменной картой». В рамках простой аттрактивности: «даешь хлеба!»; сложной аттрактивности: «долой войну!»; суператтрактивности: «долой самодержавие!» (читай: изменяй систему управления русской государственности и векторы ее внешней политики в пользу более «эффективных», т.е. заемных – западных???)

Все бы хорошо, но ещё К.С. Аксаков предупреждал «горячие головы», увлекающие русский народ в трясину властных метаморфоз: «Всякое стремление народа к государственной власти отвлекает его от внутреннего нравственного пути и подрывает свободой политической, внешней, свободой духа, внутреннюю. Государствование становится тогда целью для народа, и исчезает высшая цель: внутренняя правда, внутренняя свобода, духовный

подвиг жизни. Правительством народ быть не должен. Если народ – государь, народ – правительство, тогда нет народа» [12].

Напротив, нужно наконец признать (как бы кому это не нравилось), что «в течение одиннадцати веков русской истории русская национально-политическая традиция была воплощена в русской монархии. Если бы традиция была неудачна – удачна не всякая традиция, – то в данных исторических и географических условиях великая нация расти бы не могла. Она – выросла» [13]. Более того, постоянно опекая «униженных и оскорбленных», а не потакая своим якобы эгоистическим интересам.

И как тут не привести иллюстративный пример, который полностью дезавуирует либеральную и большевистскую аргументацию. Так, Император в беседе с послом Франции М. Палеологом недвусмысленно обозначил «общие основания мира»:

- 1) уничтожение германского милитаризма, пресечение того «кошмара», в «котором Германия нас держит вот уже больше сорока лет»;
- 2) исправление границ Восточной Пруссии, в т.ч., для воссоздания Польши и достижения Россией её западных, естественных границ – Карпат;
- 3) в Малой Азии решить вопрос освобождения армян от турецкого ига;
- 4) достичь наконец-то положительного исхода в вопросе о проливах к приданию Константинополю статуса «нейтрального города», но при гарантии для магометан сохранения их святынь и могил (!);
- 5) Северная Фракия, до линии Энос – Мидия, была бы присоединена к Болгарии;
- 6) Сербия присоединила бы Боснию, Герцеговину, Далмацию и северную часть Албании;
- 7) Греция получила бы Южную Албанию;
- 8) Австро-Венгрия пойдет на вынужденные уступки, как в отношениях с Италией и Румынией, так и с Балканскими славянами;
- 9) Франция возвратит Эльзас-Лотарингию [14].

Иначе говоря, перед нами *имперская парадигма существования России*, в которой её геостратегия очерчивается объективными интересами, без ложных притязаний на чей-либо суверенитет. Причем, данная парадигма с ядром «Самодержавия» и в сопряжении с «Православием» и «Народностью» (= уваровская триада) образует имманентный институционально-ценностный контур. И думается, что не случайно основной удар умеренных (февралистов) и ультра- (большевиков) радикалов был нацелен на «Самодержавие», затем на «Православие», и наконец, на «Народность». Иначе, на войну с русской православно-государственной Традицией (!).

И тут нужно подчеркнуть: самой устойчивой из них, пережившей весь «красный век», было и остается Православие.

Иное – «парадигмы» пути развития России *ala* февралисты и *ala* большевики. Вплоть до трансформации «империалистической войны» – в «войну гражданскую» (согласно В.И. Ленину). И последняя, в этой нелинейной

логике конституирует эмерджентность нового – «светлого» будущего, являясь и антитрадиционной, и прожектерско-новаторской.

Иное дело Православная Российская Церковь, как важнейший элемент Традиции, которая искала пути выхода из цивилизационной катастрофы. В этой связи напомним сюжет, указывающих на поиски такого решения в рамках Священного Собора ПРЦ. Первый из них – обращение митрополита Московского и Коломенского Тихона (Белавина), будущего Патриарха, 15 (28).08.1917 г. – где указано на то, что именно Церковь по настоянию общества берет на себя обязанность «содействия в устройстве государственной жизни». Точнее: «Ныне Родина наша находится в разрухе и опасности, почти на краю гибели. Как спасти её – это вопрос составляет предмет крепких дум. Миллионное население Русской земли уповает, что Церковный Собор не останется безучастным к тому тяжкому положению, которое переживает наша Родина. Созерцая разрушающуюся на наших глазах храмину государственного бытия, представляющую как бы поле, усыпанное костями, я, по примеру древнего пророка, дерзаю спросить: оживут ли кости сия? Святители Божии, пастыри и сыны человеческие! Прорцыте на кости сухие, дуновением Всесильного Духа Божия одухотворите кости сия, и созиждутся, и обновится лицо Святорусской земли!» [15].

Собственно этот сюжет говорит о том, что Церковь может и должна выступать в роли «куколки» для строительства цивилизации (А.Дж. Тойнби), причем не только на этапе её генезиса и развития, но и в кризисные этапы её бытия. В этом едва ли не главная её функция – исповедничества. Правда, с той оговоркой, что после прихода к власти большевиков, и их открытой борьбы с Церковью, эта миссия меняется на духовную брань с большевиками, как десекуляризаторами России, а затем и миссию крестоношения.

Но этот сюжет будет неполон, если не вспомнить о *принципе священной справедливости*, которую Церковь своей проповедью «внушает» государству и обществу, и которая «обращена к исторической перспективе, к смыслу истории, который раскрывается как миссия избранного народа, спасающего себя и вместе с собой – все человечество» [16]. Понятно, что большевистская превращенная форма этой миссии была обречена на провал, ибо исходная, аутентичная форма, развернутая как к государству, так и к народу, была подвергнута жесточайшему прессингу, но не канула в Лету.

Напротив, незримая трансляция этой миссии в наше время, поверх государственных, правовых и социально-стратификационных метаморфоз, позволила России обрести свое культурно-цивилизационное, имперско-мироудерживающее призвание.

Но самое, пожалуй, важное, Революция 1917 года, какие бы сегодня позитивные заклинания в её адрес не произносили, не смогла в принципе решить всех поставленных перед нею задач:

во-первых, «страну не удалось использовать в качестве плацдарма для разжигания всемирной смуты... Лозунг «пролетарского интернационализма»,

предназначенный для разрушения русского национального самосознания, оказался недостаточно эффективен, будучи интерпретирован обществом в русле традиционных христианских ценностей «всечеловечности»;

во-вторых, «не удалось уничтожить Россию в качестве самостоятельного геополитического субъекта. Человеконенавистническая теория «классовой борьбы», служившая сердцевиной и пропагандистским прикрытием механизма широкомасштабного, официально санкционированного геноцида русского народа, с течением времени утратила свою первоначальную эффективность, превратившись в очередную, далекую от практики догму». И далее: «Несмотря на все репрессии, голод, разруху и богоборческий террор властей, ценой величайшего напряжения всех народных сил, ценой блестящей победы в Великой Отечественной войне, - страна обрела в мировой политике значение и вес, сведшие на «нет» все достижения Октября в этой области. Возникла реальная возможность постепенного перерождения СССР в духе российских национальных интересов с перспективой эволюционного возвращения страны на путь её естественного исторического развития» [17].

Отсюда односложный вывод: битва за Россию в России и за её пределами прошла через все сверх-искусительное «красное столетие» и пока не привела к победе Запада. Последнее не означает, что «внутренний Запад» не существует или «дремлет». Вспомним недавние (26.03.2017 г.) протестные акции с режиссурой навалых. Очевидно, что ни тогда, ни сегодня русский дух не был сломлен! Иное дело – найти отпор тлетворному влиянию Запада в виде «русского дела», к которому так ярко и трогательно призывал в своем «Дневнике писателя» «неуслышанный пророк» – Ф.М. Достоевский. Но это уже иная история. История собственно Русского пути в будущее.

Ссылки и примечания:

1. Тютчев Ф.И. Россия и Запад / Ф.И. Тютчев // Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М.: Культурная революция; Республика, 2007. С. 78 – 95.
2. Шафаревич И.Р. Духовные основы российского кризиса XX века / И.Р. Шафаревич. М.: Издание Сретенского монастыря, 2001. С. 79.
3. Федотов Г.П. Февраль и Октябрь / Г.П. Федотов // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2-х тт. СПб.: София, 1993. Том 2. С. 132 – 136.
4. Аксюциц В.В. Миссия России. Опыт историософии России / В.В. Аксюциц. М.: б.и., 2000. С. 379.
5. Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (глядя из настоящего) / И.Я. Фроянов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С.120 – 129.
6. Нарочницкая Н.А. Русский код развития. 2-е изд., доп. / Н.А. Нарочницкая. М.: Книжный мир, 2015. С. 340, 341.

7. Муза Д.Е. XX век в горниле мировых революций: гиперконфликт архаики, модерна и постмодерна / Д.Е. Муза // Культурологический журнал. 2016/ 4 (26). Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/389.html&j_id=29
8. Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России / А.И. Уткин. М.: Алгоритм, 2002. С. 87 – 130.
9. При прояснении характера «волн» идейного влияния, то тут верна следующая констатация: на Россию, прежде всего на политические элиты и образованные классы последовательно воздействовали: идеи протестантизма (1717 – 1840) и Просвещения (1750 – 1824), политический либерализм (1770 – 1917), марксизм (1860 – 1917), технический модернизм (1890 – 1925). – Уткин А.И. Указ. соч. С. 54. И естественно, феномен масонства (см. напр.: Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II / Г.В. Вернадский. СПб.: Издательство имени Н.И. Новикова, 2001), который через столетия был явлен хотя бы в февральском заговоре элит – против Царя (напр.: Боханов А.Н. Николай II / А.Н. Боханов. М.: Мол. гвардия, 1997. С. 358 – 372; Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот / С.Ю. Рыбас. М.: Молодая гвардия, 2016. С. 234 – 256).
10. Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века / А.С. Панарин // На перепутье (Новые Вехи). М.: Изд. корп. «Логос», 1999. С. 11.
11. Блок А.А. Народ и интеллигенция / А.А. Блок // Блок А.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Л.: Худож. лит., 1982. Том 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905 – 1921. С. 113.
12. Аксаков К.С. Записка о внутреннем состоянии России / К.С. Аксаков // Быть России в благоденствии и славе: Послания великим князьям, царям, императорам, политическим деятелям о том, как улучшить «государственное устройство». М.: Пашков дом, 2002. С. 382.
13. Солоневич И.Л. Миф о Николае II / И.Л. Солоневич // Солоневич И.Л. Наша страна XX век. М.: Изд-во журнала «Москва», 2001. С. 95.
14. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны / М. Палеолог. М.: Междунар. отношения, 1991. С. 127 - 133.
15. Цит. по: «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 гг. о начале гонений на Церковь / сост., автор статьи Н.А. Кривошеева. М.: Православ. Свято-Тихонов. Гуманитар. ун-т, 2012. С. 22.
16. Панарин А.С. Политология. О мире политики на Востоке и Западе / А.С. Панарин. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 276.
17. Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Битва за Россию / Иоанн (Снычев). СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1993. С. 83, 84.

УДК 101.1:316

Ф. А. Папаяни

кандидат технических наук,
e-mail: f.papayani@mail.ru

АНАЛИЗ ВЕРСИЙ СОЦИАЛИЗМА ПЕРИОДА XIX – XXI ВВ.

Аннотация

Из всего множества социалистических концепций периода XIX-XXI вв. для анализа выбраны самые существенные: утопический социализм, марксизм, анархизм, социализм СССР, социал-демократия, национал-социализм, христианский (католический, протестантский) социализм, православный социализм и исламо-сектантский социализм. В связи с неоднозначностью толкования понятия «социализм» автором вводятся новые отличительные характеристики – «полный» и «частичный» социализм. Анализ версий социализма выполнен методом бинарных дифференциаций, который позволяет сопрягать версии с существенными их характеристиками. Сумма этих характеристик, в свою очередь, позволяет дать однозначную аксиологическую оценку каждого из рассматриваемых концептов. В соответствии с этой оценкой выполнена их классификация. Так, рассмотренные концепты сведены к четырём основным классам: ненасильственный полный социализм, ненасильственный частичный социализм, насильственный полный социализм и насильственный частичный социализм. Приведенная классификация применима для оценки политической состоятельности версий социализма (как прошлых, так и современных).

Ключевые слова: марксизм, социализм, анархизм, социал-демократия, религия, идеология, утопия, насилие, оппортунизм.

Summary

Out of the entire variety of socialist concepts of the 19th – 21st centuries the most essential are selected for an analysis: utopian socialism, marxism, anarchism, socialism of the USSR, social democracy, national socialism, christian (catholic, protestant) socialism, orthodox socialism and islam-sectarian socialism. In view of different interpretations of the concept of ‘socialism’ available, the author introduces such new distinguishing characteristics as ‘complete’ and ‘partial’ socialism. The socialism versions are analyzed by the binary differentiations method which allows matching the versions with their essential characteristics. The aggregate of these characteristics, in its turn, enables giving an unambiguous axiological estimate of each concept under review. In accordance with the above estimate, the concepts are classified, reduced to four basic classes: nonviolent compete

socialism, nonviolent partial socialism, violent compete socialism and violent partial socialism. The classification given is applicable for assessment of political consistency of socialist versions (both past and present-day ones).

Keywords: *marxism, socialism, anarchism, social democracy, religion, ideology, utopia, violence, opportunism.*

Введение

«Проявление социализма можно встретить практически во все эпохи и во всех цивилизациях. Социализм является постоянным фактором человеческой истории, по крайней мере, в период существования государства. Это одна из самых мощных и универсальных сил, действующих в том поле, в котором разыгрывается история» [1, с. 226]. Вместе с тем, понятие «социализм» весьма неоднозначно, оно расплылось в широком спектре его толкований. Неоднозначность обусловлена тем, что в разное время (со своими уникальными политическими и мировоззренческими реалиями) и с разными задачами создавались теории и внедрялись те или иные версии социализма. Со временем эти реалии менялись, соответственно, менялись и идеологические акценты, а также результаты социальных построений. Как это постоянно происходит с теориями, предшествующие представления устаревали в новых реалиях, и идеи и формы социализма в них редактировались, приобретая новые черты.

Неоднозначность термина «социализм» наглядно иллюстрируется следующим примером. Согласно американскому профессору Э.С. Саттону, США и Великобритания использовали идеологему социализма и диалектический метод Гегеля для воплощения своих амбициозных политических планов [2]. Так, империя англосаксов (под влиянием масонского ордена «Череп и кости») явилась спонсором германского национал-социализма (тезис: «нацизм и частная собственность») и в то же самое время, – советского социализма (антитезис: «интернационализм и общественная собственность»). Затем англосаксы организовали столкновение этих систем (1941-1945 гг.), чтобы на руинах мирового побоища установить свою власть (синтез: «Новый мировой порядок»). Надо признать, что план англосаксов (точнее, согласно Саттону, – план ордена «Череп и кости»), в использовании бинарных противоположностей самого социализма вполне удался для Западной Европы, хотя и ценой десятков миллионов жизней людей, людского горя, колоссальных разрушений.

Другой пример: принципиальное разночтение понятия «социализм» привело к двум разным его теоретическим типам: революционному (К. Маркс, В. Ленин, И. Сталин, М. Бакунин, П. Кропоткин и др.) и реформистскому (Э. Бернштейн, К. Каутский и др.).

Третий пример иллюстрируется практическим мутагенезом социализма. Так, в своём развитии идеи социализма породили несколько основных практических «мутаций»: «социалистический» социализм (советский), «капиталистический» социализм (шведский, норвежский, швейцарский

социализм, германский национал-социализм) и «смешанный» социализм (югославский, китайский: «одна страна – две системы»).

Четвёртую (вероятно, наиболее представительную) иллюстрацию неопределённости понятия социализм даёт нам «обзор некоторых точек зрения на социализм», сделанный И.Р. Шафаревичем [1, с. 227-262]:

- 1) Точка зрения марксизма: социализм как государственное устройство является определённой фазой исторического развития человечества, неизбежно приходящей на смену капитализму, когда он достигает определённого уровня развития; социализм как учение является мировоззрением пролетариата (который сам порождается пролетариатом) и одновременно – результатом научного анализа, научным доказательством исторической предопределённости социалистического государственного уклада.
- 2) Социалистические учения как научные теории (сначала в наивной форме Фурье и Сен-Симона, потом несколько совершеннее Марксом и Энгельсом).
- 3) Социализм является теорией подготовки и проведения революции, списком правил, которым надо следовать, чтобы захватить власть, и одновременно – это технология власти, философия абсолютного государства, подчиняющего себе всю жизнь, этатизм.
- 4) Социалистические государства как проявления общественного строя, основанного на принудительном труде.
- 5) Социализма вообще не существует. То, что называется социализмом, это одна из линий развития капитализма – государственный капитализм.
- 6) Социализм – это стремление к социальной справедливости.
- 7) Социализм – это особая религия (вера в Царство Божие на земле – хилиазм), а социалистические учения можно называть «хилиастическим социализмом».
- 8) Социализм – следствие атеизма, тот вывод, к которому приводит атеизм в области социальных отношений.

Таким образом, понятие «социализм» может вмещать в себя целое множество самых разных, иногда даже диаметрально противоположных идей, концептов и прежде использования этого понятия всякий раз следует уточнять, о чём, собственно говоря, идёт речь.

Теоретико-методологическая основа

В данной статье использованы историко-философский, системный, диалектический и компаративный методы, образующие стратегию современного социально-политического дискурса. В частности, использован авторский метод бинарных дифференциаций [3], позволяющий не только анализировать все известные идеологии, но и давать им однозначную аксиологическую оценку.

Объект исследования

Из всего множества разнообразных социалистических концепций периода XIX-XXI вв. для анализа нами выбраны самые существенные, только те, которые влияли или продолжают влиять на современное отечественное (Россия, ДНР, ЛНР) политическое пространство. Поэтому восточноевропейские, азиатские, африканские или южноамериканские версии социализма рассматриваться не будут, поскольку они были следствием экспорта социализма СССР, а обратное влияние этих версий на отечественную социалистическую парадигму было минимальным. Ниже будут рассмотрены следующие социалистические концепты:

- (1) – утопический социализм;
- (2) – марксизм (коммунизм, социализм, пролетарский империализм);
- (3) – анархизм;
- (4) – социализм СССР (как идеологическая рефлексия);
- (5) – социал-демократия (демократический социализм);
- (6) – национал-социализм (нацизм, германо-нацистский империализм 1920-40-х гг.);
- (7) – христианский (католический, протестантский) социализм;
- (8) – православный социализм;
- (9) – исламо-сектантский социализм (исламский радикальный империализм, идеология ИГИЛ или ДАИШ).

Анализ

Аналитика этих идеологий возможна, если только известны все существенные характеристики конкретной версии социализма. Поэтому рациональный отбор (представительная выборка) существенных характеристик, а также их совокупность определяют ценность последующего анализа и выводов из него. Этот отбор в данной работе основан на существенных бинарных оппозициях как парах противоположных характеристик концепта. Сам анализ версий социализма производится методом бинарных дифференциаций [3], который сводится к последовательной реализации четырёх этапов, выполненных ниже.

Этап I. На этом этапе, согласно заявленному методу [3], производится отбор значимых бинарных оппозиций, сопряжённых с рассматриваемыми концептами социализма. То есть, на данном этапе определяются самые существенные (по мнению исследователя), первостепенные, отличительные характеристики (точнее, – пары их бинарных оппозиций), определяющие их дальнейшую аксиологическую оценку.

По этой причине, а также в связи с множественностью толкования понятия «социализм», автором вводится новая отличительная характеристика: «полный» социализм. Условимся, что «полный» социализм включает обязательное

обобществление средств производства (ОСП) и обязательное госрегулирование всех сфер общественной жизни (ГСОЖ), в свою очередь, включающее госрегулирование экономики (ГЭ), функцию распределения благ (ФРБ) и др. Главная цель «полного» социализма – фундаментальное преобразование капитализма в принципиально иную экономическую систему без эксплуатации труда, осуществляющую принципы социальной справедливости и равенства. В социалистическом дискурсе бинарной оппозицией «полному» социализму будет так называемый «частичный» социализм, в котором может быть только ГСОЖ, или только ГЭ или ФРБ, или даже только составные элементы этой функции распределения благ, например: социальная (по типу профсоюзной) защита трудящихся (СЗТ), и/или образовательное и медицинское обеспечение (ОМО) населения, и/или социальная защита малоимущих слоёв населения (СЗМСН). «Частичный» социализм, не обобществляя средства производства, тем самым не ставит задачу преобразования капитализма в принципиально иную экономическую систему.

Болезненное восприятие соотечественниками социализма до сих пор обусловлено насильственным характером его установления в 1917 году, последующей гражданской войной, экспроприациями и репрессиями, а всё вместе затронуло практически каждую семью в России. Поэтому характерный признак российского социализма – «насилие» также должен быть рассмотрен в качестве одной из основных характеристик социализма.

Далее, поскольку теории социализма рассматриваемого периода фундированы идеями социалистов-утопистов, то вводится ещё одна отличительная характеристика социализма – его так называемая «реальность». Эта «реальность» понимается двояко: *во-первых*, как *историческая* реальность воплощения, то есть, наличие опыта практического воплощения в жизнь рассматриваемого концепта, реальная практика власти его адептов. Иначе говоря, абсолютно реальными признаются только те проекты, которые были хоть однажды реализованы; например, советский социализм – это 74-летняя реальность, а коммунизм – утопия, поскольку никогда не был воплощён ни в одном государстве.

Тут уместна ещё одна иллюстрация подобного понимания «реальности». Рассматривая различные версии социализма с древнейших времён вплоть до конца XIX века, И. Шафаревич обозначил общие, характерные «основные принципы социализма»: уничтожение частной собственности, уничтожение семьи, уничтожение религии, уничтожение иерархии в обществе (как реализации идеи равенства) [1, с. 225]. XX век подтвердил возможность (то есть, реальность) уничтожения частной собственности и возможность уничтожения традиционной религии (опыт СССР и многих других соцстран), однако полностью опроверг возможность (для благополучного государства) уничтожения семьи и возможность уничтожения иерархии в обществе, поскольку семья и иерархия остаются теми скрепами государства, отказ от которых уничтожают само государство. То есть, говорить о государстве без института семьи и социальной

иерархии – это утопический дискурс, который поэтому и был в своё время скорректирован в марксизме В. Лениным и И. Сталиным.

Во-вторых, «реальность» понимается *политологически*, как действительность самого социализма (а не его декларации), то есть, реальная практика воплощения концепта должна демонстрировать либо полный социализм (ОСП и ГРОЖ), либо хотя бы ГРСОЖ в духе социалистических принципов. ОСП и/или ГРОЖ будем считать реальным воплощением социализма, в отличие от некоторых социальных признаков (вроде СЗТ, ОМО и СЗМСН), которые в большей или меньшей степени присущи большинству версий капитализма.

Бинарной оппозицией категории «реальность» социализма будет его «утопичность», как характеристика проекта, который никогда, нигде и никем не был реализован, либо когда название социализм не отражает действительное положение дел.

Таким образом, в качестве существенных (самых значимых) для дальнейшего исследования версий социализма бинарных оппозиций, характеризующих концепты, нами принимаются следующие:

(а) **«полный – частичный»** («полный» социализм понимается как намерение осуществить ОСП и ГРОЖ);

(б) **«насилие – ненасилие»** («насилие» понимается как революционизм, насильственные силовые методы захвата власти и/или правления, а под «ненасилием» понимается эволюционизм или реформизм);

(с) **«утопия – реальность»** («реальность» понимаемая исторически и политологически; наличие опыта практического воплощения ОСП или ГРОЖ в духе социалистических принципов).

Этап II. Этап состоит из нескольких итераций по числу рассматриваемых бинарных оппозиций.

Итерация II (а), где индекс «а» указывает на выборку первой из рассматриваемых бинарных оппозиций. На данном этапе проводится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с конкретной опорной категорией («полный» или «частичный» социализм») из рассматриваемой бинарной оппозиции «а». Иначе говоря, на данном этапе идеологическая выборка как бы «просеивается» через два «сита», соответственно на две «фракции» (называемые дифференциациями), каждая из которых сопряжена со своей опорной категорией. Такое «просеивание» конкретного идеологического концепта через бинарное «сито» строго выявляет одну из характеристик концепта. Позднее, как выше отмечалось, суммирование всех существенных характеристик конкретной версии социализма позволит выполнить её индуктивную аналитику, типологию и сделать выводы. Этот процесс и описан ниже.

(1) – утопический социализм. Ранние проекты социализма, как образы справедливого общества, нашли своё развитие в первой половине XIX века. Согласно А. Сен-Симону, индустриальное общество (которому, по его мнению,

принадлежит будущее) должно управляться (планирование, контроль) технократией. По Р. Оуэну перспективным был корпоративно-цеховой социализм, характеризующийся самоуправлением трудовых кооперативов. У Ш. Фурье предполагается свободный выбор форм труда, как социальное экспериментирование. П.-Ж. Прудон больше полагался на веру в равенство и свободу индивидов (предтеча социалистического анархизма). Согласно Т. Кампанелле, основная задача социалистического государства – в функции организации производства и распределения, а также воспитания граждан [4, с.133]. Несмотря на некоторую разницу во взглядах, их всех объединяет главное – это необходимость демонтажа капитализма и строительство нового общественного строя – социализма. Их концепты можно рассматривать как желаемые образы будущего социально справедливого общества, основанного на социальном равенстве, в котором нет и не может быть эксплуатации человека человеком, поскольку частной собственности не будет, а все средства производства будут принадлежать всему обществу. Социалисты-утописты планировали осуществлять социалистическое строительство ненасильственным образом, лишь силой пропаганды и личного примера. Как показала практика революционных преобразований, политическая реальность, основанная на политтехнологиях (финансовые рычаги, подключение спецслужб, использование СМИ, тайных организаций, дестабилизация обстановки), не оставляет места никакой политической наивности. Поэтому перечисленные концепции вполне оправданно были названы К. Марксом как «утопический социализм». Утопия (от греч. «место, которого нет») – это такой воображаемый проект (некая идеальная мечта), который никогда, никем и нигде не был реализован; причём он не был реализован по причине своей нереальности, недостижимости. Однако интегральный посыл (ОСП и ГСОЖ) социалистов-утопистов позволяет отнести эту версию к типу «полного» социализма, хотя и утопичного.

(2) – марксизм (коммунизм, пролетарский империализм). Основоположниками этой идеологии являются К. Маркс и Ф. Энгельс. Далее учение развил В. Ленин и реализовал на практике И. Сталин. Идеологическими критериями истинности признаётся мнение основоположников (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин), либо их последователей – лидеров марксистских стран (И. Сталин, Мао Цзэдун, Ким Ир Сен и др.). Концепт провозглашает построение справедливого общества (коммунизма), в котором будет покончено с эксплуатацией человека человеком и не будет отчуждения человека от власти, собственности и результатов труда. В целом, коммунизм можно рассматривать как желаемый образ будущего социально справедливого общества, научно обоснованного и уточняющего идеи утопического социализма. Марксизм постулирован тремя составляющими: политической экономией как учением о прибавочной стоимости, историческим материализмом как учением о материалистическом понимании истории и научным коммунизмом как учением о диктатуре пролетариата. «Марксизм – это учение о прогрессе как смене общественных формаций и росте производительных сил; о социалистической революции во

главе с субъектом прогресса – пролетариатом; о сломе государственной машины и замене её диктатурой пролетариата, отмирающей впоследствии; о построении коммунизма – бестоварного и безрыночного общества ассоциированных производителей» [5, с.116]. Эмоциональной опорой марксизма является *идея классовой ненависти* и *идея исключительности роли рабочего класса* в беспощадной борьбе с эксплуататорами (буржуазией, аристократией, зажиточным крестьянством и др.). Марксизм ставит задачу преобразования капитализма как экономической системы в принципиально иную, социалистическую систему без капиталистов-эксплуататоров. Во главу угла марксизма поставлены вопросы обязательного ОСП («отмена буржуазной собственности...превращением личной собственности в общественную» [6]) и ГСОЖ («...экспроприация земельной собственности;...высокий прогрессивный налог;...отмена права наследования; централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией;...централизация всего транспорта в руках государства;...общественное и бесплатное воспитание всех детей» [6]). Таким образом, марксизм, безусловно, является версией «полного» социализма.

(3) – анархизм. «Как политическая идеология он синтезирует идеи свободы и социальной справедливости, коррелируя с либерализмом и социализмом» [5, с.189]). Крупнейшими идеологами анархизма были М. Штирнер, П.-Ж. Прудон, М. Бакунин и П. Кропоткин. М. Бакунин выступал за немедленное всенародное восстание рабочих масс. П. Кропоткин выдвинул концепцию анархо-коммунизма, в которой идеалом будущего строя провозглашался «союз вольных коммун» без центральной государственной власти. Целью действий анархистов-социалистов-коммунистов объявлялась социальная революция, то есть полное уничтожение капитализма и государства и замена их анархическим коммунизмом в виде сотрудничества свободных индивидов и коллективов. Анархизм – это концепт такого социализма, включающего ОСП, который исключает всякую государственность, какую бы то ни было правительственную власть, законы и даже заработную плату. Следовательно, ГСОЖ исключено. Без ГСОЖ анархизм является версией «частичного» социализма.

(4) – социализм СССР (марксизм-ленинизм, сталинизм). После Октябрьской революции 1917 года линия партии менялась в зависимости от внутренних и внешних вызовов. Был период «красного террора», «новой экономической политики» и др. Социализм СССР существенно отличался от первородного марксизма, хотя официально это и не признавалось. Так, например, в СССР не было самоуправления трудящихся; не было общественной (а не государственной) собственности; не было и речи об «отмирании» государства; капиталистические категории «прибыль» и «себестоимость» никуда не исчезли; партийная номенклатура фактически монополизировала право на ФРБ, возвысившись над обществом, и т.п. С приходом к власти И. Сталина процесс развития общества (при официальных марксистских декларациях) пошёл по пути уникального проекта созидания мощнейшей индустриальной державы

(«социализма в отдельно взятой стране»). К 70-м годам XX века «классовая ненависть» была нивелирована, уступив место вполне человеческой советской нравственности. Коммунисты (члены КПСС) с конца 30-х годов XX века были нацелены на государственное строительство и защиту интересов трудящихся. Они построили мощнейшую сверхдержаву – СССР, обеспечили её индустриализацию, победу в Великой Отечественной войне, создали качественную систему образования, науки и искусства. Идеи равенства и справедливости получили в Советском Союзе практическую реализацию, одну из лучших в истории человечества. К началу 1980-х гг. СССР характеризовался стабильностью во всех сферах социальной государства и достаточно высоким (по сравнению с более ранними периодами СССР) уровнем жизни, охватывая все её сферы; СССР лидировал в Европе (уступая в мире лишь США) по объёмам промышленного и аграрного производства. Были построены и введены в эксплуатацию невиданные до этого жилые площади (знаменитые «брежневки»), обеспечившие бесплатным жильём десятки миллионов граждан. В эти годы были построены и введены в эксплуатацию тысячи новых крупных заводов и т.п. Именно при советском социализме были вписаны в историю Отчизны самые её величественные страницы, и нынешнее существование России возможно лишь благодаря мощному промышленному заделу, оставленному СССР. Говоря о рефлексии к этой версии социализма, следует указать, что речь, прежде всего, идёт о периоде 1965-1985-х гг., который вошёл в историю (согласно официальной советской терминологии) как «развитой социализм». «Развитой социализм» – это скорректированный и воплощённый в своих некоторых чертах марксизм, он является первым и достаточно успешным проектом «полного» социализма, характеризуемого как ОСП, так и ГСОЖ, проектом, до сих вызывающим ностальгию многих соотечественников, поскольку все достижения воспринимались советскими людьми как естественное положение дел в стране, где господствует социализм.

(5) – социал-демократия (иначе, – социалистическая демократия, социал-демократизм, демократический социализм, социал-реформизм) – это идеология, соединяющая лозунг социализма с демократией; идеология выступает в качестве центристской альтернативы капитализму (правым) и коммунизму (левым). Социал-демократия зарождалась как одно из течений внутри марксизма в конце XIX в., но в отличие от последнего, основной акцент делался на эволюционном (то есть путём реформ) совершенствовании капитализма. Основоположник – немецкий философ Э. Бернштейн. Демократический социализм – это такое социалистическое общество, где должны быть воплощены ещё и принципы политической, экономической и социальной демократии. К основным лозунгам-идеологемам социал-демократии традиционно относятся: свобода, справедливость, равенство и солидарность (братство). Социал-демократы полагают, что либерализм пренебрегает солидарностью, консерватизм отрицает равенство, а коммунизм стремится к равенству, исключая свободу действий личности. Вместе с тем, идеологические критерии истинности могут

корректироваться социал-демократами, исходя из политической или экономической обстановки; социал-демократия «связана с уступками в пользу политического прагматизма, а также толерантности в отношении множества традиций и взглядов внутри самого социалистического движения» [4, с. 140-141]). Последнее обстоятельство является весьма существенным в социал-демократии: зародившись как течение в марксизме, к концу XX века европейский социал-демократизм практически всюду на Западе встал под знамёна либерализма. Социал-демократия фактически переросла в «социал-оппортунизм», что означает частичный или полный отказ от «полного» социализма, от принципов марксизма, если не на словах, то на практике. Социалистические принципы «размываются» социал-оппортунистами, могут ими игнорироваться, но чаще всего этим принципам даётся иное толкование ради политической цели перенаправить социальную энергию масс в управляемое властью русло. «Социал-демократия в левом движении – это социал-оппортунизм, разрушающий идеологическую базу радикальных компартий марксистского толка. В результате подобного социал-оппортунизма все современные более или менее влиятельные движения социал-демократии (Лейбористской партии в Великобритании) до партий христианского социализма (ХДС-ХСС в Германии) полностью интегрированы в западный либеральный проект» [4, с. 140]. Эта версия вообще не рассматривает ОСП или ГСОЖ, предполагая лишь исполнение функций СЗТ, ОМО и/или СЗМСН. Концепт является типичным примером «частичного» социализма.

(б) – национал-социализм (нацизм, фашизм, германо-нацистский империализм 1920-40-х гг.) – это идеология, соединяющая социализм (в его понимании А. Гитлером) и нацизм (как крайний национализм, включающий элементы псевдонаучного расизма и антисемитизма). Эта версия социализма отвергает марксистский социализм (с его интернационализмом и конечной целью – коммунизмом, обобществлением собственности на средства производства, теорией классовой борьбы и диктатуры пролетариата) и социал-демократию, переродившуюся в социал-оппортунизм, ставший в итоге под знамёна либерализма. Эмоциональной опорой национал-социализма является идея исключительности немецкой нации и идея национальной ненависти (ксенофобия) к инородцам. В отличие от марксистского интернационального социализма, национал-социализм исключительно национален. Капитализм в Третьем Рейхе оставался, но это был не свободно-рыночный, а своеобразный капитализм, обременённый принудительным госзаказом, причём с жёсткими мерами социальной защиты рабочих. Можно сказать, что к концу 30-х годов в Германии сложился социализм, коррелирующий с государственным капитализмом со строгим планированием. Государство при Гитлере стало самым крупным собственником, сконцентрировавшим в своих руках до 75% промышленного потенциала страны. Провозглашалось, что высшей ценностью является германская нация, а высшими целями – благо арийского суперэтноса и его государства («Германия превыше всего»). Провозглашались и социалистические

принципы: общее благо всех немцев выше личных интересов; социальная справедливость для всех немцев; общественная и личная жизнь подлежат контролю со стороны государства; капитал должен служить интересам государства и т.п. За двенадцать лет существования нацистского государства были достигнуты высокие темпы роста в промышленности и сельском хозяйстве, ликвидирована безработица, введены существенные налоговые льготы, что позволило создать весьма благоприятные условия жизни для населения Германии [7]. Социализм Гитлера можно рассматривать как этатизм и госкапитализм, включающие госрегулирование не только всех сфер общественной, но и личной жизни. ОСП данным концептом не предусматривается, хотя доля государственной собственности в акциях всех значимых для государства предприятий предполагается доминирующей. Версия также является примером «частичного» социализма.

(7)– христианский (католический, протестантский) социализм – это идеологема течений, с одной стороны, опирающихся на христианские мировоззренческие установки, с другой, – на социальные реформы (преодолевающие социальные пороки существующей экономической системы капитализма) во благо трудящихся. То есть, христианский социализм – это христианство (католичество или протестантизм) плюс социал-реформизм. Согласно христианскому социализму, сознание должно формироваться так, чтобы граждане не были привязаны (как в существующей реальности капитализма) к материальным благам и плотским удовольствиям. Корреляция этого концепта с утопичностью в том, что предполагается, что люди будут добровольно трудиться на благо всех, как это имело место в раннехристианских общинах, где верующие добровольно отказывались от частной собственности. Поэтому не случайно родоначальником социал-католицизма является социалист-утопист А. Сен-Симон. Христианские социалисты считают, что Священное писание покровительствует интересам людей труда: «Все же верующие были вместе и имели все общее» (Новый Завет, Деян. 2:44). «И продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого» (Новый Завет, Деян 2:45). Но в большей степени концепт христианского социализма коррелирует с социал-демократией, точнее, с социал-оппортунизмом, вследствие чего партии христианского социализма (например, ХДС-ХСС в Германии) полностью интегрированы в западный либеральный проект [4, с. 140]. ОСП и ГСОЖ не рассматриваются данным концептом, а сам Ватикан, например, является крупнейшим собственником на Западе. Поэтому версия христианского социализма может быть отнесена к «частичному» социализму.

(8)– православный социализм – это идеологема течений в России, с одной стороны опирающихся на православные мировоззренческие установки и традиции (духовность, соборность, общинность), а с другой – на социальные достижения Советского Союза (в их числе – ОСП, ГСОЖ, практическая реализация социальной справедливости). То есть, православный социализм – это православие плюс социализм советского типа. Православный социализм как

концепт далёк пока от своей окончательной доработки, тем не менее, широко дискутируется, он стал некой новой мечтой-утопией-надеждой многих православных граждан России, ДНР, ЛНР, рефлексирующих к положительному опыту СССР. Согласно Н. Сомину: «Православный социализм - это особый социальный строй, достижение которого является земной целью российской истории. Этот строй характеризуется двумя главными чертами. Его идеология - православная. Т.е. принципы жизни государства основываются на евангелии и христианских заповедях. А экономика - социалистическая (сталинская), с общественной собственностью на средства производства, плановым способом управления хозяйством и монополией на внешнюю торговлю» [8]. Концепт коррелирует одновременно с христианским социализмом, социализмом СССР, и утопическим социализмом (поскольку не предполагает революционный сценарий). Предполагается ОСБ и ГСОЖ (как было в СССР), но, в отличие от революционного советского опыта, путем неких законодательных реформ после победы России в современной гибридной войне с Западом. Эта версия, в отличие от христианского социализма является проектом «полного» социализма.

(9) – исламо-сектантский социализм (идеология ИГИЛ, исламо-сектантский империализм) – идеологический исламский феномен XXI века, соединяющий лозунги исламского экстремизма (на базе салафизма), халифата (на основе ИГИЛ) и социальной справедливости (иначе, – социализма). ИГИЛ (иначе, - ДАИШ) – исламское государство Ирака и Леванта (общее название стран восточной части Средиземного моря) было создано бывшими офицерами спецслужб Ирака (С.Хусейна) и представителями спецслужб БААС (партии арабского социалистического возрождения), Сирии, Турции, Саудовской Аравии, Катара и США [9]. Фактически ИГИЛ – это непризнанное террористическое квазигосударство. Именно составом спонсоров объясняется тот факт, что оно получило быстрое развитие и экспансию. Идеология ИГИЛ кратко может быть выражена лозунгом «общего дела» мусульман всего мира по строительству совместного халифата как социально ориентированной исламской общины, живущей по принципам исламской справедливости. Исламо-сектантский социализм жестко противопоставляет ИГИЛ всей остальной человеческой цивилизации, объявляя священную войну («джихад») всем светским (западным и прозападным) элементам. Эта идеология практически сводится к парадигме «от массовых убийств к исламскому социализму», она формально объявлена вне границ и наднациональной, но фактически она имеет вполне определённые границы, обозначенные спонсорами ИГИЛ. Концепт коррелирует с национал-социализмом: вместо ультрационализма вторым слагаемым (к социализму) является крайняя форма радикального ислама. ОСП, как и при национал-социализме, не декларируется, но предусматривается такое же жёсткое ГСОЖ. Частная собственность не отменена, более того, меркантильная личная заинтересованность лидеров ИГИЛ является главнейшим её двигателем. Версия является примером «частичного» социализма.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (а) сведём в таблицу:

Таблица 1

Таблица № 1, итерация II (а)	«Полный» социализм	«Частичный» социализм
(1) – утопический социализм	+	–
(2) – марксизм	+	–
(3) – анархизм	–	+
(4) – социализм СССР	+	–
(5) – социал-демократия	–	+
(6) – национал-социализм	–	+
(7)– христианский (католический, протестантский) социализм	–	+
(8)– православный социализм	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+

После первой итерации II (а) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«полный» социализм: (1) – утопический социализм, (2) – марксизм, (4) – социализм СССР, (8)– православный социализм;

и

«частичный» социализм: (3) – анархизм, (5) – социал-демократия, (6) – национал-социализм, (7)– христианский (католический, протестантский) социализм, (9) – исламо-сектантский социализм.

Далее следует **Итерация II (б)**, где индекс «б» указывает на выборку второй из рассматриваемых бинарных оппозиций. Ниже производится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с той или иной опорной категорией (соответственно, «насилие» или «ненасилие») из рассматриваемой бинарной оппозиции «б».

(1) – утопический социализм. Основоположники утопического социализма рассматривали желаемый образ будущего социально справедливого общества, достигаемый ненасильственно (путём убеждений, пропаганды, личным примером) по эволюционному сценарию.

(2) – марксизм. Этот концепт основан на революционном насилии: «пролетариат основывает свое господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии» [6]. Об этом же говорят марксистская теория революции и практика.

(3) – анархизм. Этот концепт коррелирует с марксизмом в части революционизма, насилия, отличаясь лишь отрицанием какой бы то ни было правительственной власти. Так, социальная революция с полным уничтожением капитализма объявлялась российскими анархистами целью. Они выступали за террор и грабежи богатых как способы борьбы и отрицали всякие нравственные устои общества. Уже с 1904—1905 гг. анархистский террор и грабежи (называемые «эксами», то есть экспроприациями) стали значительным явлением. Самым известным анархистом-практиком стал Нестор Махно, который возглавил повстанческую армию численностью около 50-ти тысяч человек.

(4) – социализм СССР. Коррелирует с марксизмом, проект реализован социалистической революцией с последующим многолетним красным террором и гражданской войной, унёсшими в России на порядок больше человеческих жизней, чем в Первую мировую войну.

(5) – социал-демократия (демократический социализм). В этой версии социализма в современных условиях вообще не рассматривается революционный насильственный сценарий (в её политическом лексиконе и партийных программах исключены понятия насилие, революция или диктатура), декларируются функции СЗТ, ОМО, СЗМСН.

(6) – национал-социализм. Исторический опыт Германии 1933 года показал, что приход к власти национал-социалистов достижим демократическим (не насильственным) путём. Однако, придя к власти, национал-социалисты сразу же начали использовать насильственные методы ведения как внутренней, так и внешней политики, об этом же говорят их программные партийные документы [7]. Идеология предполагает милитаризацию экономики, а высшей целью является силовое достижение господства немцев над другими народами и освобождение мира от коммунизма (марксизма-ленинизма) при полном уничтожении еврейства как основного носителя идей коммунизма. Эта версия однозначно относится к дифференциации «насилие».

(7)– христианский (католический, протестантский) социализм. Христианский социализм предполагает создание атмосферы любви к Богу и всем людям (ближним и дальним), что необходимо для спасения души, для права на возвышенную вечную жизнь после смерти. Христианский социализм, фундированный христианской аксиологией, не может декларировать насильственные методы в политике. Об этом же говорят Энциклика Папы Римского Льва XIII и программные партийные документы христианских социалистов. Версия относится к дифференциации «ненасилие».

(8)– православный социализм. Концепт в части сопряжения с категорией «насилие» коррелирует с христианским социализмом. Версия однозначно относится к дифференциации «ненасилие». Православный социализм хотя и предполагает ОСБ и ГСОЖ, но в отличие от насильственного советского опыта, предлагает их осуществить путем законодательных реформ после победы (неопределённой во времени) России в современной гибридной войне с Западом [8].

(9) – исламо-сектантский социализм (идеология ИГИЛ). Эмоциональной основой этой идеологии является идея ненависти к любой иной вере (включая иное, чем в ИГИЛ понимание Ислама), ненависти к любой другой идеологии, традиции, культуре любым иным взглядам, любому неповиновению ИГИЛ. Исламо-сектантский социализм выступает как альтернатива глобальному хаосу (который создан Западом) и является вызовом всей светской (прозападной) материалистической (богоборческой) цивилизации. Одновременно практика ИГИЛ обнаруживает генерацию ещё большего кровавого хаоса и расхождение этой идеологии с традиционным исламом. Так, даже малейшие отклонения

мусульман от предписаний идеологии ИГИЛ превращают их в неверных, а все неверные осуждаются на смерть, чаще всего жестокою и мучительную. Все свои казни боевики записывают на камеру, после чего выкладывают в интернет. Это особый психологический ход, позволяющий воздействовать на людей (психическое насилие), держать их в страхе и ужасе [9]. Всё это позволяет отнести ИГИЛ к тоталитарной террористической религиозной секте. Концепт в части сопряжения с категорией «насилие» коррелирует с национал-социализмом. Радикальный ислам открыто провозглашает насильственные методы достижения своего господства, а события в Ираке и Сирии полностью это подтверждают.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (б) сведём в таблицу:

Таблица 2

Таблица № 2, итерация II (б)	Насилие	Ненасилие
(1) – утопический социализм	–	+
(2) – марксизм	+	–
(3) – анархизм	+	–
(4) – социализм СССР	+	–
(5) – социал-демократия	–	+
(6) – национал-социализм	+	–
(7)– христианский (католический, протестантский) социализм	–	+
(8)– православный социализм	–	+
(9) – исламо-сектантский социализм	+	–

После итерации II (б) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«**Насилие**»– характеристика концептов: (2) – марксизм, (3) – анархизм, (4) – социализм СССР, (6) – национал-социализм, (9) – исламо-сектантский социализм;

и

«**Ненасилие**» – характеристика концептов: (1) – утопический социализм, (5) – социал-демократия, (7)– христианский (католический, протестантский) социализм, (8)– православный социализм.

Далее следует **Итерация II (с)**, где индекс «с» указывает на выборку третьей из рассматриваемых бинарных оппозиций «утопичность – реальность». Ниже производится дифференциация каждого из рассматриваемых концептов социализма на сопряжение с той или иной опорной категорией (соответственно, «утопичность» или «реальность») из рассматриваемой бинарной оппозиции «с».

(1) – утопический социализм. Из самого названия очевидно, что эта версия была потому

и названа К. Марксом утопической (от греческого: «место, которого нет»), что являлась воображаемым проектом-мечтой, который никогда, никем и нигде не был реализован по причине своей нереальности, недостижимости (то есть

утопичности). Повторимся, любые попытки практической реализации сенсимонизма, оуэнизма и фурьеризма всегда заканчивались крахом.

(2) – марксизм. Не акцентируя внимания на том, какие политические силы (геополитические игроки) участвовали в его практической реализации и какова цена победы, отметим только факт того, что он многократно и достаточно успешно был реализован во многих странах мира. Концепт относится к реальной политической практике.

(3) – анархизм, также как утопический социализм, был и остаётся воображаемым проектом-фантазией, который никогда, никем и нигде не был реализован. Причём он потому и не был реализован, что историческая практика не предъявила миру ни одного примера возможности существования народов без государств и вне государств, так настойчиво отрицаемых анархистами.

(4) – социализм СССР. Эта версия социализма не просто была успешно реализована, она предъявила миру множество преимущественных по сравнению с капитализмом признаков, до сих пор вызывающих у соотечественников рефлексию, а также дала множественные мутации, сохранившие до сих пор свою жизненную силу (Китай, Куба, Вьетнам, КНДР и др.). Реальная политическая практика.

(5) – социал-демократия. С одной стороны, социал-демократы имеют значительный опыт партийного строительства в Западной Европе. С другой стороны, они по сути являются оппортунистами, поскольку всегда занимали соглашательскую позицию с реальным олигархическим режимом правления и поэтому, потеряв своё «политическое лицо», полностью влились в концепт либерализма. «Современные социалистические партии и профсоюзы настолько приспособились к капиталистической рыночной системе, что ограничивают свои задачи “социальным обеспечением”. Тем самым цель преобразования капиталистического общества отодвигается в неопределённое будущее» [4, с. 142]. «Социалистические партии полностью перешли как на Западе, так и в России «на содержание собственных правительств». [4, с. 141]. То есть, реальность социализма (хотя бы в части ГСОЖ) при олигархическом капитализме, тем более в исполнении социал-демократов-оппортунистов, в нынешнем западноевропейском формате не представляется возможной.

(6) – национал-социализм можно рассматривать как реальную практику. Это весьма эффективный госкапитализм с высоким уровнем социальной защиты арийской расы (на другие народы эта защита не распространяется) и госрегулированием всех сфер общественной (ГРСОЖ) и даже личной и жизни.

(7) – христианский (католический, протестантский) социализм. Корреляция с утопическим социализмом в том, что предполагается, что люди будут добровольно трудиться на благо всех, как это имело место в раннехристианских общинах, где верующие добровольно отказывались от частной собственности. Однако исторический опыт не даёт примеров таких государств: что работает в общине – не обязательно работоспособно в масштабах государства. Как и в случае с социал-демократами, христианские социалисты (и христианские

демократы) в светских государствах Западной Европы имеют значительный опыт партийного строительства. Но также, как и социал-демократы, по сути своей, трансформировались в социал-оппортунистов, поскольку всегда занимали соглашательскую позицию с реальным олигархическим режимом правления. Поэтому также полностью влились в концепт либерализма. Реальность социализма в исполнении христианских социалистов-оппортунистов в нынешнем западно-европейском формате не представляется возможной. Даже теократический опыт государства Ватикан, который, казалось бы, должен демонстрировать реальность практического воплощения христианского социализма, однако, социализма как раз и не демонстрирует, поскольку сам Ватикан является крупнейшим собственником на Западе, действующим по западным капиталистическим лекалам. Особенно это наглядно видно на примере банка Ватикана, порочного, как и любой иной банк антихристианского ссудного процента и финансовых афер, и отличающегося от светского банка только тем, что он имеет совершенно закрытую для налоговых органов (и общественности) бухгалтерию.

(8)– православный социализм. Концепт, хотя окончательно и не доработан, но в части категории «реальность» коррелирует с утопическим социализмом.

(9) – исламо-сектантский социализм. Концепт, как показала практика ИГИЛ, не просто реален, но ещё проявил уникальную потенцию к динамичной экспансии, приостановить которую смогли только в 2016 году только Воздушно-космические силы России.

Итоговое распределение дифференциаций этапа II (с) сведём в таблицу:

Таблица 3

Таблица № 2, итерация II (б)	Утопичность	Реальность
(1) – утопический социализм	+	–
(2) – марксизм	–	+
(3) – анархизм	+	–
(4) – социализм СССР	–	+
(5) – социал-демократия	+	–
(6) – национал-социализм	–	+
(7)– христианский (католический, протестантский) социализм	+	–
(8)– православный социализм	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+

После итерации II (с) все рассмотренные идеологические концепты распределяются на две дифференциации:

«*утопичность*»– характеристика концептов: (1) – утопический социализм, (3) – анархизм, (5) – социал-демократия, (7)– христианский (католический, протестантский) социализм, (8)– православный социализм

и

«реальность»– характеристика концептов: (2) – марксизм; (4) – социализм СССР; (6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм.

Последним следует **Этап III** – общий компаративный анализ.

На данном этапе выносятся компаративно-аксиологическое суждение по рассматриваемым идеологическим концептам в контексте их характеристик, определённых дифференциациями, сопряжёнными с той или иной опорной категорией рассмотренных бинарных оппозиций. Для удобства анализа итоговое распределение дифференциаций этапов II (а, б и с) для наглядности сведём в единую таблицу №4.

Таблица 4

Таблица № 4, этапы II (а), (б) и (с)	Пол-ный социализм	Час-тичный социализм	На-силые	Нена-силые	Уто-пичнос-ть	Реаль-ность
(1) – утопический социализм	+	–	–	+	+	–
(2) – марксизм	+	–	+	–	–	+
(3) – анархизм	+	–	+	–	+	–
(4) – социализм СССР	+	–	+	–	–	+
(5) – социал-демократия	–	+	–	+	+	–
(6) – национал-социализм	–	+	+	–	–	+
(7)– христианский (католический, протестантский) социализм	–	+	–	+	+	–
(8)– православный социализм	+	–	–	+	+	–
(9) – исламо-сектантский социализм	–	+	+	–	–	+

Если предположить, что выборка трёх выше приведенных бинарных оппозиций (а, б и с) достаточно представительна для оценки самых существенных характеристик девяти рассматриваемых концептов социализма, то таблица №4 должна нам позволить сделать выводы. С точки зрения категории «реальность» (то есть реальной практики власти) рассматриваемых концептов напрашиваются такие общие выводы:

– Концепт полного социализма реален {см. версии (2) и (4)} только насильственным установлением. Иначе говоря, концепт полного социализма (включающего ОСП и ГСОЖ) может быть воплощён в жизнь только насильственно. При полном социализме только насильственно устанавливаемый марксизм (и его главная версия – социализм СССР), как показала историческая практика, реален и более того, имеет огромные преимущества (единый центр управления, плановость, жизнеспособность как способность к мобилизации в экстремальных условиях и т.п.) перед капитализмом и иными концептами социализма.

– Концепт частичного социализма без ОСП, но включающего ГСОЖ также реален {см. версии (6) и (9)} только насильственным установлением.

– Концепты социализма {см. версии (1) и (3)} утопичны сущностно, независимо от деталей декларируемых политических программ.

– Оставшиеся концепты {см. версии (5) и (7)} социализма утопичны, поскольку, как выше показано, являются де-факто оппортунистическими версиями. Социал-демократизм и христианский социализм в их современных устоявшихся версиях, как показал опыт Западной Европы, остаётся только фоновой идеологемой (иначе говоря, - ширмой прикрытия) реальной власти (финансовой олигархии или партократии) и реальной идеологии либерализма. Концепт {см. версия (8)} утопичен, поскольку ориентирован на «полный» социализм СССР, который может быть установлен лишь насильственно, а адепты православного социализма надеются на ненасильственное чудо.

Для наглядности сделанных выводов таблица №4 может быть видоизменена:

Таблица 5

Насилие	Полный социализм	Реален: (2) – марксизм; (4) – социализм СССР
	Частичный социализм	Реальны: (6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм Утопичен: (3) – анархизм;
Ненасилие	Полный социализм	Утопичены: (1) – утопический социализм (8) – православный социализм
	Частичный социализм	Утопичны: (5) – социал-демократия; 8) – христианский (католический, протестантский) социализм;

Таким образом, применение метода бинарных дифференциаций позволяет определять существенные характеристики, сумма которых, в свою очередь, позволяет дать однозначную аксиологическую оценку каждого из рассматриваемых концептов.

Классификация версий социализма

Единой устоявшейся классификации концептов социализма к настоящему времени нет ввиду колоссального разнообразия рассматриваемого феномена. Возможен, например, такой, достаточно обоснованный подход к классификации социализма: «Наиболее общим делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. Где имеется категория личного дохода, там мы имеем дело с социалистической системой; где этой категории нет, там перед нами коммунизм. При социалистическом строе потребление регулируется доходом, при коммунистическом — потребление или совершенно свободно или же регулируется непосредственным распределением продуктов в натуральном виде между отдельными лицами»[20]. В свою очередь, социализм в узком смысле слова подразделяется на государственный, синдикальный, коммунальный и анархический социализм. При государственном социализме все общественное хозяйство непосредственно сосредоточено в руках государства,

владеющего всеми средствами производства и всеми продуктами общественного труда. Синдикальный социализм предполагает, что средства производства находятся во владении не всего общества, а различных профессиональных рабочих групп, непосредственно работающих при помощи этих средств производства. При коммунальном социализме в состав общины входят рабочие не одного, а разных родов труда. В системах анархизма отвергается любая принудительная хозяйственная организация, а личность провозглашается совершенно свободной от общественной власти [20].

Подобная классификация концептов социализма имеет свою аргументацию и, безусловно, обоснованную логику. С другой стороны, такая классификация усложняет вопрос аксиологической оценки версий, поскольку за скобками, например, остаются такие их важнейшие характеристики как реальность концепта и необходимость насилия.

Классификацию рассмотренных концептов нами предлагается провести в соответствии с результатами анализа версий социализма методом бинарных дифференциаций, результирующими данными, представленными в таблицах №4 и №5. Так, все девять рассмотренных идеологических концептов можно условно классифицировать на четыре основных типа:

1) **Ненасильственный полный социализм** (то есть, эволюционный, без насилия путь с декларацией ОСП и ГСОЖ) – это мечта-утопия о социальной справедливости (в её понимании основоположниками утопического социализма), утопичная историко-политическая практика {версия (1)}. Концепт {версия (8)}, включающий декларацию ОСП и ГСОЖ также утопичен, поскольку ориентирован на «полный» социализм СССР, который может быть установлен лишь насильственно, а адепты православного социализма ориентированы на ненасилие. Идеология ненасильственного социализма рождена во Франции и Великобритании и по сей день имеет своих безобидных адептов-мечтателей (включая Россию), не имеющих никаких шансов на конечный результат. В процессе эволюции идей утопического социализма XIX-XX вв., на их основе развились две результативные версии: насильственный полный социализм и ненасильственный частичный социализм.

2) **Ненасильственный частичный социализм**: {(5) – социал-демократия; (7)– христианский (католический, протестантский) социализм} – это эволюционный путь социал-реформизма без декларации ОСП и/или ГСОЖ. Это путь прагматичного приспособленчества к действующей власти, ищущий с ней консенсуса. Ненасильственный социализм может быть только частичным (для него характерен отказ от полного социализма, если не на словах, то на деле) и только оппортунистическим. Идеология социал-оппортунизма рождена в Западной Европе как защитная реакция властей на возрастающую популярность насильственного социализма с целью его полного перевоплощения в управляемые западноевропейскими элитами политические движения с социалистическими декларациями. Реальность становления социализма (как

общественного строя) вместо капитализма в исполнении адептов версий {(5) и (7)} в нынешнем западно-европейском формате не представляется возможной.

3) **Насильственный полный социализм**{(2) – марксизм; (4) – социализм СССР} – это реальная историко-политическая практика. Полный социализм может быть только насильственным. Основная марксистская версия насильственного социализма рождена в Великобритании и экспортирована в континентальную Европу с целью обрушения государственности стран-жертв (в первую очередь России и Германии) империей англосаксов. К. Маркс подробно описал путь революционного сценария, провоцируя классовую борьбу, возбуждая классовую ненависть, а вот механизм функционирования социалистического государства не был им разработан и описан: в такой разработке особого смысла не было, ибо цель марксизма была не созидание, а разрушение стран-жертв. Иначе говоря, «... марксизм не ставит себе никаких других целей, кроме подготовки захвата власти, а строй, который в результате устанавливается, определяется необходимостью эту власть удерживать». [1, с. 16]. В России, благодаря неординарным организационным качествам И. Сталина, процесс пошёл не по задуманному Великобританией сценарию: марксизм мутировал в добротню функционирующий советский социализм, вариации которого были позднее экспортированы в другие страны (Китай, ГДР, Польша, Болгария, Вьетнам, КНДР и др.).

4) **Насильственный частичный социализм**{(6) – национал-социализм; (9) – исламо-сектантский социализм}. Концепты реальны, поскольку сам по себе инструмент насилия гипотетически позволяет «прикрываться» практически любой идеологией. Об этом свидетельствует исторический опыт диктаторских и тоталитарных режимов, использующих совершенно разные идеологические парадигмы. Он не реален даже гипотетически только в его единственной абсурдной версии {(3) – анархизм} – по причине отрицания государственной власти.

Приведенная классификация охватывает любые, включая современные, версии социализма. Например, в нынешней России компартия имеет все признаки «ненасильственного частичного социализма», так в её программе утверждается частичное обобществление собственности на средства производства (декларируется национализация только нефтяной и газовой отраслей, ключевых банков, электроэнергетики, железных дорог, систем связи и предприятий ВПК), предполагается лишь частичное госрегулирование («нормой жизни должно стать тактическое и стратегическое планирование»; «КПРФ предлагает законодательно запретить принятие решений, усугубляющих социальное неравенство»)[21]. Но в этой программе нет и намёка на необходимость классовой борьбы, на диктатуру пролетариата и другие основополагающие каноны марксизма, а есть лишь робкое упоминание о том, что преимущество частной собственности на средства производства – это миф, из которого, правда, ничего не следует.... «Нынешняя программа КПРФ довела тенденцию вырождения марксизма до абсурда, соединяя элементы марксизма с

ленинизмом-сталинизмом, либерализмом, консерватизмом, национализмом, “цивилизационным подходом”, “русской идеей”, “евразийством” и т.д.» [4, с. 104]. Из программы КПРФ (2016) следует, что её версия социализма полностью коррелирует с концептами западной социал-демократии. Поддержка «развития малого и среднего бизнеса» [21] означает поддержку капитализма, ставя под сомнение реальность социализма в условиях капитализма. По сути – это программа социал-оппортунизма в её классической редакции.

Социал-оппортунизм в нашем понимании не унижительный ярлык, его можно и нужно рассматривать в контексте необходимости «сброса» революционно-социалистического «пара» XX века, рассматривать как концепт, обеспечивший достижение на Западе высокого уровня СОТ в существующих условиях капитализма (без социализма). «Именно реформы, а не насилие одного класса над другим привели западное общество к благополучию» [5, с. 119], именно консенсус (баланс интересов) обеспечивает решение всех проблем государства. С другой стороны, социал-оппортунизм – это политическая мутация марксистского насильственного социализма путем его полного перевоплощения в управляемые западноевропейскими элитами политические движения с социалистическими декларациями. Так, демократический социализм и христианский социализм впоследствии были легко и полностью интегрированы в западный либеральный проект, ограничив свои задачи СОТ. Цель преобразования капиталистического общества в социалистическое у них отсутствует начисто. Социал-оппортунизм – это разумная управляемая правительственная практика улучшения благосостояния трудящихся и ухода от ставшего популярным к началу XX века социалистического насилия. Но социальные улучшения – это ещё далеко не социализм, это одна из задач социализма, главная из которых была и остаётся в радикальном преобразовании капитализма.

Выводы

Метод бинарных дифференциаций позволяет не только анализировать все известные концепты социализма, но и давать им однозначную аксиологическую оценку, в соответствии с которой становится целесообразна их классификация. Из реализации данного метода следует, что все дифференциации социализма подразделяются на четыре корневых (основополагающих) класса: ненасильственный полный социализм, ненасильственный частичный социализм, насильственный полный социализм и насильственный частичный социализм. Приведенная классификация применима для оценки политической состоятельности (реальности) и перспективности любой версии (мутации) социализма. Для этого надо просто выяснить, к какому классу (из обозначенных выше четырёх) относится рассматриваемая версия.

Ссылки и примечания:

1. Шафаревич И.Р. Сочинения в 3 т. Т. 1. Социализм как явление мировой истории. Две дороги к одному обрыву. Россия и мировая катастрофа. М.: Издательская и рекламно-информационная фирма «Феникс», 1994. 448 с.
2. Саттон Э. Орден "Череп и кости". Документы, история, идеология, международная политика/ Пер. с англ. О.Г. Новиков, В.Е. Тулаев. М.: "Самотека", 2009. 360 с.
3. Папаяни Ф. Метод бинарных дифференциаций в идеологическом дискурсе /Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля» № 10(24). Донецк, 2016. С.47-57.
4. Макаренко В.П. Главные идеологии современности. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. 480 с.
5. Сирота Н.М. Идеология и политика/Н. М. Сирота. М.: Аспект Пресс, 2015. 216 с.
6. Энгельс Ф, Маркс К. Манифест Коммунистической партии [Электронный ресурс] / Энгельс Ф, Маркс К. – режим доступа: <http://knigosite.org/library/read/27081> (Дата обращения 14.02.17)
7. Пленков О.Ю. III Рейх. Социализм Гитлера (Очерк истории и идеологии)/ Издательство: СПб.: Нева, 2004. 476 с.
8. Сомин Н. Православный социализм/ Православный социализм pro et contra/ 10.07.2015 [Электронный ресурс] / режим доступа: [http://ruskline.ru/analitika/2015/07/10/pravoslavnyj_socializm/%26?p=1&commsort=votes%26amp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3B%23037%3B26p%3D4](http://ruskline.ru/analitika/2015/07/10/pravoslavnyj_socializm/%26?p=1&commsort=votes%26amp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3Bamp%3B%23037%3B26p%3D4) (Дата обращения 15.02.17)
9. Султанов Ш. ДАИШ – стратегический вызов западной цивилизации. Авторский доклад Изборскому клубу/Журнал Изборского клуба Новороссии «Новая земля» № 1(15). Донецк, 2016, С. 54-67.
10. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 528 с. [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://scicenter.online/filosofi/klassifikatsiya-razlichnyih-sistem-57125.html> (Дата обращения 18.02.17)
11. Программа КПРФ (2016) [Электронный ресурс] / режим доступа: <http://msk.kprf.ru/2016/07/16/12511/> (Дата обращения 14.02.17)

И. И. Кальной

*доктор философских наук,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И. Вернадского», г. Симферополь РФ*

ОТЗЫВ

НА СТАТЬЮ Ф.А. ПАПАЯНИ «О ФОРМУЛЕ СОГЛАСИЯ ДЛЯ «КРАСНЫХ И «БЕЛЫХ».

Обыватель, как правило, причину неудач, в формате драмы или трагедии, ищет вовне. Пришло время остановиться, определить причину проблемной ситуации и поискать оптимальные пути ее разрешения. Россия ныне на краю. Ситуация усугубляется состоянием общества переходного периода с ориентиром на осуществление индивидуального интереса. Во время перестройки – «катастрофы» общество потеряло связь поколений.

Игнорируя наработанный опыт своих родителей как неудачников, несостоявшихся олигархов, определенная часть молодежи превратилась в опасную массу манкуртов. Она достаточно легко, усилиями хитроумных – подстрекателей превращается в зомби, демонстрирующих готовность к социальному суициду. Этот фрагмент социума превратился в «динамит» – взрывоопасную массу, стал внутренним фактором опасности для Отечества. Из возможности стать разрушительной силой, он может стать реальной силой, если к нему приложить взрыватель. Находясь за пределами Отечества, «взрыватель» ищет связь с «динамитом» через тех, кого можно покупать оптом и в розницу. И такие находятся.

Этому процессу необходимо противопоставить согласие тех «красных» и «белых», для которых защита Отечества как целого превышает личный интерес. Позицию разумного компромисса исследует автор заявленной статьи, обращаясь к потенциалу, обращаясь к уваровской триаде – «трех столпов» русской государственности.

Обращение к прошлому может быть разнопланово. Федор Алексеевич Папаяни рассматривает прошлое как возможность увидеть в нем знаки будущего, обеспечивая консенсус, диалог сторонников различных политических ориентаций, представителей разных этносов и конфессий.

Дорога из прошлого в будущее – это не Невский Проспект. Изобилие эмпирического материала как базового основания представления и обретения своей правды вносит свою порцию разногласия, а подчас и противостояния, формирует свои мнения и убеждения, замешанные на своей правде. Похоже, пришло время искать точки соприкосновения различных позиций, а не

одиозного противостояния. Эту тенденцию подметил автор заявленной статьи. Хочу пожелать ему успехов на этом тернистом пути поиска истины.

Уваровская триада ориентирована на согласие различных социально – политических сил, на служение Отечеству и человечеству, сдерживая мировое зло. Хочу напомнить и автору и читателям, что прошлое нельзя повторить, ибо в этом мире все одноразово, но можно и нужно принять прошлое во внимание через призму его современного прочтения. Дорогу осилит только идущий.

К 80-летию Донецкого национального университета и исторического факультета

УДК930.1:378 (477.6) «1991/1992»

В. Н. Никольский

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nicols46@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ДОНБАССА: НАЧАЛО ВЗРОСЛЕНИЯ

Аннотация

Университет становится настоящей кузницей кадров, когда имеет возможность публиковать результаты научных исследований своих ученых. Это – начало периода взросления. Такой этап на историческом факультете начался в 1992 году, когда вышел первый научный сборник «Новые страницы в истории Донбасса». В двух книгах этого сборника были опубликованы статьи ученых факультета, многие из которых и сегодня остаются злободневными и полезными для читателей, несмотря на то, что прошла уже четверть века. Инициатором издания была доктор исторических наук, профессор Зоя Григорьевна Лихолобова. 26 марта 1993 г. в областной газете «Донбасс» была опубликована большая рецензия на это издание, автором которой был известный ученый-историограф доктор исторических наук, профессор Анатолий Васильевич Санцевич. Предлагаемая нами статья включает, как составную часть, эту рецензию.

Ключевые слова: *историография истории, Донбасс, исторический факультет, первый научный сборник, рецензия, З.Г. Лихолобова, А.В. Санцевич.*

Summary

A university becomes a real talent foundry when it has the possibility to publish the results of the scientific investigations of its scholars. It is the beginning of the period of growing up. Such a stage began at the Faculty of History in 1992 when the first scientific anthology “New pages in the history of Donbass” was published. Articles of the scholars of the Faculty were published in the two volumes of this anthology, articles, many of which remain topical and useful for the readers even today, although a quarter of a century has already elapsed. The edition was initiated by doctor of historical sciences, professor Zoya Grigorevna Liholobova. A big review

of this edition was published on the 26th of March 1993 in the regional newspaper "Donbass". The review was written by the famous scholar in historiography, doctor of historical sciences, professor Anatolij Vasilevich Sancevich. The article presented by us includes this review as a component.

Keywords: *historiography of history, Donbass, the Faculty of History, the first scientific anthology, review, Z. G. Liholobova, A. V. Sancevich.*

80 лет становления и развития исторического факультета - вначале Сталинского педагогического института, затем - Донецкого государственного университета, и, наконец, Донецкого национального университета (ныне ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет») – процесс сложный, отражающий различные периоды истории науки в регионе.

Рассматривая его с точки зрения качественного роста, нужно, на наш взгляд, выделить период, хронологически охватывающий 1992-й и последующие годы.

Так уж, сложилось, что в педагогическом институте и на довольно большом отрезке времени, относящемся к государственному университету, историческая наука, ее достижения, проявлялись эпизодически. Событием на факультете становился выход из печати отдельных (чаще всего, небольших по объему) брошюр, которые, нередко были далеки до солидных научных трудов. А редкая публикация отдельных монографий становилась, не побоюсь этого слова, праздником науки.

Своеобразный прорыв начался в 1991 году, когда Научный совет по исторической демографии и исторической географии Института истории СССР Академии наук СССР предложил Донецкому государственному университету (кафедра историографии, источниковедения и методики преподавания истории, кафедра статистики, кафедра экономики и социологии труда) выступить совместно организаторами VII Всесоюзной конференции по исторической демографии. В состав Оргкомитета были приглашены декан исторического факультета ДонНУ доцент В.Ф. Бурносков, заведующая кафедрой истории СССР профессор З.Г. Лихолобова, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и методики преподавания истории профессор Р.Д. Лях, заведующий кафедрой истории УССР профессор А.И. Прийменко, доцент кафедры историографии <...> В.А. Пирко.

После определенной подготовительной работы конференция состоялась 14 – 16 мая 1991 г. Итогом ее работы был выход двухтомника тезисов докладов и сообщений, среди авторов которых были, кроме названных выше членов Оргкомитета, доценты А.Н.Бут, Л.А. Крутова, В.Н.Никольский, Т.И. Сорока, Н.П. Троян, аспиранты, соискатели С.П. Гнитько, Н.Р. Темирова, Е.В. Гребенникова, В.А. Коваленко, Л.Н. Добробог.

Участие в этой конференции значительного количества ученых факультета, на наш взгляд, означало подготовку нового качественного этапа в истории факультета.

По инициативе профессора З.Г. Лихолобовой и поддержке декана факультета В.Ф. Бурносова 3 апреля 1992 г. в областном издательстве «Донбасс» выходит Книга первая «Новые страницы в истории Донбасса», а 17 ноября того же года – Книга вторая этого издания.

Председатель редколлегии издания в обращении «От составителя» к первой книге отметила «острую социальную необходимость правдивого и откровенного рассказа об историческом прошлом Донбасса» [1]. Справедливости ради скажем, что судя по всему, первоначально речь шла об издании отдельных сборников, потому, что не говорилось ни об их серийном характере, ни о перспективе подготовки периодического издания.

Третья книга вышла 10 октября 1994 г., а четвертая – 25 декабря 1995 г. В аннотации именно четвертой книги было сказано, что это – часть серии.

Но возвратимся к первым двум книгам. Их выход обратил на себя внимание известного историографа, доктора исторических наук, профессора Анатолия Васильевича Санцевича [2], который внимательно изучил новый двухтомник и предложил редакции областной газеты «Донбасс» большую рецензию, опубликованную 26 марта 1993 г. Рецензией эта публикация была по форме, поскольку содержательно это – аналитическая статья историографического наполнения.

Воспроизводим полностью, с некоторыми чисто техническими сокращениями, текст этой рецензии.

«Издано в Донбассе.

О СТРАНИЦАХ, КОТОРЫЕ НЕ УПОМИНАЛИСЬ...

... Тематика статей этой книги весьма актуальна и оригинальна.

Как известно, до сих пор в украинской историографии мало внимания уделялось частному сектору экономики при советской власти. З.Г. Лихолобова подготовила основательную разведку о частном предпринимательстве в промышленности и торговле Донбасса в условиях нэпа. Автор справедливо подчеркивает, что сосуществование двух укладов – социалистического и частнособственнического при нэпе проходило не на основе свободной экономической конкуренции, а путем мощной государственной поддержки одного сектора и всестороннего давления на второй с его ограничением и вытеснением. На большом фактическом материале, убедительно показано, какие огромные трудности испытывал частный сектор Донбасса в годы нэпа. Несмотря на это, частные предприятия имели определенные достижения. Производительность труда в частной промышленности была выше, чем в государственной. Частники эффективнее использовали аренду, чем кооперативы и государственные предприятия.

В 1927 – 1928 гг. интенсивно свертывается деятельность частного сектора как в промышленности, так и в торговле. Нам представляется, что З.Г. Лихолобова вполне аргументировано полемизирует со своими предшественниками, которые утверждали, что частное предпринимательство

вытеснилось экономическим путем. В действительности осуществлялось огромное административное давление.

Известные киевские исследователи С.В. Кульчицкий и Е.П. Шаталина написали фундаментальную статью о коллективизации сельского хозяйства и голоде 1932 – 33 гг. в регионе. Авторы начинают с теоретических вопросов преобразований в сельском хозяйстве Украины, отметив «военно-коммунистический» курс сплошной коллективизации, запрограммированный Сталиным и его сподвижниками в конце 20-х годов. На большом убедительном материале раскрываются жестокие меры властей в отношении крестьянства с конца 1927 г. (поле XV съезда ВКП (б)).

Во время сплошной коллективизации фактически действовала продразверстка. Только в 1933 г. устанавливаются твердые обязательства колхозников и единоличников перед государством, которые имели силу налога. Авторы определяют некоторую стабилизацию в сельском хозяйстве страны в целом и региона в частности. Вспоминается отмена карточной системы 1935 г. А после этого оптимистического аккорда (с.43) наши исследователи почему-то возвращаются к голоду 1932 – 33 гг., крестьяне были обречены на полуголодное существование.

На наш взгляд, этот впечатляющий материал целесообразнее было бы подать в едином потоке с ходом коллективизации, что придало бы изображаемому процессу больше драматичности и завершенности.

В сборнике затрагиваются сложные и неоднозначные вопросы национально-культурного развития Донбасса за советский период. В.Н. Никольский рассматривает национальные проблемы 20-х гг., делает небольшой ретроспективный обзор заселения Донбасса представителями различных национальностей: украинцами, русскими, сербами, молдаванами, греками, немцами и др. Особенно подробно рассматривается жизнь и деятельность греков в Донбассе. Немцы проживали в отдельных колониях. В 1921 г. в Донецкой губернии было 190 немецких школ. Автор приводит ценные сведения о вероисповедании немцев, особенно подробно о меннонитах. В колониях активная роль принадлежала церковным советам и священнослужителям. Раскрывается положение евреев в Донбассе. Отображается значительная тяга представителей нацменьшинств к эмиграции в связи со сложными жизненными условиями, преследованием религии. К сожалению, автор не уделяет нужного внимания положению украинцев, совсем обходит вопрос об украинизации в 20-х годах.

Только в статье Л.С. Трубниковой о культурных процессах 20-х – 30-х годов упоминается украинизация школ Донбасса, а в других отраслях жизни она не прослеживается. Автор уделяет большое внимание ликвидации безграмотности, оговаривая, что планы эти не выполнялись. Читатель подводится к выводу, что сформированная в 30-х годах система образования была ограниченной по широте и глубине осведомленности...

Отдавая дань характерной тенденции нашего времени, авторы книги большое внимание уделяют драматическим, негативным явлениям нашего недалекого прошлого (частично, это мы отмечали выше). А В.Ф. Бурносов специально посвятил свою статью расследованию массового захоронения расстрелянных в 1937 годы граждан (площадь около 5 га) в Донецке. Используя документы Донецкого областного управления службы безопасности Украины, он показал ужасающую, трагическую долю ряда жителей области, замученных в застенках НКВД. Интерес читателя, безусловно, вызовет дополнение к статье: образцы документов карательных органов – протоколы допросов, приговоры, заявления осужденных, а также постановления об отмене незаконных и безосновательных обвинений, реабилитации репрессированных. Жаль только, что эти документы не сопровождаются четкими комментариями, которые раскрывали бы фальшивость и надуманность обвинений.

А.И. Заднепровский рассказывает о голоде 1946 – 1947 гг. в селах Донетчины вследствие засухи 1946 – 1947 гг. Он обоснованно отмечает, что в прессе этот период освещался на фоне достижений, но архивные материалы свидетельствуют о трудностях, недостатках.

Высокой оценки заслуживает оригинальная, актуальная статья Р.Д. Ляха и Л.Н. Добробог об окружающей среде Донецкой области в 1985 – 1990 гг. Справедливо отмечается, что состояние окружающей среды властно входит в исторический процесс, непосредственно действует на человека. В особенно тяжелом положении оказался промышленный Донбасс. Авторы конкретно раскрывают влияние экологического положения на здоровье человека, выдвигают некоторые рекомендации по улучшению экологической ситуации в регионе.

На современном этапе большое значение имеет глубокий историографический анализ зарубежной научной литературы. Поэтому следует всячески приветствовать подготовку И.Ю. Чарских статьи об отражении в зарубежной литературе истории Донбасса. Автор пришел к выводу, что на протяжении конца XIX – 80-х гг. XX в. в зарубежной литературе изучение истории Донбасса не было систематическим, а характер сведений, которые имел зарубежный читатель, зависел от конъюнктуры в советологии. Досадным пробелом содержательного обзора является отсутствие ссылок на иностранную литературу, приводится только русский перевод названий.

Рецензируемое издание имеет отдельные недостатки. Приводится устарелое название (ЦГАОР Украины), Народный артист СССР С. Василько назван заслуженным артистом СССР (такого звания никогда не было). Иногда термин «Донетчина» не имеет четкого определения: или это Донецкая область, или весь Донбасс.

В целом же издание «Новые страницы в истории Донбасса» заслуживает положительной оценки. Авторам удалось поднять важные, оригинальные вопросы, которые на протяжении длительного времени замалчивались. В основном статьи отвечают строгим современным требованиям, предъявляемым

к исторической литературе, отличаются разносторонностью выводов и оценок. Эти работы могут служить определенным ориентиром для развертывания краеведческой работы в Донбассе.

Анатолий САНЦЕВИЧ. Доктор исторических наук, профессор» [3].

Публикация этой рецензии, по нашему мнению, и стала началом нового этапа развития исторической науки на факультете, поскольку никогда ранее серьезная областная газета не публиковала такого рода оценочных аналитических статей историографического содержания. И одновременно, это была публичная профессиональная оценка исследований разных поколений ученых, работавших на историческом факультете Донецкого государственного университета.

Начинался новый период развития факультета. С 1999 г. издается научный журнал «Исторические и политологические исследования» («Історичні і політологічні дослідження»), вошедший в международные наукометрические базы данных. Нужно отметить, что почти все ученые, защитившие около трехсот кандидатских и докторских диссертации в специализированном совете при историческом факультете (совет был создан в 1994 г.) были авторами статей, опубликованных на его страницах. В 2015 году преемником этого журнала становится новое сетевое издание, шестой выпуск которого сейчас перед Вами, уважаемые читатели.

Научный сборник «Новые страницы в истории Донбасса» (позже – «Новые страницы истории Донбасса», «Нові сторінки історії Донбасу») издавался до 2014 г., прекратил свое существование, среди прочих причин, из-за невозможности писать историю «в дистанционном режиме» винницкими историками, а также - отсутствия связи с регионом и, мягко говоря, «недостатка источниковедческой базы».

Ссылки и примечания:

1. От составителя [З.Г. Лихолобова] // Новые страницы в истории Донбасса. Статьи. Книга 1.- Донецк: «Донбасс», 1992. С.3.
2. См: Пінчук Ю.А. Санцевич Анатолій Васильович //Енциклопедія історії України у 10 т./:Інститут історії України .К.: Наукова думка, 2012. Т.9. С.451.- Санцевич А.В.родился в Полтавской губернии в 1924 г. Доктор исторических наук, профессор. В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Проблемы истории Украины 1945 – 1965 гг. в советской историографии». Автор монографий «Проблеми історії України післявоєнного періоду в радянській історіографії» (1967 г.), «Українська радянська історіографія (1945-1982 гг.)» (1984 г.), «Методика исторических исследований» (1984 г.).
3. Донбасс.1993.26 марта

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
№1 (60) 2017**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – В.Н. Никольский, доктор исторических наук.

Ответственный секретарь – А. С. Бобровский, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии: Краснонос Ю.Н., кандидат исторических наук, Кухтин М.М., кандидат политических наук, Кузнецова Е.В., кандидат политических наук, Морозов Р.Н., кандидат исторических наук, Пенькова О.Б., кандидат исторических наук, Удалова Т.М., кандидат исторических наук, Черкашин К.В., кандидат политических наук.

Технический редактор: Бобровский А.С.